

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. Ломоносова

Филологический факультет

ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ
(проблемы реконструкции)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.14 «Классическая филология,
византийская и новогреческая филология»
аспиранта III курса
отделения классической филологии

Белова Алексея Михайловича

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент ***М. Н. Славянская***

Научный консультант – кандидат филологических наук, доцент ***А. Е. Кузнецов***

МОСКВА MMV

Оглавление

Введение	5
----------------	---

Часть I

Латинское ударение как предмет изучения
(проблемы исследований латинского ударения в науке XX в.)

1.0. ВВЕДЕНИЕ	16
1.1. ТЕОРИИ УДАРЕНИЯ ДО ЯКОБСОНА	19
1.1.1. «Тональная» теория ударения.....	19
1.1.2. Тонально-динамические теории.....	25
а. Сила и тон в хронологическом сочетании (Ж. Вандриес)	25
б. Сила и тон в различных дискурсивных уровнях.....	28
(Ф. Ф. Эббот и Р. Г. Кент)	28
1.1.3. «Динамические» теории латинского ударения	31
а. Ритмико-динамическая теория (Э. Стёртевант)	31
б. Динамические теории германской школы (Ф. Зоммер и А. Шмитт)	33
1.2. ТЕОРИИ УДАРЕНИЯ ПОСЛЕ ЯКОБСОНА	38
1.2.1. Моровая теория ударения.....	38
1.2.2. Слоговые теории ударения	39
а. Ритмическая теория Е. Куриловича	39
б. Теория акцентных матриц (У. С. Аллен).....	40
1.2.4. Выводы первой части.....	44

Часть II

Латинское ударение как предмет реконструкции
(место ударения в латинской и индоевропейской акцентных системах)

2.1. ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕС СЛОГА	48
2.1.1. Нефонологическая теория веса (Э. Палгрэм)	48
2.1.2. Акустическая основа	51
а. Моторная теория Стетсона	51
б. Теория длительности (А. М. Девайн и Л. Д. Стефенса)	55
с. Сопоставительный анализ.....	61
2.1.3. Проблема силлабической терминологии	70
2.2. СЛОГ И МОРА В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	76
2.2.1. Критерии морового счёта	76
2.2.2. Силлабические и вокалические моры.....	84
2.3. ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ И СИЛЛАБИЧЕСКИЕ МОРЫ	89
2.3.1. Общая ритмика слова	89
а. Акцентные матрицы	89
б. Ударение и ритмические стопы	92

c. Ударение в ямбическом сокращении	102
d. Ударение и последний слог слова	105
e. Место ударения в слове	108
2.3.2. Латинское ударение в метрических чередованиях	112
a. Классическая акцентно-иктовая теория (Э. Френкель)	113
b. Акцентно-иктовая теория Э. Стёртеванга	116
c. Критический анализ	120
d. Акцентные латинские стихи	124
2.4. ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ И ВОКАЛИЧЕСКИЕ МОРЫ	126
2.4.1. Взаимодействие силлабических и вокалических мор	126
2.4.2. Латинское и эолийское ударения	132
2.4.3. Вокалические моры в диахронии	138
a. Классическая эпоха	138
b. Эпоха «начальной интенсивности» и редукции	139
c. Итальянская эпоха	144
2.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ РОДИНА ЛАТИНСКОГО УДАРЕНИЯ	146
2.5.1. Индоевропейские акцентные типы	146
2.5.2. Латинский вокализм и теория В. А. Дыбо	149
2.5.3. Итальянская просодическая система и теория А. Лубоцкого	154
2.5.4. Акцентные инновации и Ф. Ф. Фортунатов	157
2.5.5. Итальянская и греко-арийская просодические системы в гипотетической реконструкции (Ф. Кортландт, Г. Гольм и Л. Герценберг)	159
2.5.6. Заключение второй части: латинское ударение в диахронии	162

Часть III

Латинское ударение как предмет описания (теория латинского ударения по данным римских грамматиков)

3.1. Стоическая философия и античная грамматика	171
3.1.1. Обзор стоической семантики	171
3.1.2. Обзор стоической фонетики	174
3.1.3. Стоики и римские грамматические описания	177
a. Общее	177
b. Языковая иерархия	178
3.2. ГРАММАТИКИ ЭПОХИ ИМПЕРИИ	186
3.2.1. Введение	186
3.2.2. Диомед	187
3.2.3. (Псевдо-)Проб	191
3.2.4. Донат	193
3.2.5. Сервий	194
3.2.6. Псевдо-Сергий (Сергий I и Сергий II)	199
3.2.7. Присциан и Псевдо-Присциан	206
3.2.8. Помпей	209
3.2.9. Викторин	211

3.2.10. Прочие имперские грамматики	213
3.2.11. Некоторые итоги	216
3.3. ГРАММАТИКИ ЭПОХИ РЕСПУБЛИКИ	218
3.3.1. Нигидий Фигул	218
3.3.2. Варрон	220
3.4. КОСВЕННЫЕ НЕГРАММАТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА.....	222
3.4.1. Цицерон.....	222
3.4.2. Квинтилиан.....	223
3.5. АНАЛИЗ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
Заключение	235
Библиография.....	240
Приложение.....	248

Введение

Исследование латинского ударения с точки зрения реконструкции вполне может представляться непосвящённому чрезвычайно узкой задачей, служащей исключительно для удовлетворения научного любопытства лишь некоторых отдельно взятых филологов. Тем не менее такая позиция в корне неверна. Во-первых, изучая любой уровень языка, мы гораздо лучше понимаем и механизмы работы всего языка в целом: а такое понимание позволяет нам как нельзя лучше проникнуть в сознание и культуру, этот язык породившие, – цель, значимость которой, особенно для латинского языка, вряд ли кому захочется оспорить. Во-вторых и в-главных, необходимость такого исследования во многом определяется тем особым местом, которое занимает в языковой системе ударение и просодия вообще: выступающая в роли своеобразного фундамента, она находится в теснейшем взаимодействии с другими уровнями и слоями языка – связывая фонологию и морфологию, морфологию и синтаксис, язык и речь, прозу и стих; поэтому решение какой-либо важной просодической проблемы позволяет найти опору для изучения очень многих смежных языковых явлений – причём не только в синхронии, но и в диахронии. Правильное понимание природы и свойств латинского ударения позволило бы фонологам и морфологам определиться в решении вопросов, связанных с латинской редукцией, синкопой, ямбическим сокращением, рядом явлений в словообразовании и т.д.; стиховедам – сделать правильные выводы о происхождении, истории и особенностях латинской (и вообще, античной) системы стихосложения; компаративистам – более точно определить место латинского языка в общеиндоевропейской системе, по-новому взглянуть на проблему распада индоевропейской общности, уточнить реконструируемые данные индоевропейской просодии. Оно было бы совершенно необходимо и романистам, поскольку поможет найти решение многим вопросам, связанным с происхождением и развитием романской просодии и фонологии; наконец, типологи нашли бы чрезвычайно полезным сравнение восстановленных данных латинской просодии с существующими в живых языках, историки науки и культурологи могли бы

не без основания заинтересоваться принципами и методами античных акцентологических описаний, а применение полученных результатов в дидактической практике, возможно, послужило бы развитию нашего классического образования.

В результате становится очевидным, что исследование просодических проблем древних языков – это важная и нужная задача, актуальная и для современной классической науки; кроме того, ввиду многообразия и широты возникающих перед нами задач, мы понимаем, что такое исследование должно быть проведено комплексно – и с учетом данных, полученных такими классиками современной науки, как Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Э. Френкель, У. С. Аллен или В. А. Дыбо, и с использованием современных научных достижений и методов, включая точные; с привлечением сведений, унаследованных нами из трудов античных грамматиков, и с помощью ряда экспериментальных средств. Из всего сказанного следует, что решение всех поставленных и ещё не поставленных вопросов – это дело не одного-двух человек, а целого научного направления, имеющего все необходимые средства для проведения требуемых изысканий – от хорошей библиотеки до современной экспериментальной базы; а эта работа – лишь первая скромная попытка комплексного решения одной из таких задач.

Помимо сказанного, актуальность предлагаемого исследования определяется ещё и тем, что до настоящего времени на русском языке не было написано *ни одного* научного труда, превышающего объём статьи, который был бы специально посвящён латинскому ударению. В зарубежной науке XIX-XX вв. такие труды имеются, однако в них латинское ударение рассматривается, как правило, лишь с одной или нескольких сторон: наглядным примером может служить обширная монография Э. Френкеля [Fraenkel 1928], посвящённая исключительно вопросам взаимодействия ударения и икта в раннем драматическом стихе. Из существующих в наше время научных текстов подлинно комплексным исследованием по реконструкции просодии древнего языка следует признать монографию А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса «The Prosody of Greek Speech» [= Devine & Stephens 1994], в известной степени послужившую примером и для этой работы.

Предполагалось две основные задачи работы. Во-первых, здесь достаточно подробно освещается тот список проблем, с которыми сталкивается исследователь при рассмотрении латинского ударения – именно осветить, а вовсе не разрешить, поскольку каждая из них вполне достойна отдельного – и не одного – научного труда. Во-вторых, особенно пристально в работе рассматривается проблема природы – фонологического и фонетического облика – классического латинского ударения. Эту задачу я старался разрешить как можно более всеохватно, рассматривая её с двух главных сторон – *реконструктивной* и *дескриптивной*. Первая предполагает подход, основанный на принципах современной науки, учитывающий сопутствующие вопросы о структуре латинского слога, о моровом счёте и его критериях, о типах моровых отношений, о латинской просодической иерархии, об ударении в стихе, о латинском ударении в диахронии и его месте в индоевропейской акцентной системе – этому посвящена вся вторая часть. Вторая требует рассмотрения ударения ещё и с позиции античных грамматических описаний, анализ которых изложен в третьей части: там исследуется проблема истолкования текстов, вопрос о стоицизме как об источнике античных акцентологических теорий, даётся объяснение тем или иным грамматическим свидетельствам. Обеим частям предпослана первая, вводная, где приводится краткая история изучения латинского ударения в XX в.

Прочие же частные вопросы – такие, как конкретные механизмы каждого из упомянутых фонологических явлений (в том числе синкопы, апокопы, ямбического сокращения, чередований), особые случаи латинского клисиса, диалектальные акцентные различия, проблемы фразовой интонации, народнолатинские и протороманские явления и т.д. – как выходящие за пределы очерченной темы – в работе практически не рассматриваются: это должно стать целью дальнейших научных изысканий. Однако, поскольку само упоминание этих смежных вопросов требовалось логикой избранного системного подхода, то их было решено перечислить в общей сводной таблице (0.1.1), наряду с проблемами, исследуемыми в диссертации специально.

Полученные результаты имеют как теоретическую, так и практическую значимость. Общие выводы исследования могут быть использованы в курсе «История латинского языка» и спецкурсе о латинской просодии. Кроме того, раздел 2.1 и 2.2 может быть полезным для курса «Общее языкознание», 2.4 – для «Сравнительно-исторической фонетики», 2.1, 2.2, 2.3 для «Латинской метрики», вся Часть I и вся Часть III – для курса «История лингвистических учений»; выводы разделов 2.2, 2.3, 2.4. будут бесполезны также и для спецкурса «Латинский язык в сравнительно-историческом освещении». С теоретической точки зрения данные всей работы могут быть использованы в специальных исследованиях по следующим направлениям: классическая филология, античная метрика, сравнительно-историческое языкознание, языковая типология и универсалии, общая фонетика (фонология), романская филология, история языкознания. Отдельные научные данные – такие, как природа фонологического веса, характер ударения, место ударения, фонология последнего слога, поправки к закону редукции, объяснение греческого ударения из контаминации силлабических и вокалических мор – могут быть применены в преподавании латинского и древнегреческого языков, включены в учебники и пособия.

Методологические и теоретические основы исследования

Областью исследования диссертационной работы служит просодическая система латинского языка, взятая как в синхронии классической эпохи (I в. до Р. Х.), так и в диахронии: от её возникновения в период индоевропейского языкового состояния до распада, произошедшего в позднеантичную эпоху.

Предметом исследования является латинское ударение, рассматриваемое 1) с точки зрения реконструкции его природы (фонетических и фонологических свойств) и 2) с позиции античных грамматических описаний.

Исследование проводилось на информационной базе, основу которой составляют:

- 1) данные латинского, греческого и ряда других древних языков,
  - а. засвидетельствованные грамматическими описаниями;

- b. полученные при помощи сравнительно-исторической реконструкции;
  - c. косвенно вытекающие из анализа метрических, мелических, также типологических закономерностей;
- 2) данные ряда новых языков,
- a. засвидетельствованные грамматическими, типологическими теоретико-эвристическими описаниями;
  - b. полученные в результате экспериментальных исследований отечественных и зарубежных учёных;
- 3) теории языка:
- a. принципы и методы грамматических описаний, созданные античными грамматиками – носителями древнегреческого и латинского языка;
  - b. теории, принципы и методы описания и истолкования фактов и явлений латинского, древнегреческого и ряда других древних языков, предложенные современными отечественными и зарубежными учёными;
  - c. теории, принципы и методы описания и истолкования фактов и явлений ряда новых языков, предложенные отечественными и зарубежными учёными.

Методологическую базу исследования составили научные труды и теории отечественных и зарубежных языковедов – в первую очередь приверженцев моровой теории греко-латинской просодии (Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, В. А. Дыбо, Ю. В. Откупщикова, А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса); помимо этого использовались некоторые принципы и подходы, принадлежащие другим теориями. В результате для настоящего исследования применялись следующие методы:

- a) *метод системного анализа* для установления указанных причинно-следственных зависимостей внутри структуры латинского языка; в сочетании с культурно-историческим подходом, использованный для

изучения текстов античных грамматиков, объяснения некоторых несоответствий их описаний современным теориям и т.д.

- b) *метод сравнения аналогий и обобщения:*
  - a. для выяснения сходства латинской просодической системы с просодическими системами других известных языков, установления места латинской просодии в типологической перспективе, а также для объяснения ряда явлений латинского языка на основании сходных процессов в других языках;
  - b. для установления универсального характера некоторых латинских просодических явлений (таких как удлинение последнего слога) и объяснения их с общеязыковых позиций;
- c) *статистический метод*, используемый для сравнения структурных зависимостей слогов в латинском и греческом языках, а также для выявления ряда фактов античной метрики (теория Э. Стертеванта) и ямбического сокращения (теория Г. Лепперманна – В. Маньчака).

Основным методологическим принципом исследования были избраны системность и комплексный подход к решению поставленной задачи. Это означает, что необходимо было не только всесторонне разрешить основную проблему исследования (природы латинского ударения), но и проследить причинно-следственные зависимости выбранного решения, ведущие к сопутствующим проблемам (структуры слога, природы фонологического веса, проблемам ритмики слова, ямбического сокращения, метрики и т.д.).

Методика исследования

1. Вначале были проанализированы наиболее значимые для решения поставленной задачи труды современных учёных. В процессе анализа выявилось методологическое преимущество моровой теории латинской просодии и была установлена в первом приближении структура причинно-следственных проблемных зависимостей.

2. Затем латинское ударение и просодия (на основе данных информационной базы) были последовательно рассмотрены уже с позиции моровой теории; анализ при этом шёл в двух направлениях: во-первых, изучалась не только фонологическая роль моровых оппозиций и ударения в латинском языке, но и их акустическая основа (т.е. проблема изучалась в рамках фонологической и фонетической иерархии); во-вторых, фонологическая роль латинских мор и ударения рассматривалась с выходом на другие уровни – слова, группы слов и стиха. Такое исследование, помимо собственных частных результатов, позволило во втором приближении установить структуру причинно-следственных проблемных зависимостей (см. *Таблицу 0.1.1.*) и наметить пути к решению основной задачи; вместе с тем были выявлены противоречия и в самой моровой теории.

3. Для их разрешения в моровую теорию были внесены уточнения и некоторые поправки, связанные с критерием выделения, более строгим разграничением двух моровых оппозиций (названных *силлабическими* и *вокалическими* морами), после чего данные информационной базы исследования были пересмотрены в третий раз, что позволило в окончательном виде сформировать дерево структурных зависимостей для исследуемых проблем и в соответствии с ним расположить материал работы (см. Оглавление).

4. Далее данные информационной базы по латинскому ударению были детально изучены с позиций уточнённой теории в синхронии и диахронии; при этом результаты исследования всякий раз соотносились с уже установленными сопутствующими проблемами. Результатом такого анализа явилась теория латинского ударения,

1) объясняющая с позиции дихотомии силлабических и вокалических мор особенности природы ударения, а также его места в латинской просодической системе различных исторических эпох, и

2) устанавливающая особое место латинской просодии в типологической классификации просодических систем естественных языков.

проблемы реконструкции ударения				проблемы античных грамматических описаний	
слог		слово	группа слов	стих	
фонология	<ol style="list-style-type: none"> 1) фонологический вес; 2) его моровая основа; 3) критерии выделения мор; 4) виды моровых оппозиций; 5) применимость указанных категорий к латинской фонологии; 6) просодические процессы латинского слога в диахронии 	<ol style="list-style-type: none"> 1) место ударения в латинском слове в синхронии I в. до Р.Х. и диахронии; 2) зависимость ударения от мор и слогов; 3) фонологическая природа ударения; 4) ритмическая роль ударения; 5) акцентные матрицы и ритмические стопы; 6) ямбическое сокращение; 7) последний слог слова; 8) редукция, синкопа, апокопа; 9) тонально-динамический переход в диахронии 	<ol style="list-style-type: none"> 1) ударение при энклитиках; 2) последний слог при правом примыкании энклитических и ортотонических слов; 3) кульминативная роль ударения в группе: «логическое» ударение 	<ol style="list-style-type: none"> 1) фонетика и фонология метрического чередования; 2) акцентно-иктовая теория; 3) роль ударения в стихе; 4) акцентные латинские стихи; 5) проблема икта в диахронии; 	<ol style="list-style-type: none"> 1) система взглядов античных грамматиков и их принципы грамматических описаний; 2) роль стоической философии как организующего принципа античной фонетической теории; 3) фонетика с позиции стоицизма и описания ударения и просодия у грамматиков; 4) природа ударения в диахронии по данным римских грамматиков; 5) проблемы сопоставления античных фонетических описаний с современными теориями реконструкции
фонетика	<p>акустическая основа оппозиции по фонологическому весу</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1) фонетическая природа ударения в диахронии; 2) ритмическая сущность ударения; arsis и thesis в слове с позиций фонетики; 3) фонетика последнего слога; 4) фонетическая сущность ямбического сокращения 	<ol style="list-style-type: none"> 1) акустическая сущность sandhi при энклитиках и правом примыкании ортотонических слов; 2) фонетика «логического» ударения 		

Таблица 0.1.1. Классификация проблем латинского ударения.

5. После этого полученная теория была соотнесена с данными античных грамматических описаний латинского ударения и некоторых фактов латинской просодии. Были выявлены как значительные соответствия (например, в понимании общей ритмической роли ударения в слове), так и явные расхождения между описаниями античных грамматиков и сформулированной научной теорией. Для разрешения выявленных противоречий без изменения уже построенной теории данные античных грамматиков были проанализированы с их внутренних системных позиций; это помогло прояснить принципы античных фонетических описаний, являвшиеся, как выяснилось, в значительной степени близкими философской теории стоиков.

Рассмотрение описаний латинского ударения, сделанных древними учёными, с точки зрения стоических теорий семантики и фонетики позволило по-новому взглянуть на античную науку о звуках и буквах и разрешить большинство противоречий между древними и новыми теориями. Такой подход показал, с одной стороны непротиворечивость полученной теории, а с другой, помог реабилитировать некоторые положения римских грамматиков.

В процессе исследования получены следующие результаты, составляющие новизну исследования:

1. По возможности полно описан комплекс проблем, непосредственно затрагиваемых вопросом о природе латинского ударения.
2. Показано преимущество моровой теории для описания системно рассмотренных данных латинской просодии:
  - a. сформулированы и формализованы правила выделения фонологических мор (правила арифметической кратности);
  - b. уточнено различие в природе моровых оппозиций между силлабическими и вокалическими морами; предложены принципы типологической классификации языков с фоно-

логическим весом (т.е. имеющих, по Н. С. Трубецкому, некульминативную корреляцию геминации). Предложены термины *морометрические* и *моросиллабические языки*.

- с. продемонстрирована (путём применения статистического анализа к латинскому и греческому прозаическим текстам) нетождественность акустической основы для моровых противопоставлений латинских и греческих слогов.
3. Показана особая роль ударения как ритмического центра геминантной корреляции внутри латинского слова:
    - а. предложено объяснение классическому правилу ударения (2/3 слога), построенное как функция от длины слова;
    - б. предложена теория удлинения последнего слога латинского слова во время действия правила 2/3 слога;
    - с. показана несостоятельность теории акцентных матриц, акцентно-иктовой теории стихосложения и акцентных теорий ямбического сокращения;
    - д. разграничением двух типов моровых оппозиций подтверждена теория латинской редукции, предполагающая переход кратких гласных в центральных слогах в редуцируемые гласные.
  4. Проанализирована диахрония латинского ударения, имевшего тенденцию к динамизму ещё с итало-кельтских времён и определявшего тонально-динамические различия внутри себя взаимодействием в определённые эпохи двух типов моровых оппозиций.
  5. Установлены принципы и методы античных акцентологических описаний, их связь со стоическими философскими учениями. По-

казано непротиворечие основных наблюдений античных грамматиков построенной теории латинского ударения.

6. Установлено особое место латинского языка в типологии просодических систем естественных языков, характерные особенности латинской просодической системы, отмечена её нетождественность греческой и типологическая близость арабской просодии.

Часть I

ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

(Проблемы исследований латинского ударения в науке XX в.)

1.0. ВВЕДЕНИЕ

В первой части работы рассматриваются основные теории латинского ударения, представленные в трудах учёных прошедшего века. В качестве введения в проблему стоит отметить, что, как и было уже сказано, современная наука уделяет вопросам латинской акцентологии сравнительно мало внимания. До сих пор, насколько известно, не существует ни одной общепризнанной работы, специально посвящённой латинскому ударению, которая бы выходила за пределы журнальной статьи или раздела монографии. Те же исследования, в названиях которых присутствует слово «ударение», изучают, как правило, лишь некоторые из проблем, связанных с ним, – к примеру, ритмическую роль ударения в стихе [Fraenkel 1928].

Из крупных работ, в которых латинское ударение изучается достаточно разносторонне, последняя – обширное исследование Уильяма Сиднея Аллена [Allen 1973], посвящённое специально латинско-греческой просодии и метрике, – вышла в свет в далеком 1973 году. Книга Аллена в настоящее время уже считается классической [Devine & Stephens 1985]; она служит основным просодическим источником для большинства современных западных пособий по латинскому языку – даже такие работы, как «Сравнительная грамматика» Зилера [Sihler 1995] или «Основы латинского языка» Бальди [Baldi 1999], не предлагают каких-либо акцентологических инноваций по сравнению с тем, что содержат монографии Аллена.

Из относительно современных работ российских учёных, в которых так или иначе обсуждаются проблемы латинского ударения, стоит отметить относительно новую книгу Т. М. Николаевой [Николаева 1996], глава о греко-латинской просодии которой основывается, по большей части, на трудах Э. Палгрема [Pulgram 1970; 1975], И. М. Тронского [Тронский 2001; 1962] и того же У. Аллена. Более ранняя «Историческая фонетика латинского языка» Т. А. Карасёвой [Карасёва 1987]

также имеет в своей основе труды И. М. Тронского и Н. С. Трубецкого. В результате можно с уверенностью сказать, что современная акцентология по части классических языков в настоящее время использует материал, выработанный, по большей части, в начале и середине XX в. Потому нам не следует пренебрегать и самыми ранними исследованиями на эту тему.

По существующей традиции выделяются две главные проблемы латинского ударения:

- 1) проблема природы классического латинского ударения;
- 2) проблема становления классического ударения – формализация позиции 2/3 слога и вопрос о так называемой «начальной интенсивности».

В XX в. решение этих вопросов предлагалось на основании двух методик: более ранние исследования пытались описать фонологическую природу ударения на основании его фонетической реальности – здесь мы имеем оппозицию тонального и динамического ударений. Ближе к середине XX в. Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким был введён критерий фонологической моры, который не столько связывается с фонетической реальностью ударения, сколько выводит её из фонологической структуры акцентируемого слога носителя; в этой связи ударение может быть моровым (занимающим часть слога) и слоговым (занимающим весь слог).

Ввиду принципиального различия между этими подходами историю изучения латинского ударения было решено представлять здесь в два этапа – до теории Якобсона и после; в первом проблемной оппозицией будут тональные/динамические теории ударения, во втором – морные/слоговые. Однако ввиду того, что первый, уже признанный в современной науке устаревшим, способ описания ударения превзойдён вторым, составляющим сейчас основу самой этой науки, то критическое рассмотрение этих теорий будет даваться по-разному: если теории первого рода могут быть оценены уже непосредственно при их описании, то вторые требуют уточнения таких понятий, как *мора*, *моровый счёт*, *моросчитающие языки* и т.д., что становится возможным сделать благодаря успехам других,

«неклассических» наук – типологии, экспериментальной фонетики и т.д. Поэтому конкретные выводы по этим работам будут делаться далее – они и составят новизну предлагаемого исследования.

1.1. ТЕОРИИ УДАРЕНИЯ ДО ЯКОБСОНА

1.1.1. «Тональная» теория ударения

В настоящее время среди многих филологов бытует весьма распространённое заблуждение, что представление о латинском ударении в первую очередь как о движении тона является наиболее традиционным, поскольку оно опирается на свидетельства древнеримских грамматиков. Тем не менее, это не так: даже краткое рассмотрение истории этого вопроса в XIX в. позволяет с уверенностью сказать, что вопрос о тональной природе даже древнегреческого ударения до 1869 года не поднимался вовсе [Тронский 1962: 26]. Практически все представления о характере ударения – как в греческом, так и в латинском языке – сводились к школьной традиции преподавания, в связи с чем упоминания об акутах и циркумфлексах в античной традиции даже такими крупными учёными, как Г. Германн и К. Гётлинг, считались более выдумками греко-римских грамматиков, чем какими-либо реальными языковыми явлениями. Лишь в 1870-1880-е гг. благодаря значительным достижениям как в общей фонетике (Э. Зиверс), так и в сравнительно-историческом языкознании (Дж. Гедли, Я. Ваккернагель, К. Вернер, А. Беценбергер, Ф. Ф. Фортунатов) вопрос о природе ударения в классических языках подвергся коренному пересмотру: с одной стороны, системы ударения в них стали рассматриваться в общеиндоевропейском контексте, что позволило провести целый ряд теоретических построений и реконструкций, с другой – несравненно больше внимания стали получать и античные грамматические описания. Вот здесь-то и проявилось основное различие между греческой и латинской акцентологией: если в первой реконструируемые факты находились преимущественно в полном соответствии с данными древних учёных, то во второй соответствий такого рода выявилось гораздо меньше, чем несовпадений. С этого момента мы можем говорить о том, что и в самой акцентологической науке произошёл раскол на два противоположных лагеря: одни учёные – преимущественно французы и итальянцы – встали на защиту римских грамматиков, высказываясь в пользу «тонального» ударения (наподобие древнегреческого), тогда как другие – в основном англичане и

немцы, выступили в защиту привычной им научной школы и сравнительно-исторического метода, ратуя за ударение «динамической» природы.

Помимо чисто научных соображений ситуация эта усугублялась и тем, что значительное влияние на формирование того или иного мнения по этому вопросу оказывали ещё и традиции преподавания классических языков в различных европейских странах. Так, именно французам, имеющим фиксированное ударение на последнем слоге и оттого произносящим латинские слова заведомо условно, оказалось гораздо проще поверить античным грамматическим трактатам, чем немцам или англичанам, школьная традиция которых ставила немецкое или английское экспираторное ударение на законном латинском месте. Важным фактором, по-видимому, оказалось и принятое в этих странах чтение стихов: акцентно-иктовая теория, царившая в XIX в. в Англии и Германии (см. с. 112) и «романское» чтение стихов, распространённое во Франции и Италии уже сами по себе предполагали разногласия по поводу метрической роли, а значит и природы, латинского ударения, что не могло не сказаться и на отношении к римским грамматикам. Наконец, французские и итальянские диакритические знаки, восходящие ещё к поздней античности, не оставляли у многих филологов – носителей этих языков – сомнения в их соответствии латинской языковой реальности.

В таких условиях и возникла научная теория, созданная преимущественно трудами¹ А. Мейе [Meillet & Vendryès 1948], М. Нидермана [Niedermann 1945 = Нидерман 2001], А.-К. Журе [Juret 1921; 1938] и отчасти Ж. Вандриесом [Vendryès 1945]. Впоследствии к представителям этой школы присоединился и наш соотечественник И. М. Тронский [Тронский 1951; 1953; 2001].

Эта теория предполагает, что латинское ударение наследуется из индоевропейского, которое отличалось тональной природой и произвольным положением его в слове. Латинский язык всего лишь отвел для ударения определенную позицию в слове и закрепил его там. Доказательства музыкальной природы латинско-

¹ Приводятся наиболее распространённые издания. Все ссылки здесь и далее даются преимущественно по последнему изданию.

го ударения [Нидерман 2001: 20] обычно приводятся следующие: во-первых, это описания, сделанные римскими учёными, где речь идёт о различении акута и циркумфлекса или о различии в движении тона (Диомед [К I, 431], Присциан [К III, 521], Донат [К IV, 371], Сергей [К IV, 482-483]); во-вторых, это данные латинского стихосложения, в системе которого ударение не учитывалось – по сути дела, это своеобразное доказательство от противного.

Такое понимание природы латинского ударения ставило, однако, перед приверженцами этой теории и ряд новых проблем. Самой главной из них следует признать вопрос о роли ударения в латинской редукации². По мнению французских учёных (**Мейе, Жюре**), музыкальное ударение вызывать редукацию не может в силу своей природы; поэтому для объяснения этого явления они вводят понятие *netteté*, суть которого заключается в замедленном и чётком произнесении начального слога (т.н. «начальная интенсивность»); к такому взгляду присоединялся и И. М. Тронский [Тронский 2001: §96]. М. Нидерман предполагал на первом слоге каждого слога некий компонент интенсивности, не сводимый, однако, к начальному динамическому ударению [Нидерман 2001: §9]. Возражение против начального динамического ударения, общее для всех представителей тональной школы, основывается на том, что латинская редукация отличается от вызванной динамизмом ударения русской сужением (а не расширением) редуцируемых гласных, что, как мы увидим далее, совершенно несостоятельно. Вообще, объяснение законов редукации следует признать слабым местом тональной теории – особенно если принять во внимание, что загадочная *netteté* не находит убедительных типологических соответствий. Это привело к тому, что и сам А.-К. Жюре ближе к концу жизни присоединился к более компромиссному взгляду Ж. Вандриеса.

Другой важнейшей проблемой для приверженцев музыкальной теории оказывается перелом, постигший латинский язык в III в. – разрушивший количественную систему стиха и уподобивший латинскую просодию современной итальянской. Такой переход объясняется французскими учёными, а вслед за ними

² Детально этот вопрос будет обсуждаться в разделе 2.4.

и И. М. Тронским, как переход от музыкального ударения к динамическому, что, по их мнению, подтверждается цитатами из некоторых античных грамматиков – например, Помпея (самое начало V в.), который пишет [K, V, 126] «*Illa syllaba plus sonat in toto uerbo, quae accentum habet*» («*тот слог звучит сильнее всех во всем слове, который имеет ударение*»)³ [Нидерман 2001: §8; Тронский 2001: §95]. Однако такое предположение если и позволяет предположить причины перехода от латинской акцентной модели к итальянской, всё равно удовлетворительным образом не объясняет гибели квантитативного стиха: французским учёным, хотя и косвенно, приходится признать несовместимость динамического ударения и античной системы стихосложения, что, хотя и по возможности не выражается явно⁴, всё же никак не соответствует действительности (самые известные контрпримеры – эпический санскрит и квантитативная арабская поэзия).

Среди всех работ, попадающих под охват тональной теории, особого внимания заслуживают работы И. М. Тронского. Интересны они по трём главным причинам: во-первых, они, будучи самыми поздними по времени, отражают наиболее современное нам состояние науки в пределах данной теории; во-вторых, взгляды Тронского отличаются от постулатов его французских предшественников значительными инновациями – в частности, применением (хотя и спорадическим) теории морового счёта и защитой античных теорий латинского циркумфлекса; в-третьих, И. М. Тронский более чем кто-либо полемизирует со взглядами учёных-«динамистов», что позволяет яснее понять и его собственную позицию.

Как и французские учёные И. М. Тронский, видя природу латинского ударения в преобладании музыкального компонента, продолжает «тональную» эпоху примерно до середины III в. по Р.Х. [Тронский 1951]⁵. Латинское стихосложение, по Тронскому, отражает специфику ударения: квантитативный характер стиха,

³ Это, а также прочие грамматические свидетельства древних о латинском ударении будут детально рассмотрены в Части III.

⁴ Однако у И. М. Тронского: «языкам с динамическим ударением такое стихосложение обычно не бывает свойственно» [Тронский 2001: §95].

⁵ В другой, более поздней, своей книге [Тронский 2001 (1-е изд.: 1960): §95] автор замечает мимоходом, что античное стихосложение в III-IV вв. сменилось на акцентуирующее, и потому «характер древнеримского стихосложения заставляют нас считать латинское ударение музыкальным до III-IV вв.»

считает исследователь, доказывает невозможность параллельного существования в нём силового ударения [Тронский 2001: §95]. И. М. Тронский пытается ввести в своё описание и принципы морового счёта: он признаёт фонологически двуморный характер «долгих» слогов и одноморный кратких, определяя тем самым латинское стихосложение тоже как морное. Однако дальше этого учёный не идёт; в этих своих работах он не пытается вывести строгого правила, определяющего место ударения исключительно из морной позиции его в слове⁶, что не позволяет причислить его теорию к подлинно морным, хотя создана она уже после трудов Р. О. Якобсона, на которого, впрочем, учёный нигде специально и не ссылается⁷. Понимание моры у И. М. Тронского, напоминающее, скорее, концепцию греческой вокалической моры⁸, даёт учёному предположить, что в латинском языке допустимо существование (нефонологического) циркумфлекса, упоминания о котором регулярно встречаются у грамматиков.

Концепция циркумфлекса – одна из основных черт научной позиции И. М. Тронского, основанной на (почти) безграничном доверии античным просодическим свидетельствам. Циркумфлекс, по его словам, *«не заслуживает того презрительного замалчивания, которое выпадает на его долю в современных учёных трудах»*: учёный считает, что облечённое ударение возникало в латинском дифтонге, когда глайд нес более низкий тон, чем ядро; в односложных словах с долгим гласным И. М. Тронский видит за циркумфлексом проявление латинской баритонезы [Тронский 1951]. Одним из доводов в пользу облечённого ударения в латинском языке учёный приводит то предположение, что латинский акцент мог соответствовать эолийскому, который также акцентировал ту мору слова, которая отстояла

⁶ *«Ударение падает на гласную мору, предшествующую той море (гласной или согласной), которая находится перед последним слогом слова»* [Тронский 2001: §90].

⁷ Справедливости ради следует признать, что ко времени написания «Очерков», «Исторической грамматики» и статей труды Якобсона 30-х гг. были в СССР практически неизвестны – да и сама личность их автора не могла вызывать большого одобрения; «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого известны уже были, хотя не переведены и малодоступны – на некоторые мысли этого труда Тронский ссылается в «Древнегреческом ударении» [= Тронский 1962], но делает это лишь мимоходом и не строя какой-либо теории на основе взглядов Трубецкого.

⁸ О моровом счёте в латинском языке см. с. 80 sqq.

на наибольшее расстояние от конца слова. Не находя противоречия с общегреческой акцентной системой, Тронский приводит и римские свидетельства в пользу «заимствования» ударения у эолийцев [Ath. X, 24 Kaibel; Тронский 1962: 96, прим. 21] и считает, что объяснение приложимое к эолийской акцентуации, в известной мере пригодно и для латинской. Правила постановки акута или циркумфлекса на долгом латинском гласном, по Тронскому, предполагавшему тождество греческих и латинских (вокалических) мор, также не противоречит греческой акцентной системе. Ввиду чрезвычайной важности этого утверждения принципы морового счёта и проблему связи латинского ударения с эолийским ниже мы рассмотрим специально. Здесь же хочется отметить лишь то, что И. М. Тронский не вполне строго проводит различие между моровой членимостью слога и слононосителя, хотя сам специально оговаривает его [Тронский 2001: §88]; в результате доказательства существования в латинском языке вокалических и силлабических мор иной раз путаются (см. с. 76), что косвенным образом приводит к постановке циркумфлекса в один ряд с феноменом «количества слога» и квантитативной поэзии.

Слабыми в теории И. М. Тронского представляются и те положения, согласно которым объясняются (но не проясняются) многие явления латинской проэдии. Так, объяснение долготы гласных в односложных словах, например, *tū* и *prō* (ср. греч. *τύ* и *πρό*), их «удлинением» на италийской почве [Ibid.: 193 д] выглядит совершенно справедливым, но механизм этого явления, его причины и т.д. остаются непонятными; неубедительно и то объяснение, какое приводится для постановки ударения при энклитиках: если предположить паузу длительностью в мору в примере *Mūsāque* [Ibid.: §94], то окажется непонятным, отчего в метрике эта «мора» не учитывалась. Ничего нового не предлагает Тронский и для явления «начальной интенсивности». И. М. Тронский вслед за Мейе и Жюре выступает против теории Ф. Скутча о динамическом ударении на первом слоге латинского слова, считая, что для возникновения редукции гласных достаточно было бы «замедленного» и «чёткого» произнесения этого слога [Ibid.: §96].

В связи со всем вышеизложенным становится интересным и отношение И. М. Тронского к доводам противоположной стороны – сторонников теории

динамического ударения. Его можно проиллюстрировать следующей цитатой:

Несмотря на то, что эта теория нашла многочисленных сторонников, аргументы в её пользу представляются искусственными и малоубедительными. Так, чрезмерно легко расправляются сторонники «динамической» теории с неудобными для них античными свидетельствами...

Против показаний римских грамматиков было выдвинуто то соображение, что римские грамматики были мало самостоятельны в своих теориях и, рабски следуя учениям греков, искажали в угоду им латинскую языковую действительность...

Старались скомпрометировать и те данные, которые можно получить на основании характера латинского стихосложения... Наиболее рьяные сторонники «динамической» гипотезы дошли даже до того, что стали изображать римлян абсолютно не самостоятельным народом, который перенял у греков их «квантитативную» систему стиха, совершенно не подходившую для латинского языка

[Тронский 1953, 164-163].

Даже сделав надлежащую скидку на условия того времени, в которое была написана эта работа, мы всё равно сможем сказать, что эта цитата подводит своеобразный итог всей тональной теории: мы видим, что для защиты тех положений, которые были наиболее дороги её приверженцам, годятся любые средства – даже пригодные более не для научного спора, но для идеологической борьбы. И совсем неожиданным тогда может представиться тот факт, что сам И. М. Тронский, склонившись в своих поздних работах более к морной теории ударения, заявит, что «в латинском слове динамическая сторона ударения была выражена ярче, чем музыкальная» [Тронский 1966: 174]. Можно считать, что этим утверждением существование тональной теории и завершается.

1.1.2. Тонально-динамические теории

а. Сила и тон в хронологическом сочетании (Ж. Вандриес)

Компромиссная теория Ж. Вандриеса [Vendryès 1945] представляет собой попытку соединить достоинства тональной и динамической теорий на основе предположения, что в различные эпохи характер латинского ударения мог существенным образом меняться.

Вандриес верит в существование пралатинского динамического ударения на первом слоге каждого слова. Именно это явление объясняет, по Вандриесу и Кенту, явления латинской редукции и синкопы. Возникновение подобного явления на италийской почве учёные пытаются объяснить по-разному; самым известным объяснением, с которым не особенно спорят и эти учёные, является гипотеза одного из представителей динамической точки зрения (о них речь дальше) – знаменитого Ф. Скутча, который предполагал здесь влияние некоторых италийских языков, в частности, этрусского, который имел, по всей видимости, ударение на первом слоге.

В этом, как мы видим, заключается кардинальное отличие «чисто музыкальной» гипотезы Мейе – Тронского и «компромиссно-музыкальной» гипотезы Вандриеса: если первые полностью отвергают какое бы то ни было динамическое ударение в какой бы то ни было период до III-IV вв. по Р.Х., объясняя редукцию и синкопу возможным замедленным и четким произношением первого слога слова, то второй верит в существование пралатинского динамического ударения на первом слоге.

Вандриес считает, что два вида ударения могли в какую-то эпоху существовать совместно. Иными словами, по Вандриесу вполне возможно, чтобы в раннеклассический период первый слог каждого слова акцентировался динамически, тогда как второй или третий слог от конца нес тоническое ударение. Вандриес считает, что этот акцент – акцент динамический, из которого впоследствии родилось тоническое ударение; позже динамический акцент перестал существовать, и слово стало иметь ударение на привычном месте. Таким образом, по Вандриесу, мы сталкиваемся не с передвижением ударения, а с простой сменой его характера.

Теория Ж. Вандриеса также не лишена ряда серьёзных недостатков. Предложенная им идея о смене характера ударения в короткие промежутки времени не кажется внушающей доверия. Эпоха, отведенная им для доминирующей роли тонального ударения, занимает менее 400 лет; маловероятно, чтобы это было достаточным по времени – при том, что до этого на протяжении относительно короткого временного промежутка шла динамизация первого слога, а после этого

динамическое ударение формировалось уже на месте тонального, – тогда как данные, например, готского языка, историю которого мы можем лучше проследить по письменным памятникам от начала до конца, показывают, что для возникновения одних лишь синкопы и редукции потребовалось около пятисот лет [Allen 1965]. Здесь, конечно, напрашивается возражение, что путь аналогии не всегда является истинным. Это действительно так. Однако кажется справедливым, что для радикальных фонетических изменений, как правило, требуется весьма длительное время. Поэтому все гипотезы о тональной природе ударения, предполагающие неожиданную «динамизацию» его то ли в пралатинский, то ли в позднелатинский период, в этом отношении чрезвычайно уязвимы.

Кроме того, характерным недостатком всякой тональной гипотезы является тот факт, что она плохо объясняет многие фонетические процессы, которые так или иначе связывают с ударением; помимо редукции и синкопы (апокопы), последняя из которых наименее прогнозируема и часто встречается в языках, имеющих музыкальное ударение (как в греческом), в латинском языке она была гораздо частотнее; кроме того, к этим двум феноменам добавляются ещё ямбическое сокращение (*brevis breuians*), удлинение гласного в корне односложных слов, отсутствие в языке односложных кратких слов с открытым слогом (тех самых, существование которых И. М. Тронский объяснял циркумфлексом); важной проблемой оказывается и частое совпадение «акцента» и «икта» в латинской метрической поэзии и т.д и т.п. Очевидно, что самое подходящее объяснение подобных явлений должно было бы строиться на основании именно просодических, а не каких-либо ещё закономерностей. Поэтому теперь нам необходимо посмотреть, каким образом динамическая теория латинского ударения в её различных изводах соотносится с этими фактами.

в. Сила и тон в различных дискурсивных уровнях

(Ф. Ф. Эббот и Р. Г. Кент)

Иной подход к решению описанных проблем предложен в трудах американских лингвистов Ф. Ф. Эббота и Р. Г. Кента.

Теория **Эббота** [Abbott 1902] предполагает существование в латинском языке, начиная с эпохи расцвета римской республики, двух произносительных норм – народной (*vulgar Latin*) и элитарной (*formal Latin*). Первая была, по мнению учёного, естественным следствием латинской языковой эволюции, вторая, отличавшаяся большей искусственностью и консерватизмом, возникла в латинском языке после III в. до Р.Х. под греческим влиянием. Доводы Ф. Эббота почти те же: античные грамматики отмечали тон, в «народном» языке засвидетельствованы нарушения количества, латинская поэзия стремится к совпадению акцента и «икта». Вывод, который делает Эббот – следующий: динамизм латинского ударения, развившийся ещё в период ранней республики, был отличительным свойством «народного» языка; а элитарная норма, основанная на греческом влиянии – свойственная официальному языку и предписываемая римскими грамматиками, придерживалась тонального ударения. Тем самым Эббот говорит о дискурсивном различии между типами ударений – иногда говорили так, а иногда иначе.

Ещё более радикальная позиция в объяснении судьбы латинского ударения у Р. Г. Кента [Kent 1946]. Он также настаивает на двух типах латинского ударения, однако приписывает их уже не разным языковым «стилям», а открыто говорит о предполагаемой им языковой ситуации в классическом Риме, сходной с диглоссией.

С одной стороны, Р. Кент указывает на «очевидное стремление Плавта и Теренция к достижению соотношений между фонетическим акцентом и метрическим ударением» [Kent 1946: 66], что, по его мнению, есть очевидное доказательство его динамизма. С другой, предполагает он, динамический акцент, восходящий к пралатинскому, остался достижением лишь низших классов общества, тогда как греки, завезшие в середине II в. до Р.Х. образованность в Рим, передали тоническую манеру произношения высшим слоям латинской молодежи. Так в Риме сложи-

лась биакцентная ситуация, когда «низы» говорили по старинке с динамическим ударением, а «верхи» утвердили для себя на манер греков произношение с тональным акцентом. С начала IV в., когда из-за общекультурного упадка «верхи» уже не могли культивировать элитарный литературный язык, а «низы» не хотели этого делать, древнеиталийское произношение вновь стало доминирующим.

При всей оригинальности этой гипотезы нельзя не отметить, что, основанная на весьма модном в начале XX в. «социальном» принципе, она не лишена очевидных недостатков. Во-первых, крайне сложно придумать пример, когда какая-либо из суперсегментных единиц языка могла бы просто так заимствоваться: ударение, интонация, сингармонизм и другие явления подобного рода составляют систему, имплицитно присущую каждому языку – или не присущую ему вообще; любое вмешательство в эту систему маловероятно. Поэтому предположение, что в Риме меньше чем за один век смогло каким-то образом под влиянием рабов и вольноотпущенников из Греции сформироваться ударение греческого образца, видится типологически несостоятельным – даже если представить, что представители высших общественных классов сознательно стали подражать греческому произношению (например, из соображений хорошего тона).

Во-вторых, совсем маловероятно, чтобы в рамках одного языка суперсегментарная фонетика различалась по сословному признаку. Конечно, можно представить ситуацию вроде той, что русские дворяне, подражая французскому произношению, употребляли, говоря по-русски, носовые гласные: но ведь невозможно представить, чтобы они стали ставить ударение во всех русских словах на последнем слог. Эббот и Кент явно смешивают варьирование на уровне структуры языка и на уровне нормы [Степанов 1966: 5] – членение на которые, впрочем, в начале XX в. было ещё очень мало изучено. С позиции современного языкознания фонологические особенности ударения, без сомнения, имеют структурную принадлежность, тогда как манера речи разных социальных групп варьируется лишь в пределах языковой нормы [Ibid.: 169-185]; кроме того, предполагать столь серьёзные различия в просодии при столь значительном сходстве, например, в сегментной фонологии будет неправомерно.

Сходного рода критику подобных «социальных» теорий предлагал ещё 80 лет назад Э. Стёртевант [Sturtevant 1921]. Один из его доводов против Эббота заключался в том, что, если мы предположим реальность сословно-дискурсивного различия ударения в латинском языке, то тогда окажется совершенно невозможным представить себе Цицерона, цитировавшего в своих сочинениях, написанных на *formal Latin*, Плавта и других поэтов, пользовавшихся «народным» языком: ведь если динамическое ударение, по Эбботу, исполняло и ритмообразующую функцию в «народном» стихе, то каким же образом эти тексты могли звучать в элитарной норме? А если Цицерон, цитируя их, переходил «на другой языковой уровень», то почему это никак не отмечено в традиции?

Главные же аргументы Стёртеванта метрические. Он утверждает, что даже в гексаметре и дистихе – поэтических системах, приписанных Эбботом к «элитарным» – гармонизации ударений и «иктов» подвергаются 60% слов:

- 1) слова типа *ferunt* (где есть противоречие с иктом) – в начало: в начале стиха 26.63% (нес.) vs 9.22% (совп.); в конце 2.52% (нес.) vs 45.60% (совп.);
- 2) амбиваленты из тяжёлых слогов (*fertur*) ставятся так, чтобы было совпадение с иктом;
- 3) не допускаются словоразделы в «Энеиде» (в отличие от «Илиады»): 'Ft|'t (в 1-й и 3-й стопе) и 'F|'tt (в 5-й стопе) – во 2-й и после 5-й они допустимы;
- 4) более определены места пауз в стихе («цезур»).

Тем самым, если «гармонизация слов» в стихе «Энеиды» существенно отличается от плавтовской, всё равно нет никаких оснований утверждать, что эти тексты написаны на разных «языках» – по крайней мере, ударение в них ведёт себя сходно. Все эти аргументы заставляют признать «социальные» теории Ф. Эббота и Р. Кента неправомерными – хотя бы в том их отделе, который относится к природе латинского ударения.

1.1.3. «Динамические» теории латинского ударения

Эта теория латинского ударения, которая восходит к традиционным представлениям об ударении, бытовавшим в Германии и Великобритании, отправной точкой своих наблюдений делает не античные грамматические свидетельства, которым, как и многим другим, в те годы мало доверяли, а, наоборот, факты, полученные от эмпирических наблюдений за древними языками. Оттого основные её положения её излагаются, иной раз с большей степенью доказательности и с опорой на наиболее новые лингвистические методы.

а. Ритмико-динамическая теория (Э. Стёртевант)

Уже упоминавшийся Э. Стёртевант посвятил значительное число своих работ проблемам латинской просодии. Самая главная из них – сочинение о произношении греческого и латинского языков [Sturtevant 1940], опирающееся на многие более ранние исследования.

Основу концепции Стёртеванта составляет классическое учение о постепенном переносе латинского динамического ударения с первой позиции слова к концу. В качестве доказательства существования динамического ударения на первом слоге каждого слова он приводит следующие явления:

- 1) данные оскского и умбрского языков, где мы также видим следы такого ударения: Стёртевант предполагает, что «динамизация» первого слова была общеиталийским явлением [Buck 1904];
- 2) явления латинской редукции: такие слова, как *praefēctus*, *artifēx*, *cecīdī* (и *cecīdī*), *onustus* (< *onos), *nouītās* (< *nouotās)⁹, *dēnuō* (< *dē nouōd);
- 3) явления синкопы: *calidus* : *caldus*, *balineus* : *balneus*, *opifex* : *officīna*, *īnfra* : *īnferus*, *ualdē* : *ualidus*, *rēge* : *dūc*;
- 4) некоторые явления гаплогонии: *re-cecīdī > *reccīdī* > *recīdī*;

⁹ Со своей стороны могу присоединить к этому слову ещё и *conuicium* (<*conuiciot) – другой редкий пример редукции и.-е. /o/ в *i*.

- 5) особые явления чередования: [awis] : [auceps], [jūwenis] : [jūnior], [faweō] : [fautor], [lawō] : [lautor].

При этом учёный полагает, что по месту явления синкопы, происходившей, несомненно, из-за соседства неударного гласного с ударением, мы может отследить и перемещение последнего: *audácter* < *audāciter*, *sinístra* < *sinístera*, *nostrás* < *nostrātis*. На основании этого Стёртевант делает вывод, что и ударение классического периода могло провоцировать синкопу. Более того, Стёртевант приводит и некоторые явления сокращения гласных под воздействием (пред-)классического ударения: *amīcus*: *amīcítia*, *tibi ēuēnit* [*Plaut. Merc.*, 774], *bene ēuēnísse* [*Plaut. Poen.*, 1078] и др. Ударение, способное вызывать синкопу после себя и сокращение гласных в предударном слоге, несомненно, должно содержать в себе динамический компонент и немалый.

Из чередований четвертой категории Э. Стёртевант делает следующий вывод, очень напоминающий теорию Шмитта (см. ниже), хотя автор и не ссылается на него: латинское ударение, по крайней мере, праиталийское, могло занимать два слога – именно поэтому дифтонг *ai* в приведенных примерах может чередоваться с *ā+w*: [áuceps], но [áuis]. Основываясь на этом наблюдении, Стёртевант приходит к выводу, что для латинского языка было характерно тождество $\_ = \cup \cup$, но не с точки зрения количества, а с точки зрения способности принимать на себя акцент. Этим он и пытается объяснить закон ямбического сокращения, который сводит «неудобное» (с точки зрения постановки ударения) сочетание $\cup \_$ к виду $\cup \cup$.

В пункте 209b Стёртевант делает ещё одно интересное заявление: он указывает на то, что языки, имеющие начальное ударение, часто используют аллитерирующие приемы стихосложения, как, например, германский акцентный стих; с этой точки зрения, по мнению учёного, очень поучительно было бы рассмотреть стихи Энния (вроде, *O Tite, tute, Tati, tibi tanta, tyranne, tulisti* [*fr. 109 Vahlen*]), который также может свидетельствовать в пользу начального латинского ударения. Все прочие аргументы в пользу динамической природы латинского ударения сводятся

к изучению метрических данных, и потому мы рассмотрим их во второй части. Впрочем, объяснения, предложенные учёным, вполне логично сочетаются с нашими современными сведениями о языковых явлениях; поэтому, в этом смысле, теория Стёртеванта представляется более убедительной, чем все вышеописанные, которые не предлагают никаких объяснений для отмеченных фактов. Но как быть со свидетельствами грамматиков?

Здесь Стёртевант соглашается, однако, с объяснением, которое предложили Р. Кент¹⁰ и Ф. Аббот [Abbott 1902]: поскольку в классическую эпоху существования латинского акцента такие явления как редукция, синкопа и т.д. постепенно начали уходить, то и динамизм ударения стал ослабевать; из этого Стёртевант делает вывод, что динамизм начал частично уступать место тону. Тон же появился в латинском языке, по мнению всех трёх учёных, – даже Стёртеванта, – под греческим влиянием; однако если Кент считает латинское ударение классической нормы по преимуществу тональным, то Стёртевант, наоборот, видит его преимущественно динамическим. Тон же был замечен античными грамматиками из-за того, что грамматическая наука пришла из Греции, где ударение было чисто тональным; оттого фактор динамизма в латинском ударении, по мнению учёного, был проигнорирован. Таким объяснением Стёртевант старается достичь преемственности как современных лингвистических данных, так и описаний античных грамматиков. Он приводит многочисленные цитаты, подтверждающие, что свидетельства, данные античными грамматиками о тоне в латинском языке, имеют под собой основания.

в. Динамические теории германской школы (Ф. Зоммер и А. Шмитт)

Германская акцентологическая традиция, сделавшая много для науки в XIX в. (см. [Skutsch 1892; Stolz 1894; Sievers 1901]), по большей части не внесла каких-либо серьёзных инноваций в исследования ударения XX в. Поэтому здесь нам стоит рассмотреть лишь два крупных исследования: это труд Фердинанда Зоммера

¹⁰ Также ТАРА, #51. РР. 19-29.

[Sommer 1914], скорее подытоживающий ранние сочинения Ф. Скутча, Ф. Штольца, М. Лемана¹¹ и др., нежели претендующий на новые открытия в области латинской акцентологии (из чего мы можем совершенно отчетливо увидеть точку зрения немецких классиков XIX в. в отношении латинского ударения), и сравнительно небольшое сочинение Альфреда Шмитта [Schmitt 1924], требующее серьезнейшего научного внимания.

Ф. Зоммер пишет, что динамизм появляется в латинском языке в праиталийскую эпоху, когда в нем, а также в умбрском и оскском языках, мы начинаем наблюдать явления начальной интенсивности. Последнее автор трактует как динамическое ударение на первом слоге. Такое ударение сохранялось, по мнению германских учёных, примерно до времени Плавта, реликты чего им видятся в регулярном иктировании в ямбах и трохеях прокелевсматических слов на первом слоге: *fácilius*¹². Одновременно с этим начинает формироваться вторичное ударение, занимающее привычную для нас позицию 2/3 слогов от конца; с потерей силы начального ударения основным в латинском слове становится последнее. Зоммер указывает на значимое соотношение акцента и икта в латинском стихе, не проводя при этом собственных метрических изысканий.

Самым надёжным доказательством существования тона в латинском языке, пишет далее Зоммер, издавна считались показания античных грамматиков. Тем не менее, по его словам, их свидетельств нам недостаточно. Почти все они отмечают тональную природу латинского ударения, отличающуюся, однако, существенными расхождениями: далее следуют те примеры, какие могли видеть и мы – как современники Сергей [K IV, 482-483] и Помпей [K V, 126] по-разному определяют современное им ударение; серьезны разногласия и авторов разных эпох о правилах постановки циркумфлекса. Здесь стоит заметить, что в текст Зоммера вкралась ошибка: он приписывает Диомеду взгляд на природу латинского ударения как

¹¹ Библиографию см. в [Sommer 1914: 95 sqq.].

¹² Эта бытовавшая до совсем недавнего времени точка зрения [Drexler 1964] предполагала реконструировать ударение на первом слоге лишь на основе акцентно-иктовой теории. Несостоятельность последней будет показана в разделе 2.3, тогда как размещение таких слов в стихе вполне объясняется правилами Бенгли-Люкса и Мейера.

динамического, что, как мы увидим далее, по большей части неверно; ссылка, данная Зоммером [K I, 430], никаких его подобных соображений не подтверждает, из чего можно заключить, что с подлинными текстами римских грамматиков он не работал. Вообще же, «неточности» данных римских грамматиков он объясняет греческим влиянием.

Гораздо интереснее для нас труд А. Шмитта [Schmitt 1924], специально посвященный вопросам акцентологии; хотя в нем собственно латинскому и греческому ударению уделено немного места, всё же позиция автора представляется весьма основательной и по большей части доказательной. Самая важная деталь, отличающая эту книгу от других работ немецкой школы, – это новое понимание сущности ударения, предложенное Шмиттом. Если Зоммер писал, что динамическим будет то ударение, в котором преобладает экспираторный компонент над тоническим, а музыкальное, – наоборот, отличается главенством тона над силой, то Шмитт предлагает классифицировать виды ударения на *сильноцентрализованные* и *слабоцентрализованные*. Ударение, как правило, всегда содержит в себе и тональный и динамический компоненты; главным, по мнению Шмитта, является то, какое положение занимает акцентный пик в ударном слоге, – а это-то уже и определяет степень соотношения тона и силы в ударении. Сильноцентрализованные акценты – это те, в которых вершина ударения «равномерно» покрывает слог – такой акцент, как правило, отличается большей силой; слабоцентрализованный акцент, наоборот, приходится обыкновенно на какую-то часть слога, поэтому сильнее заметным становится тональное различие; сила же, требуемая для произнесения ударного слога, оказывается меньшей.

Латинское ударение, считает Шмитт, в глубокой древности отличалось слабоцентрализованным акцентом, наподобие того, что мы имеем в греческом языке, – этот акцент был унаследован латинским языком из общеиндоевропейского языкового состояния. Затем в праиталийский период акцент приобрел сильноцентрализованный характер и закрепился на первом слоге слова – это-то и вызывало редукцию гласных, синкопу и т.д. (Шмитт ссылается на Зоммера). В дальнейшем сильноцентрализованный акцент сменяется постепенно слабоцен-

трализованным (но не столь слабо, как было прежде) на привычной для нас позиции. Особенно интересной мыслью Шмитта является та, что степень централизации ударения в слове может не только сильно варьироваться на протяжении времени развития языка, но и одновременно различаться у различных классов общества: вслед за Кентом учёный предполагает, что низы общества могли иметь ударение, опережающее то, которое было в языке консервативной верхушки, по степени централизации. Многочисленные примеры народной поэзии, включая уже цитированные нами, приводятся [Schmitt 1924: 207] им в качестве доказательства того, что они принадлежат к низовой культуре. Существенное отличие от теории Кента – это то, что подобное явление он усматривает и в греческом языке, но в меньшей степени выраженное.

Дальнейшее изменение латинского ударения представляется Шмитту постепенным увеличением акцентной централизации. Переводя собственные термины учёного в привычные для нас, мы можем сказать, что латинское ударение он видит как динамическое с сильным элементом тона. Это позволяет ему, с одной стороны, усмотреть сходство с описанием античных грамматиков, а с другой – объяснить многие явления латинского языка (правда, в большинстве случаев здесь Шмитт ссылается на Зоммера и предшественников). Ещё одним значимым новаторством Шмитта можно признать концепцию возможной постановки ударения на двух слогах слова (при его сильной централизованности). В дальнейшем мы увидим, что эти новые взгляды Шмитта заслуживают пристального внимания. Шмитт практически полностью предвосхитил теорию Р. Якобсона [Jakobson 1937/1962], возникшую в 30-е гг. в Праге, которая также связывает динамический момент ударения со степенью его «централизации» в слоге, тогда как зависимость его от моры будет неизбежно приводить к развитию тонального компонента. Единственное, что все равно не находит удовлетворительного объяснения у Шмитта, – это законы ямбического сокращения, а также механизмы переноса ударения. Хотя Шмитт и рассматривает проблемы метрики, но делает это довольно поверхностно, опираясь в основном на исследования прошлых лет. Однако народнола-

тинская поэзия, трактуемая им скорее как акцентная, в его книге рассматривается весьма подробно.

Теорию Шмитта можно считать переходной от всех «фонетических» теорий – будь то «тональные» или «динамические» к «фонологическим» – морным и слоговым.

1.2. ТЕОРИИ УДАРЕНИЯ ПОСЛЕ ЯКОБСОНА

1.2.1. Моровая теория ударения

Моровая теория ударения появилась на свет в конце 30-х годов благодаря трудам Р. О. Якобсона [Jakobson 1937/1962] и Н. С. Трубецкого [Trubezkoy 1939 = Трубецкой 2000]. С точки зрения Якобсона и Трубецкого, латинское ударение не есть самостоятельное явление: оно целиком и полностью зависит от фонологического «количества» слога. Учёные различают «долгие» (двуморные) слоги и «краткие» (одноморные); природа ударения в языке есть функция места ударения: если ударение занимает весь слог, то его следует считать силовым, если только часть слога – одну мору, то музыкальным. При этом предполагается, что фонетически ударение всегда содержит в себе каждый из трёх просодических компонентов – тон, длительность и силу (интенсивность); преобладание той или иной величины зависит в первую очередь от фонологических свойств ударения.

Р. О. Якобсон определяет место латинского ударения на второй море, считая от последнего слога; тем самым он предполагает преобладание тона над силой. Н. С. Трубецкой говорит о том, что ударение занимает целиком тот слог, который содержит вторую мору, считая от последнего слога [Трубецкой 2000: 201]; таким образом, он скорее присоединяется к мнению о главенстве силы над тоном в латинской фонетике.

Из современных трудов к теории Н. С. Трубецкого примыкают и работы Т. А. Карасёвой [Карасёва 1987; 2000], являющиеся, по сути дела, единственными на сегодняшний день отечественными трудами по латинской акцентологии. В своей статье "Латинское ударение и Ф. Ф. Фортунатов" исследовательница не высказывается категорично в пользу динамической природы латинского акцента, допуская, однако, вслед за поздним И. М. Тронским, что «в латинском слове динамическая сторона ударения была выражена ярче, чем музыкальная»; начальная интенсивность также объясняется ею положением силового ударения на первом слоге слова, которое впоследствии было перенесено ближе к его концу. При этом позиция ударения определяется Т. А. Карасевой счётом вокалических мор между первым и ударным в классическую эпоху слогами

Поскольку моровая теория латинского ударения есть уже не история науки, но сама современная наука, все вопросы, связанные с нею, мы детально рассмотрим во второй части работы.

1.2.2. Слоговые теории ударения

Другой составной частью современной акцентологической науки бесспорно следует признать семейство слоговых теорий латинского ударения. Все они принимают существование морного ударения как феномена, однако отрицают наличие такового в классическом латинском языке. Здесь мы кратко рассмотрим основные положения Е. Куриловича и У. С. Аллена; более радикальная теория Э.Палгрема, привлечённая скорее из-за его нестандартных взглядов на структуру слога, нежели ударения, будет рассмотрена нами сразу же во второй части. Поскольку дискуссии, вызванные работами и этих учёных, особенно Аллена, актуальны до сих пор, то детальное рассмотрение и критический анализ этих теорий мы также отложим до второй части нашего исследования.

а. Ритмическая теория Е. Куриловича

Теория Е. Куриловича, изложенная в его поздней книге, «Индоевропейская акцентуация» [= Kuryłowicz 1958], частично напоминает взгляды Э. Стёртеванта. В монографии знаменитый польский учёный почти не высказывается относительно природы латинского ударения в классическую эпоху, но очень внимательно анализирует вопросы, связанные с праиталийской начальной интенсивностью, во многом опираясь на собственную гипотезу «динамизма» индоевропейского ударения. Сам он также не соглашается с концепцией *netteté* французских учёных и высказывается в пользу экспираторного динамического ударения на первом слоге слов в праиталийскую эпоху – возможно, унаследованную из индоевропейского состояния. Помимо указанных Стёртевантом чередований, Курилович рассматривает также (не ссылаясь на него) и похожие примеры сокращения безударных гласных [Kuryłowicz 1958: 383 sqq.]. Выводы Куриловича весьма соотносимы с теорией Стёртеванта и свидетельствуют в пользу динамической природы акцента:

- 1) динамическое ударение на первом слоге выполняло делимитативную функцию; его появление и потеря – факт не только латинского, но и других италийских языков;

- 2) классическое ударение – наследство праиталийского; оно было способно вызывать все описанные у Стёртеванта явления, удлинять односложные слова и т.д.;
- 3) позицией ударения (как праиталийского, так и классического) могли быть как один слог, так и два;
- 4) в последнем случае наблюдается тождество $\_ = \cup \simeq$ ¹³ для акцентной позиции: таким образом, Е. Курилович определяет дисиллабическое единство шире, чем это делает Э. Стёртевант.

Курилович считает, что в метрике Плавта указанное тождество выполняется всегда. Ямбическое сокращение он объясняет тоже исходя из этого соответствия: ударение занимало такую силлабическую позицию, если за сочетанием $\cup \_$ следовали другие слоги. В противном случае, если других слогов просто не было, происходило сокращение односложного слова до пиррихия: $\cup \cup$. Причины же этого явления конкретно не объясняются. Курилович считает, что ямбическое сокращение было общим явлением: ему подчинялись все слова ямбической структуры, включая глагольные формы (*amā, putō*). Позже (в литературном языке?) часть форм выправилась по аналогии (*amā : dēlē* и т.д.) Язык Плавта как раз и отражает состояние перехода.

b. Теория акцентных матриц (У. С. Аллен)

Английский фонетист У. С. Аллен подходит к решению проблемы ударения с позиций лондонской фонетической школы. В своих работах [Allen 1965; 1969; 1973] он пытается вывести свойства латинского ударения в первую очередь не из данных фонологии, как предлагали все предыдущие учёные, но из типологического рассмотрения фонетических данных.

По его мнению, ключ к разрешению вопроса о природе ударения лежит в свойствах латинского слога (так считали и Якобсон с Трубецким); но если послед-

¹³ В дальнейшем (с. 102) мы увидим, что это тождество есть следствие неверного понимания ямбического сокращения.

ние рассматривали их почти исключительно фонологично, то Аллен применяет фонетический метод, опираясь на теорию слога американского физиолога Раймонда Стетсона (о ней – см. с. 51). Аллен, признавая фонологичность противопоставления тяжёлых («долгих») и лёгких («кратких») слогов, тем не менее, исключает понятие моры из определения веса слога. Мора, по его словам, – единица долготы гласного звука (как в греческом языке), а не слога; критерий же противопоставления он вслед за Стетсоном видит в большей или меньшей напряжённости («заторможенности») слога. Экспериментальные данные Стетсона и его выводы, связанные со структурой лёгких и тяжёлых слогов, позволили Аллену предположить, что все языки, имеющие фонологическое противопоставление слогов по весу, имеют динамическое ударение¹⁴.

Аллен находит, что латинское ударение было *резким динамическим*, типа ‘diminuendo’ (т.е. имеющим скорый пик и затем постепенно затухающим на ударном слоге), которое первоначально, в пралатинскую эпоху, падало на первый слог каждого слова, тогда как в более позднюю эпоху оно переместилось ближе к концу слова, где мы его и видим в классическую эпоху [*Quint. Inst. Or., I, 5, 30*].

Отказавшись от мор, Аллен предлагает совершенно иной способ определения места ударения в слове. Основываясь на работах многих современных ему учёных, в том числе Элиасона и Дэвиса [Eliason & Davis 1939: 51 sqq.], а также Хомского и Халле [Chomsky & Halle 1968: 253], изучавших суперсиллабические унии и дисиллабический акцент в новых языках, Аллен формулирует правило новой латинской суперсиллабической структуры, названной им *акцентной матрицей* [Allen 1973: 163].

Акцентная матрица – это такая силлабическая структура, в которой латинское ударение полностью исчерпывает свой динамический диапазон, т.е. сила голоса может спокойно затухнуть. Он постулирует, что в одном слоге акцент может полностью затухнуть только в том случае, если он является тяжёлым (как в *re.fêc.tus* или *re.lâ.tus*); поэтому все тяжёлые слоги являются потенциальными но-

¹⁴ Для древнегреческого учёный постулировал «non accentual stress» [Allen 1973: 333-334].

сителями акцента. Если же тяжёлого слога нет, то лёгкий слог, вынужденно несущий акцент, объединяется со следующим лёгким слогом в суперсиллабическое стаккатное единство, объединенное общим ударением (*re.{fí.ci}.ō, p{íu}s*). В свете этого явления Алленом сильно упрощается правило постановки латинского ударения: акцентом выделяется всегда последняя акцентная матрица слова, исключая последний слог. Тем самым Аллен признаёт тождество $\_ = \cup \cup$, предложенное для латинской фонологии ещё во времена Стёртеванта и возведённое сторонниками моровой теории в общее фонологическое правило; но если последние видят причины такого тождества во внутренней структуре тяжёлого слога, то Аллен говорит лишь о тождестве слогов под ударением.

Теория акцентных матриц, по мнению Аллена, позволяет хорошо объяснить закон ямбического сокращения: в словах, типа **duō, *benē* налицо явное противоречие между стремлением сохранить долготу последнего гласного и объединить слово ударением стаккатного типа, которое решается сокращением последнего гласного, изначально, видимо, имевшего тенденцию к сокращению (как это часто бывает в последнем слоге при динамическом ударении). Теперь эти слова рассматриваются как [dúò], [béne], составляя при этом некое акцентное единство. В словах же типа *ambō, longē* динамический диапазон ударения исчерпывается в первом тяжёлом слоге, где локализуется акцентная матрица, что никак не вредит долготе последнего гласного ([lōngē], [âmbō]). Как видно, теория Аллена во многом походит на предшествующие взгляды Стёртеванта и Куриловича, хотя по степени конкретности данных здесь объяснений значительно их превосходит.

Акцентными матрицами Аллен объясняет и почти полное отсутствие в латинском языке ударных слов, состоящих из одного лёгкого слога: *śú, но tū; pró, но prō*. Эти слова, если бы они состояли из лёгкого слога, с трудом могли бы нести динамическое ударение, что приводило бы к определенным системным затруднениям. Точно так же объясняется и удлинение гласного в односложных словах (*pāris, но pār*).

Другое традиционное возражение против слоговой теории динамического ударения заключается в том, что некоторые учёные предполагают наличие обяза-

тельных процессов, связанные с редукцией и синкопой, последняя из которых была не особенно частотна. Аллен, вслед за Стёртевантом, возражает на это тем, что, во-первых, синкопа все же была весьма частотна (его примеры: *disciplīna* : *discipulus*, *sinistra* ← *sinistera), во-вторых, частая потеря гласных при динамическом удареении вовсе не обязательна, т.к. это может быть связано с его силой и иными качествами, и, в-третьих, для этого требуется иной раз много времени, как это было в готском языке. Вообще же, основное возражение против музыкального удареения, по Аллену, заключается в том, что маловероятно, чтобы из музыкального индоевропейского удареения в латинском языке развилось удареение динамическое на первом слоге, которое потом сменилось вновь музыкальным и затем опять динамическим. Аллен считает, что динамическое удареение возникло в латинском языке однажды, в пралатинскую эпоху, и больше не сменялось ничем. Перемещение же его с первого слога на привычное для нас место объясняется тем, что стояло оно не на первом слоге, а на первой акцентной матрице: [fáci]lius, [âdsimiliter]. В первом случае второй элемент матрицы со временем приобрел большее значение, чем первый, и впоследствии объединил с собой следующий лёгкий слог ([fáci]lius); во втором случае длина слова и локализация матрицы в одном первом слоге привели к необходимости во вторичном акценте, который постепенно занял главенствующую позицию ([âdsimiliter] → [adsi{míli}ter]) [Allen 1969].

У. С. Аллен, хотя и допускает некоторое (нефонологическое) количество тона и в латинском языке, однако несоответствие данных античных грамматиков своим он объясняет влиянием греческой науки на латинскую. Всем известно, пишет он, сколь много скалькированных терминов пришло в латинский язык во II-I вв. из греческого мира. Особенно много их в сфере метрики, поэтики, философии и т.д. (*πούς* → *pēs*, *γένος* → *genus*). Конечно, слова эти были в латинском языке всегда, однако в значении 'стихотворная стопа' и 'род литературы' они стали употребляться именно тогда. То же происходит и с акцентологическими терминами: *accentus* ← *προσῳδία*, *acutus* ← *ὀξύς*, *gravis* ← *βαρύς*. При этом Аллен, говоря о переводе этих терминов с греческого языка на латинский, употребляет в адрес римских грамматиков неодобрительный термин *slavishly* [Allen 1973: 151].

Вообще, один из главных аргументов Аллена в пользу своей теории заключается в том, что латинское ударение было иным, нежели греческое. Если в последнем ударный гласный мог быть двусоставным, то для латинского языка Аллен двусоставность как гласных, так и слогов отвергает во всех проявлениях. Так, если греческое *δίσκος* ударением тождественно *ξίφος* (без разницы в весе слога), и все вместе они противопоставлены *ῥίγος*, то в латинском языке картина совсем иная: *relictus* – это то же, что *relātus*, но совсем иное, чем *relīgō*. Отсюда возникает другое различие: латинское ударение своим качеством не несло смысловозначительной функции, как это было в греческом (*φῶς/φῶς*). Единственным возможным смысловым различием могло быть только позднее позиционное (*ádeō/adéō*, *Vālerī/Vālérī* [Kent 1946: 67]). На основании этого Аллен не принимает никаких доводов, связанных с возможностью моровой природы латинского ударения.

Теория акцентных матриц Аллена как одна из самых распространённых и влиятельных на сегодняшний день будет подробно рассмотрена далее в сопоставлении с моровой теорией ударения.

1.2.4. Выводы первой части

Итак, мы видели, что рассмотрение основных теорий, связанных с латинским ударением, ставит для нас две самых главных проблемы:

- 1) проблему природы латинского ударения с более частными примыкающими к ней вопросами:
  - a. о структуре латинского слога;
  - b. о единице счёта (слоге или море);
  - c. о типе моровых отношений и зависимости ударения от моры (если они имеются);
  - d. об определении позиции ударения;
  - e. о роли ударения в стихах;
  - f. об изменении свойств ударения в диахронии;

- 2) проблему трактовки античных грамматических описаний, с примыкающими к ней вопросами:
  - a. о принципах этих описаний и их изменении в диахронии;
  - b. о понимании античных акцентологических терминов;
  - c. о греческом культурном влиянии.

Эти вопросы будут рассматриваться далее – соответственно во второй и третьей частях работы.

Часть II

ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ РЕКОНСТРУКЦИИ (Место ударения в латинской и индоевропейской акцентных системах)

Выдающимся открытием Канта явился тезис о том, что внешний мир воспринимается человеком сквозь сетку априорных категорий, важнейшее место среди которых занимают категории *пространства* и *времени*. Однако если мы захотим рассмотреть в кантовских терминах систему человеческого языка, в частности фонологию, то мы увидим, что «пространственные» отношения в ней первично представлены сегментными языковыми единицами, а «временные» – просодическими. Грань эта очень зыбка и отчетливо просматривается лишь тогда, когда системные отношения между этими единицами взяты в некоем умозрительном пределе, в котором языковая диахрония стремится к нулю; на деле же мы видим, что при расширении предела рассмотрения от языка к речи пространственные (парадигматические) отношения между сегментами начинают дополняться (синтагматическими) временными, а изначально существующие во времени просодические явления, напротив, приобретают категориальное оформление.

Если же мы спустимся от фонологии ещё на один уровень вниз к акустической фонетике, то станет очевидным, что все пространственно-временные отношения, существующие в языке, представлены здесь в виде неразрывного континуума трёх физических величин – *длительности*, *частоты* и *интенсивности*, – соответствующих трём измерениям человеческого сознания [Златоустова et al. 1997: 57 sqq.; Devine & Stephens 1994: 3]. Очевидно, что просодический уровень языка, имеющий дело с указанными физическими величинами «напрямую», располагается ниже в языковой иерархии, чем сегментный, оперирующий уже обработанными и категоризированными данными. «Экспериментально доказано, что ритмические модели слов составляют некую нейронную систему, единицы которой относительно автономны от словоформ. В русской речи верное опознание типа ритмической модели составляет 97 процентов» [Златоустова & Лавриченко 1996: 89]. Эксперименты по исследованию детской речи показывают, что формирование различных просодических схем в сознании говорящих происходит в разном возрасте:

так, например, первые организованные во времени последовательности согласных и гласных звуков, напоминающие слоги, наблюдаются обычно у детей около 7-8 месяцев [Лепская 1997: 20; Oller 1980: 93]; доля открытых слогов типа CV у детей в год и 3 месяца составляет 89% и 87% в английских односложных и двусложных словах соответственно, затем с развитием закрытых слогов падает в течении года до 8% и 14% [Ingram 1978: 143]. Данные современной лингвистической типологии свидетельствуют, что слоги типа CV являются общими для всех языков мира и в очень многих из них единственно возможными; считается, что это был основной силлабический тип на предыдущей ступени глоттогенеза [Об этом: Devine & Stephens 1994: 21].

В предыдущих разделах мы видели, что структура латинского слога оказывается важнейшим определяющим фактором для объяснения природы и места латинского ударения, для истолкования данных, полученных нами от древнеримских грамматиков. Здесь мы последовательно рассмотрим вопросы о фонетическом весе и его природе, о моровом счёте в латинском языке, о ритмических группах и связи всех описанных явлений с латинским ударением.

2.1. ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕС СЛОГА

Классическое правило латинского ударения, впервые сформулированное Помпеем (см. ниже с. 210), ритмические чередования слогов в поэзии, наконец, свидетельства всех римских грамматиков о противопоставлении «долгих» и «кратких» слогов естественным образом наводят на мысль, что оппозиция латинских слогов по весу была *фонологической*: долгий открытый и краткий закрытый слоги воспринимались как фонологически тождественные просодические единицы и противопоставлялись открытым слогам с кратким слононосителем. В науке XX в. такой критерий противопоставления – чтобы исключить путаницу с оппозицией по долготе/краткости – был назван фонологическим весом слога, а сами противопоставляемые слоги – тяжёлыми и лёгкими соответственно [Stetson 1951; Allen 1973; Devine & Stephens 1994].

Справедливость такого разделения слогов для латинского языка преимущественно не оспаривалась; единственно известная теория, в той или иной степени отрицающая фонологический вес – а также и целый ряд других общепризнанных явлений – для латинского (и греческого) языков, это теория Палгрема [Pulgram 1975], которую стоит рассмотреть здесь подробнее.

2.1.1. Нефонологическая теория веса (Э. Палгрем)

Теория Э. Палгрема (в других вариантах – Палгрэма, Пэлграма) восходит, очевидно, к работам Ф. Эббота и Р. Кента начала XX в [Abbott 1902; Kent 1912 (1946)]. Её назначение – изображение перехода латинской просодической системы в романскую, а ядром служит гипотеза о диглоссии в Риме, берущей начало, по мнению автора, с III в. до Р. Х. Тогда с возникновением собственно римской литературы, считает Палгрем, латинский язык разделился на два течения: “formal Latin” – официальный письменный язык государства и литературы и “informal Latin” – устная (вульгарная и разговорная) латынь. Различия между двумя этими языковыми пластами огромны: в частности, Палгрем считает, что последний уже в III в. до Р. Х. потерял смыслоразличительную оппозицию по долготе/краткости, а первый, в свою очередь, был способен элиминировать словесное ударение в син-

тагмах, поскольку, по мнению Палгрема, словоразделы теряли свои фонологические свойства в высказываниях длиннее, чем в одно слово. Так учёный пытается объяснить несовпадения акцента и икта в поэзии, который, в свою очередь, представляется ему таким же, каким он виделся Бентли и Френкелю (о проблеме икта см. с. 112). В результате Э. Палгрем вводит классификацию, по которой языки бывают с пословной просодией (и ярко выраженными словоразделами: *nexus language*) и примыкающей просодией (со «смазанными» словоразделами: *cursus language*). К языкам первой группы он относит такие, например, как древнегреческий и «устный» латинский; ко второй – «письменный» латинский и языки типа французского [Pulgram 1975: 291-292; Pulgram 1970]. «Письменному» типу латинского языка автор, подобно Эбботу и Кенту, приписывает и музыкальность ударения, взятую «у греческих учителей».

Греческим влиянием Э. Палгрем объясняет и существование квантитативной оппозиции у слогов в латинском языке. Сообразно его теории, квантитативные системы всех языков мира делятся на три вида:

- 1) системы с количеством гласного¹⁵, для которых открытость / закрытость слога не важна;
- 2) системы с силлабическим весом, для которых $C\bar{a} = C\grave{a}C \leftrightarrow C\grave{a}$;
- 3) системы с «силлабическим количеством», изобретённые самим Палгремом, в которых последовательности $C\bar{a}$ или $C\grave{a}$ в сочетании с двумя или более согласными (без различий в слоγο-разделе) трактуются как «долгие», тогда как они же с последующей одной согласной или без неё – как «краткие».

Последний просодический вид исследователь справедливо называет нефонологическим и искусственным. Однако далее он же утверждает, что, хотя устный латинский язык относился ко второму просодическому виду, письменный принадлежал к третьему; что это – прямое следствие греческого влияния, поскольку

¹⁵ Тот факт, что Н. С. Трубецкой ещё в 1938 г. говорил о длительности слога, а вовсе не гласного, признавая последнее несостоятельным, мы здесь разбирать не будем. См. [Трубецкой 2000: 195].

греческий язык якобы тоже принадлежит к третьей группе; что в греческой метрике тождество $C\bar{a} = C\check{a}C$ было введено искусственно для того, чтобы компенсировать нехватку слогов типа $C\bar{a}$ в стихах.

Нет необходимости здесь подробно анализировать все ошибочные предположения Э. Палгрема, в том числе такие, например, как то, что потеря фонологической оппозиции по долготе в «устном» языке произошла на 600 лет (!) раньше, чем в «письменном», что музыкальное ударение «несовместимо» с синкопой, что слоговое деление латинских и греческих слов надо проводить строго по правилам римских грамматиков (о них – см. ниже с. 180), что любая последовательность из двух-трёх различных стоп расценивается как клаузула [Pulgram 1975: 293] и т. п.; достаточно будет адресовать читателя к разгромной рецензии уже упомянутых А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса [Devine & Stephens 1980]. Вообще же фонологичность силлабического веса в греческом языке доказывается правилом образования степеней сравнения прилагательных, где вес слога на стыке с морфемой *-τερ-* напрямую зависит от фонетического веса предшествующего слога (*πικρότερος* = *παιρότερος* ↔ *ἀξιώτερος*); действием законов Уилера, Гудвина и Вандриеса (о них см. с. 126 sqq.); фонологическое противопоставление слогов наблюдается в ряде других языков – финском, арабском, ведийском, японском, илокано и т.д., тогда как принципы нефонологического количества, придуманные Палгремом, не наблюдаются ни в одном [Ibid.]

Кроме того, теория Палгрема не лишена и внутренних противоречий: ведь если «устный» язык отличался более быстрыми темпами развития (а точнее упадка – об этом «свидетельствует» предполагаемая автором потеря оппозиции по долготе, раннее становление динамического ударения, – из чего, собственно, учёный и выводит протороманское языковое состояние), то почему же тогда ему следует приписывать более консервативную оппозицию слогов по весу, тогда как именно с романскими («курсусными») языками автор объединяет «письменный» латинский язык, консервативный в отношении долгот и краткостей? Какой же этап просодической «эволюции», наконец, представляет собой греческий язык,

который отождествляется Палгремом то с «устным» латинским, то с «письменным»?

Из сказанного здесь становится понятным, что теория нефонологического «количества» слога не имеет под собой никаких реальных оснований, что, в свою очередь, рушит и всю теорию Палгрема. Что же касается идеи о римской «просодической диглоссии» вообще, то она была справедливо отвергнута ещё задолго до появления обсуждаемой теории [Sturtevant 1921]. Таким образом, получается, что существование фонологического противопоставления слогов по весу для латинского языка классической эпохи не вызывает сомнений.

2.1.2. Акустическая основа

Всякое фонологическое явление должно иметь своё фонетическое (акустическое) выражение. В этом смысле для объяснения природы фонологического веса необходимо определить, на каком просодическом признаке он основывается. Среди многочисленных из существующих на сегодняшний день теорий слога [об этом: Златоустова et al. 1997: 179-195] лишь две специально посвящены разрешению этой проблемы: это *моторная теория* Стетсона и *теория длительности* Девайна и Стефенса. Мы рассмотрим их именно в таком порядке.

а. Моторная теория Стетсона

Исследования американского психолога и физиолога Раймонда Герберта Стетсона получили широкую известность в 40-50-е гг. XX в. Главным предметом изучения стала у Стетсона проблема взаимодействия ритма у человека с такими видами деятельности, как игра на фортепьяно или машинопись; отдельной задачей стало выяснить соотношение биологического ритма с речевой деятельностью.

Научная новизна исследований заключалась уже в том, что так же, как и в лаборатории Р. О. Якобсона в Массачусетсе, для исследований артикуляторных функций человека применялись новейшие по тем временам экспериментальные средства и методы. Результатом явилась книга "Motor Phonetics" [= Stetson 1951], которая содержала в себе практическое описание и результаты исследований.

В распоряжении учёного были следующие экспериментальные средства:

- 1) *кимограф*, который фиксировал движение поверхности тела;
- 2) *спирометр*, который фиксировал движение воздуха у лиц, подвергшихся операции трахеотомии и потому лишенных нормального артикуляторного аппарата;
- 3) *воздушный баллон*, который был прикреплен к животу испытуемого и менял свой объем при вдыхании-выдыхании воздуха из лёгких; таким образом Стетсон пытался измерить работу брюшных мышц, в частности *rectus abdominis* при звукопроизводстве.

Часть данных была получена при помощи электромиографического исследования, однако они немногочисленны, и ввиду несовершенства экспериментальных средств того времени отличались большой погрешностью.

Результатом исследования явились следующие заключения.

Слог является единым целым, своего рода артикуляторно-физиологическим продуктом. При этом все движения мышц грудной клетки, задействованных в речепроизводстве, определяются автором как примарные, тогда как артикуляторные движения названы секундарными. Слог считается «наименьшим ритмическое звеном в общем организованном движении» [Златоустова et al. 1997: 184].

Тем самым произнесение слога находится в тесной связи с работой мышечной системы: для каждого слога оно сопровождается «направленным баллистическим ударом» («ballistic chest pulse»), продуцируемого активностью внутренних межреберных мышц; этот удар или толчок определяет начало некоего ритмического движения. Особенности же этого движения определяются тем, каким образом оно прекращается: резко – с торможением, которое осуществляет физиологический ‘arrest mechanism’, или плавно – без участия оно. Действует этот «стопорный механизм» следующим образом:

- 1) в открытых слогах с долгим гласным торможение движения лёгких фиксируется усилием внешних межреберных мышц, направленном на вдох;

- 2) в ударных слогах работа межрёберных мышц перераспределяется усилением брюшных мышц, ведомых *rectus abdominis*;
- 3) в закрытых слогах торможение происходит артикуляторно за счёт закрывающего согласного;
- 4) открытые слоги с кратким гласным оказываются 'unarrested' ('заторможенным') и тем самым имеют принципиально иные ритмические особенности, чем прочие.

Иными словами, по теории Р. Стетсона получается, что работой описанного «стопорного механизма» сопровождается произношение всех тяжёлых слогов: все закрытые слоги закрыты консонантным звуком и потому «торможение» происходит на уровне ротовой полости; открытые же слоги с долгим гласным также «тормозятся», однако на более низком, субгортанном уровне – Стетсон видит здесь инспираторное движение внешних межрёберных мышц. Работа *arrest mechanism* требует дополнительного усилия и нагрузки; так термин «фонетический вес» слога приобретает реальный смысл: лёгкие слоги при произнесении исключают стопорное усилие, тяжёлые требуют его. Так получается, что за фонологическим противопоставлением слогов по «весу» скрывается фонетическое различие, близкое к сформулированному Якобсоном, Фантом и Халле различию по напряжённости.

Теория Стетсона имела и имеет до сих пор немало последователей, одним из которых был, как мы уже видели, У. С. Аллен. В частности его предположение о том, что слоги разного веса отличаются различной степенью устойчивости (позволяющее ему предложить объяснение некоторым латинским фонетическим процессам, в частности – редукции, минимальной длине просодического слова и т.д.), – прямо опирается на теорию Стетсона.

Тем не менее, эта теория не лишена и недостатков. Более всего подвергалось критике заявление Стетсона о том, что между производством слога и работой мышц имеется прямое соответствие. В 1958 году шотландский фонетист Питер Ладефогт вместе с двумя физиологами М. Х. Дрейпером и Д. Уиттериджем из

университета Эдинбурга [Ladefoged et al. 1958] провели исследование с использованием более продвинутых средств электромиографии: электроды подводились к поверхности тела непосредственно над исследуемой мышцей и тем самым измерялось состояние её активности. Исследования по более прогрессивной технологии позволили в известной степени опровергнуть результаты Стетсона.

Получилось, что

- 1) прямого соответствия между вспышками мышечной активности и произношением слогов не наблюдается: вовсе не каждый слог сопровождается направленным ударом – иногда одна кривая соответствует группе слогов (особенно в двусложном слове), иногда произнесение одного слога требует двукратного усиления мышечной работы;
- 2) работа тормозного механизма для тяжёлых слогов не может вызываться внешними межреберными мышцами и производится иными средствами;
- 3) сила удара никогда не перераспределяется прямыми мышцами живота.

Тем не менее, сами авторы признают, что результаты исследования могут отличаться погрешностями, которые можно избежать, введя электрод непосредственно в ткань исследуемой мышцы, что сделать им не удалось. В дальнейшем выяснилось, что в произнесении слога важную роль играют ещё и мышцы гортани, при этом кривая гортанной напряжённости не соответствует слоговой вершине [Златоустова et al. 1997: 185].

Эксперимент М. Хошико проведённый в 1960 г. по методике Стетсона не подтвердил (хотя окончательно и не опроверг) идею о том, что образование всех тяжёлых слогов – как открытых, так и закрытых – сопровождается работой «стопорной системы» [Hoshiko 1960]; в настоящее время считается, что эта часть теории Стетсона требует новых экспериментальных подтверждений [Devine & Stephens 1994: 11]. Теория Стетсона, оперирующая лишь оппозицией *arrested/unarrested* не способна объяснить иерархию лёгких слогов в гуджарати (где

их три вида [Devine & Stephens 1994: 72]) или тот факт, что в индейском языке читмача (Луизиана [Human 1985]) закрытые слоги с редуцированным гласным приравниваются к лёгким, тогда как все другие закрытые считаются тяжёлыми. Недостатком теории Стетсона в её применении к классическим языкам является и то, что основные её положения не подтверждаются данными греческих и римских грамматиков, никогда не говоривших (в отличие от индийских) о «напряжённости» или «заторможенности», но единодушно утверждавших длительность слога.

Таким образом, получается, что из трёх основных физических величин, сочетанием которых акустически выражаются просодические явления, вес слога определяется Стетсоном преимущественно как функция от интенсивности. Поэтому другая рассматриваемая ниже теория, выводящая фонетический вес из длительности, представляется особенно интересной для сравнительного изучения.

в. Теория длительности (А. М. Девайн и Л. Д. Стефенса)

А. М. Девайн из Стенфордского университета и Л. Д. Стефенс из университета Северной Каролины обратились к проблеме фонологического веса в связи с реконструкцией древнегреческой просодии. Их исследования традиционно проводятся по следующей методике:

- 1) изучаемому фонологическому (или фонетическому) явлению греческого языка подыскивается типологическое соответствие;
- 2) далее на основе данных современной лингвистики делается попытка дать ему объяснение; при этом широко привлекается литература по ряду смежных дисциплин – физиологии, психологии, музыке и т.д., что позволяет подчас свести решение частной проблемы к неким общим законам человеческого мышления и поведения;
- 3) наконец, установленная закономерность проверяется по греческим текстам: проверка проходит преимущественно статистическими ме-

тодами с привлечением таких общеизвестных приёмов, как χ^2 тест и ряда других.

Иногда, правда, последовательность описанных пунктов может меняться, что не меняет общего принципа исследования.

Пример: изучается природа древнегреческого ударения. Внимательное рассмотрение древнегреческой фонологии указывает на значительное соответствие греческой акцентной системы литовской и особенно сербо-хорватской. Делается вывод: древнегреческое ударение отличалось сильными как тональным, так и динамическим компонентами и имело фокус, покрывавший часть слога, что вполне соответствует традиционному «музыкальному» пониманию и данным греческих грамматиков [Devine & Stephens 1985: 141 sqq]. Далее исследуется вопрос об отношении тонального ударения и музыкальных текстов: выясняется, что в языках с музыкальным ударением место ударения в слове соотносится с повышением ноты в пении – это объясняется общезыковой природой тона в человеческом восприятии. Установленная закономерность проверяется на имеющихся греческих музыкальных текстах – гипотеза статистически подтверждается. Более того, удаётся установить, что повышение тона на акцентируемой мере составляет примерно квинту, что находится в прямом соответствии с данными типологии и описаниями греческих теоретиков музыки. Так восстанавливается греческий акцентный контур слова [Devine & Stephens 1994: 189 sqq].

Мы видим, что американские учёные рассматривают реконструкцию греческой просодии как комплексную дисциплину, разрабатываемую на стыке самых разных наук – от неврологии до теории музыки. Конечно, подобный метод имеет и ряд недостатков: так, Девайн и Стефенс, будучи всего лишь филологами-лингвистами, не в состоянии самостоятельно провести большую часть экспериментов и потому вынуждены опираться на результаты других исследований. Однако привлекаемая ими литература по каждому вопросу настолько обширна и малопротиворечива, что позволяет говорить об исключительном правдоподобии полученных учёными результатов. К последним относится, в частности, доказа-

тельство истинности канона Зелинского для Еврипида [Zieliński 1925; Devine & Stephens 1981], существования лингвистической стопы в греческом языке с точки зрения общей психологии [Devine & Stephens 1993] и лингвистической статистики [Devine & Stephens 1982; 1994]. Результаты своих исследований учёные обобщили в крупной монографии “The Prosody of Greek Speech”, вышедшей в 1994 году [= Devine & Stephens 1994].

Как уже было сказано выше, основой для силлабического веса учёные считают (фонологическую) длительность слога. Если в языке прослеживается фонологическое различие по весу, это значит, что сознанию носителей этого языка присущи так называемые «внутренние часы», отмеряющие длительность выражения языковых единиц [Devine & Stephens 1993]. Если звучание такой единицы заметно дольше, чем сколько-то (т.е. некоего условного предела), то в сознании говорящего или слушающего она воспринимается как «большая, долгая, тяжёлая», если короче – то как «маленькая, краткая, лёгкая»; при этом комплекс одновременно воспринимаемых стимулов может также интерпретироваться как имеющий бóльшую длительность, даже в том случае, если длительность каждого из них не превышает этого умозрительного предела [Schiffman & Bobko 1974; 1977]. Таким образом, речь идёт о *фонологической длительности слога*, что, в свою очередь, не противоречит и данным античных грамматиков¹⁶.

Типологам хорошо известно, что в языках, «чувствительных» к фонологическому весу, слоги всех трёх типов образуют иерархию $C\bar{a} > C\check{a}C > C\grave{a}$, которая прослеживается на примере различных фонологических явлений, однако особенно отчётливо видна в тех языках, где от силлабического веса зависит место (динамического) ударения [Human 1977]. Так, например, в мальтийском диалекте арабского языка ударение стоит на последнем слоге слова, если он содержит долгий гласный; если такового не имеется, тогда на последнем закрытом слоге с кратким

¹⁶ О невозможности ритмического чередования неограниченных (фонетических) длительностей говорит Аристоксен [*Chronos Protos P; ER 10P*]; идея выведения длительности слога из относительной долготы отдельных сегментов присутствует у Аристида Квинтилиана [*41f.WI*], Хировоска [*Comm. in Hephaest. 180 Consbruch*], Помпея [*K V, 113*].

гласным; если нет и его, то тогда уже на предпоследнем лёгком [Borg 1973]. Сходные иерархические правила акцентуации наблюдаются в ряде индейских языков: кламат (Орегон [Barker 1964]), луисеньо (Калифорния [Bright 1965]), ю.-в. тепехуан (Мексика [Willett 1982]). Более того, иерархическое противопоставление слогов по весу наблюдается в некоторых из тех языков, где не существует оппозиции по долготе / краткости (т.е. $C\check{a}C > C\grave{a}$): это преимущественно языки тихоокеанского бассейна – кунимайпа (Новая Гвинея [Pence 1966]), маунг (Северная Австралия [Carrell et al. 1970]), аклан (Филиппины [Hayes 1981]). Имеются, однако и контрпримеры – языки, в которых закрытый краткий слог приравнивается к лёгким в противовес слогам, содержащим долгий гласный ($C\bar{a} \leftrightarrow C\check{a}C = C\grave{a}$): это полабский язык [Трубецкой 2000], карок [Bright 1957], гуастеко (с.-вост. Мексика [Larsen et al. 1949]).

Для объяснения этих фактов Девайн и Стефенс обращаются к экспериментальным данным, которые доступны, к сожалению, не для всех языков. Примеры длительности безударных слогов для тамильского и разговорного арабского (Мекка) представлены в таблице 3.1 [= Devine & Stephens 1994: 72]:

тип слога	тамильский язык	арабский язык
$C\grave{a}$	96	74
$C\check{a}C$	167	150
$C\bar{a}$	159	149
$C\bar{a}C$	227	–

Таблица 2.1.1 Средняя длительность (мс) слогов разных типов по Девайну-Стефенсу

Мы видим, что 1) длительность тяжёлых слогов различных типов в описанных языках практически одинакова (закрытый слог даже несколько превышает открытый); 2) соотношение длительностей тяжёлых и лёгких слогов приближается к отношению 2:1. Этим экспериментальным наблюдениям близки и другие:

- в (слогосчитающих) языках типа итальянского длительность артикуляторных движений при произнесении последовательностей $C\bar{a}.Ca$ и

*СăС.Са*¹⁷ всё равно практически одинакова [Smith 1991];

- в японском (моросчитающем) языке длительность тяжёлого закрытого слога в такой же последовательности незначительно выше [Port et al. 1987], однако краткие слоги, закрытые назальным консонантом (тип *СăN*), отличаются заметно большей длительностью [Hoequist 1983; 1985];
- в немецком (слогосчитающем) языке слоги с долгим гласным относятся к слогам с кратким гласным как 2:1 (по Фиетору и Мейеру), 5:3 (по Брюкке), 3:2 (по Крейтеру) [Златоустова et al. 1997: 83];
- в древнегреческом (моросчитающем) языке в позиции анкепса в ямбическом триметре слоги типа *СăС* имеют меньшую вероятность появления, чем в других позициях стиха, что объясняется их большей устойчивостью к сокращению; это можно рассматривать как аргумент того, что в греческом языке долгота *СăС* > *Сă* [Devine & Stephens 1994: 74].

Отношение «долготы» / «краткости», выраженное в большинстве языков как 2 (1.5) : 1 хорошо объясняются с позиции общей психологии ритма. Так, например, если попросить кого-либо постучать пальцем по столу, то его стук будет, во-первых, ритмичным (стучать без ритма тяжело [Fraisse 1946; Devine & Stephens 1993]), а, во-вторых, длительность интервалов между ударами будет с поразительной точностью сохраняться от одного эксперимента к другому. Вообще, средне-статистическая длительность интервалов между ударами, присущая всем людям, составляет примерно 600 мс (± 160 -205 мс в зависимости от части тела, которой производится стук [Keele & Ivry 1987]). Если попросить испытуемого стучать с большей частотой, то выбранная им новая частота ударов будет соотноситься с прежней примерно как 2:1. Это происходит потому, что у каждого человека имеется свой определённый ритм, а точнее, как было установлено психологами, два

¹⁷ *ă* – гласный в открытом слоге под ударением

контрастирующих ритмических интервала: один 200-300 мс, соответствующий высокой частоте и малой длительности, а другой – 450-900 мс. – отвечающий большей длительности и низкой частоте [Fraisse 1946; 1956]. Можно заметить, что установленные временные интервалы вполне соответствуют ритму многих функций человеческого организма, например, ударам сердца, которое, сокращаясь при нормальных условиях в среднем 70-75 раз в секунду (т.е. каждое сокращение – ок. 800 мс), способно при физической нагрузке увеличить частоту своих сокращений в два и более раза [Ранке 1903: 258], переходя тем самым из низкочастотного ритмического интервала в высокочастотный.

Другие исследования выявляют сходную ритмическую картину при восприятии звуков. Так, например, в одном эксперименте [Essens et al. 1985] испытуемым была предложена последовательность нот, организованных в анапестические и ямбические стопы, причём различие по длительности между долгими и краткими нотами варьировалось в пределах от 1.5:1 до 4:1. После того, как испытуемых попросили воспроизвести прослушанную последовательность, выяснилось, что последовательность нот была наиболее правильно спета тогда, когда различие по длительности нот было 2:1; бóльшие отношения длительностей были при воспроизведении занижены, а ноты с отношением 1.5:1 почти пелись как 2:1 – с удлинением долгой ноты и сокращением краткой (при этом для участников эксперимента было трудно сегментировать стопу с отношением нот 1.5:1).

Таким образом, получается, что ритмическое отношение долготы/краткости как 2:1 определяется не столько лингвистическими, сколько общефизиологическими закономерностями человеческого организма. В этом смысле объяснение фонологического веса на основании длительности, как наиболее простой и очевидной акустической реальности, может показаться очень правдоподобным, тем более что такое объяснение совершенно не противоречит античным грамматическим описаниям.

Однако и у него есть некоторые слабые стороны, которые мы сейчас и рассмотрим.

с. Сопоставительный анализ

Попробуем проанализировать «за» и «против» описанных взглядов. Главными недостатками теории А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса можно назвать следующие.

Во-первых, как уже было сказано выше, существуют языки, имеющие фонологический вес (например, полабский), в которых краткие закрытые слоги приравниваются к лёгким. Впрочем, этот контрпример можно объяснить путём замены термина вес на «моровую длительность», т.е. отказавшись от рассмотрения слоговых интерлюдий и сведя изучаемую оппозицию слогов к простому различию по длительности слононосителя – наподобие первой просодической оппозиции Палгрема.

Во-вторых, большинство экспериментальных данных говорит нам о том, что закрытые краткие слоги (особенно в языках с фонологическим весом) имеют тенденцию быть фонетически большей длительности, чем долгие открытые слоги; а это наблюдение в значительной степени противоречит типологически установленной иерархии $S\bar{a} > S\check{a}C > S\check{a}$, по которой долгие слоги имеют большее фонологическое преимущество, чем закрытые краткие.

Девайн и Стефенс пытаются объяснить это несоответствие следующими тремя утверждениями:

- 1) что различием в акустической длительности можно пренебречь;
- 2) что существенны внутренние различия между слогами: так, открытый долгий слог имеет бóльшую звучность (т.к. звучность открытого долгого гласного выше, чем закрытого согласным краткого), и, кроме того, если открытый долгий слог тяжелее закрытого краткого в «статическом положении», то «динамически» последний может оказаться тяжелее первого, т.к. закрытый слог более устойчив к сокращению и редукции в речи [Devine & Stephens 1994: 71];
- 3) что для размещения ударения в слове (на основании чего и строится рассматриваемая иерархия) важно не только различие слогов по весу, но и эти внутренние «статико-динамические» различия, т.к. слог типа $S\bar{a}$ мо-

жет легче растягиваться, принимая на себя ударение, и частично сокращать свою длительность в безударной позиции.

Иными словами, американские учёные пытаются объяснить иерархию ударных слогов не только на основании веса (т.е. в их понимании – фонологической длительности), но также вводя ряд других фонологических факторов, что, как видно, приводит к весьма громоздкой теории. С другой стороны, для многих из приведённых языков (в том числе, кстати, и для латинского) место ударения оказывается решающим фактором для установления фонологичности силлабического веса, из-за чего предложенные Девайном и Стефенсом дополнительные факторы оказываются объяснением *ignotum per ignotum*.

Более правильным представляется подойти к решению проблемы силлабического веса с другого конца – не с акустических замеров, а с установления реального его фонологического значения в том или ином языке¹⁸. Фонологический вес заключается в том, что слоги определённого типа – с долгим слононосителем или закрытый – по каким-то причинам воспринимаются фонологическим аппаратом языка и ведут себя как «большие» («тяжёлые», «долгие» и т.д.) в противовес другим слогам, воспринимаемым «маленькими». Поэтому, если единственное, из чего в языке устанавливается фонологичность силлабического веса, – это иерархия ударения, то это означает, что все те фонетические факторы, которые определяют место ударения в словах этого языка, и составляют фонологический вес слога. При этом, если акустическую длительность, по справедливому замечанию Девайна и Стефенса, можно считать неотъемлемым средством выражения фонологического веса, то это не означает, что этот вес не может включать в себя и ряд других сопутствующих явлений – «звучность»¹⁹, интенсивность и т.д. (причём в каждом языке в

¹⁸ В этом, в принципе, и заключается коренное отличие методов лондонской фонетической школы, к которой справедливо можно отнести У. С. Аллена и из которой косвенно происходят и сами А. М. Девайн (выпускник Оксфорда 1962 г.) и Л. Д. Стефенс, от тех, которые были выработаны пражским лингвистическим кружком во главе с Н. С. Трубецким.

¹⁹ О комплексном характере самого понятия *звучность* см. у тех же А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса: «*It is convenient to use the term sonority, which in narrow interpretation refers to the perceptual correlate of intrin-*

своих пропорциях), тем более, что перцептивная длительность комплекса одинаковых стимулов, как об этом говорилось выше, установлена и экспериментально [Schiffman & Bobko 1974; 1977]. В главе о Стетсоне уже было сказано, что силлабический вес в теории американского физиолога очень напоминает *напряжённость* в понимании Якобсона. Однако и сама напряжённость оказывается весьма сложным акустическим явлением, сочетающим в себе и длительность и интенсивность: «*опозиция напряжённый/ненапряжённый выражается акустически высокой общей энергией спектра и её широкой развёрткой во времени сравнительно с более низкой общей энергией звука и её узкой развёрткой во времени*» [Златоустова et al. 1997: 65].

Таким образом, имеются все основания думать, что за фонологическим понятием веса стоит – по крайней мере, в некоторых языках, – не просто длительность, а целый комплекс акустических явлений, включающий в себя в известной пропорции все три основные физические величины, причём эти пропорции могут варьироваться от языка к языку. Здесь надо признать, что относительно силлабического строя ряда языков, в частности латинского, можно привести следующего рода возражение. И не одно, а сразу два.

Первое, общего характера: если вес – явление фонологическое, то почему бы не объяснять его исключительно на фонологических основаниях? Например, мы могли бы говорить, что если слог, оканчивающийся на согласный, считается тяжёлым, то это есть исключительно следствие какого-то чисто фонологического закона: скажем, группа «краткий гласный + согласный» в конце слога – это две фонемы, а просто краткий гласный – это одна фонема; а две больше, чем одна.

Второе, частного характера. Было установлено [Панфилов 1973], что латинский язык, как и ряд азиатских, имеет ограниченный набор фонологических слогов, построенных по определённым правилам силлабификации – по Панфилову их $1728 = 12^3$. Из-за чего получается, что набор тяжёлых и лёгких слогов представляет собой закрытые (парадигматические) списки, в которых каждому элементу

sic intensity or acoustic energy, to indicate some form of combination of some or all properties of acoustic prominence commonly associated with the syllable nucleus – amplitude, periodicity, spectral composition, relatively greater duration» [Devine & Stephens 1994: 22].

уже приписан рассматриваемый фонологический признак. Если предположить подобную картину и для греческого языка (что, надо сказать, весьма вероятно, однако исследований подобного рода не проводилось), то тогда различие между просодическими системами языков можно было бы просто свести к различной структуре этих фонологических списков. Так зачем же в таком случае нам обязательно привлекать сюда ещё и акустическую фонетику?

Все эти возражения разумны, однако не совсем справедливы – и вот почему. Первое легко опровергается тем, что фонологический вес сводится не к тому, что закрытый слог ведёт себя как-то особенно, а к тому, что он по каким-то причинам функционально отождествляется с долгим открытым, – а разыскивая основу для такого отождествления, мы с неизбежностью спускаемся от фонологии к фонетике. Кроме того, не следует забывать, что вес слога определяется не простым числом фонем в нём, но структурой его базы (“*time*”), тогда как состав начала (“*onset*”) слога фонологического значения не имеет [*Dion. Hal. De comp. 15, 1-46*; Нуман 1985: 5-19]. Опровергнуть второе возражение гораздо труднее, но тоже возможно. Дело в том, что уже давно был установлен главный фонологический принцип – так называемый *принцип акустической цели*, – который заключается в том, что всякому фонологическому явлению должно соответствовать некоторое фонетическое выражение, и, наоборот, всякое акустическое явление предполагает в конце концов какое-то смысловое соответствие («мы говорим, чтобы быть услышанными» – см. об этом: [Якобсон 1985: 41 sqq.]). Тем самым связь между фонетикой и фонологией оказывается теснейшей и, главное, двусторонней. Если переложить идеи Якобсона на принципы слогообразования в языке, то можно сказать: именно потому в том или ином языке такое противопоставление слогов, что для него выбран вот такой акустический критерий, и наоборот: потому за оппозицией слогов стоит такая фонетическая реальность, что она по каким-то причинам удачно сочетается с выбранными правилами их образования. Поэтому рассматривая одну из сторон фонетико-фонологического единства, мы можем строить предположения о свойствах другой. Попробуем же проверить предположение о том, что

за фонологическим противоположением слогов по весу в греческом и латинском языках скрывалась неодинаковая акустическая реальность.

Для доказательства этого рассмотрим результаты статистического исследования слогов в латинском и греческом языке. Идея этого эксперимента основывается на гипотезе, согласно которой парадигматические оппозиции, такие как вес слога, его долгота и т.д., будут иметь рефлексы и в синтагматике, тем самым предопределяя вероятность появления того или иного типа слога. Взяв тексты достаточного объёма (> 5000 слогов) на латинском и греческом языках, мы вычисляем вероятность появления в них слогов того или иного типа и особенности их соотношений, а затем сравниваем их между собой. Если принять во внимание, что для латинского и греческого языков могут использоваться одинаковые правила слогаделения, (почти) одинаковы и общие метрические правила, то вполне можно предположить, что и средняя вероятность появления слогов разных типов в тексте должна быть сходной. В том случае, если это окажется верным в синтагматическом рассмотрении, мы можем утверждать, что и сами (парадигматические) правила, предопределяющие такое распределение, сходны, – а значит, мы можем говорить и о сходстве акустической основы для этих правил. Это соображение и будет принято нами за нулевую гипотезу.

Были выбраны тексты Демосфена (*Contra Phormionem*²⁰) и Цицерона *De Archia poeta*²¹, примерно сопоставимые по объёму. Вслед за этим встал вопрос об установлении сегментного набора греческого и латинского текста. Для первого я взял за основу классификацию О. С. Широкова [Широков 1983: 67-68], по которой соотношение согласных и гласных фонем составляет 16:19 (0.84); для латинского языка рассматривалась классификация Е. Панфилова [Панфилов 1973], основанная на принципах ЛФШ, однако впоследствии для достижения большего единообразия исследования расширенная в сторону традиционной [Тронский 2000: §§64-70] увеличением числа допустимых дифтонгов (против двух у Панфилова). Так, отноше-

²⁰ Demosthenis Contra Phormionem. Demosthenis orationes, vol. 2.2. ed. W. Rennie. Oxford, 1921.

²¹ M. Tullius Cicero. Pro Archia // M. Tulli Ciceronis Orationes. Vol. 6, ed. A. C. Clark. Oxford, 1911.

ние согласных и гласных слогообразующих сегментов в латинском языке оказалось равным 15:16 (0.93). В результате «статическое» отношение $\omega = 0.93 / 0.84 = 1.1$ – т.е. если гипотетически предположить, что вероятность появления всех сегментов как в экскурсии, так и в рекурсии слога одинакова, то число закрытых слогов в латинском языке должно незначительно (на 10%) быть больше, чем в греческом.

	<i>Демосфен</i>			<i>Цицерон</i>		
Общее число слогов:	8329	= 100%	ω	7518	= 100%	ω
тяжёлые слоги	4032	48.4%	0.94	4596	61.1%	1.57
лёгкие слоги	4297	51.6%		2922	38.9%	
долгие слоги (+перегруженные)	2858	34.3%	0.52	2329	31.0%	0.45
краткие слоги	5471	65.7%		5189	69.0%	
закрытые слоги	1907	22.9%	0.30	2575	34.3%	0.52
открытые слоги	6422	77.1%		4943	65.7%	
перегруженные слоги	555	6.7%	-	299	4.0%	-

Таблица 2.1.2. Статистическое соотношение слогов в текстах Демосфена и Цицерона

Примечания:

- 1) *долгими* и *краткими* здесь называются слоги с долгим и с кратким слононосителем соответственно, *перегруженными* слоги – закрытые с долгим гласным;
- 2) в латинском тексте сочетания *гласный + -ns, -nf*, слог с удлинением по закону Лахмана рассматривались как перегруженные; предполагалось также, что гласный в закрытом слоге обычно сокращается (об. этом см. ниже); особые случаи, где этого не происходит, были отмечены в тексте (*stēlla, dīxī*).

Результаты оказались весьма интересными.

Мы видим, что отношение долгих и кратких слогов остаётся примерно сходным и в греческом, и в латинском языках:

$$\omega_{\text{греч}} = 0.343 / 0.657 \approx 0.522;$$

$$\omega_{\text{лат}} = 0.310 / 0.690 \approx 0.449;$$

$$\Delta\omega = \omega_{\text{греч}} / \omega_{\text{лат}} = 0.522 / 0.449 \approx 1.16.$$

Это означает, что вероятность появления долгого слога в обоих языках почти одинакова – приблизительно 1:2, разве что в греческом языке слог содержит долгий гласный в 1.16 раз чаще. Мы видим далее, что установленное большинст-

вом исследователей синтагматическое отношение длительностей 1:2 отражается и в парадигматическом срезе языка: те слоги, которые (фонологически) звучат в два раза дольше встречаются в словах языка в два раза реже.

Сходным образом рассмотрим и оппозицию слогов по весу. Здесь мы видим, что вероятности появления тяжёлых и лёгких слогов в обоих языках глубоко не одинакова. Если в греческом языке тяжёлые и лёгкие слоги соотносятся друг с другом почти как 1:1 ($\omega_{\text{греч}} = 0.94$), что, надо сказать, тоже представляет собой удивительный феномен, то в латинском языке число тяжёлых слогов превосходит число лёгких более, чем в полтора раза, и приближается к отношению 1.6:1 в пользу тяжёлых.

На основании данных таблицы нетрудно рассчитать долю долгих слогов в общем числе тяжёлых в каждом из языков: для греческого текста она будет соответствовать $2858 / 4032 \cdot 100\% \approx 70.1\%$, а для латинского – $2329 / 4596 \cdot 100\% \approx 50.6\%$. Иначе говоря, каждый тяжёлый слог греческого языка в двух случаях из трёх будет содержать в себе долгий слогиноситель – т.е. отношение долготы/краткости как в общем числе слогов, так и внутри выборки тяжёлых слогов приближается к фундаментальному отношению 1:2 или 2:1. В латинском же языке появление долгого и краткого тяжёлых слогов равновероятно при том, что доля долгих слогов в общей выборке та же.

Это происходит потому, что латинский и греческий языки используют разные просодические механизмы в слогиобразовании: если в греческом языке силлабический вес находится в теснейшей связи с длительностью слогиносителя, то в латинском языке вес в меньшей степени определяется типом слоговой интерлюдии, что можно заключить из соотношения открытых и закрытых слогов (которое опять приближается к отношению 2:1)²². Греческий язык значительно больше предпочитает открытые слоги закрытым, чем латинский ($\Delta\omega \approx 1\frac{3}{4}$: это значитель-

²² Весьма интересно было бы сравнить это наблюдение с данными Е. Панфилова по односложным словоформам, где число слогов с «тяжёлым концом» и с «лёгким концом» соотносятся как 1:2 [Панфилов 1973: 18-19]; небезынтересен будет и подсчёт Ш. Киша [Kiss 1972; Широкова 1995: 59], проведённый для позднего латинского языка, где отношение тяжёлых и лёгких слогов в пропорции примерно 2:1 (68.5% : 31.5%) сохраняется – тогда как другие данные отличаются уже сильно.

ное отклонение от предполагаемого значения $1\frac{1}{10}$, рассчитанного нами выше) – вес в них создаётся исключительно долготой; латинский язык, наоборот, отличаясь несравненно большей «текучестью» гласных, гораздо сильнее любит «изгонять» долготы в закрытых слогах – по закону Остгофа и рядом других групп согласных (*amāre* → *amāntis* [Allen 1973: 171]), в последнем закрытом слоге (*amāt*) [Тронский 2001: §190], или удлинять их там, где требуется сохранение веса слога, – перед *-ns*, *-nf*, при упрощении консонантной группы (*dīdūcō*) [ibid.: §193], в случаях типа *bāca* / *bācca* [ibid.: §224] и т.д. Значит, фонологические процессы, в частности слогаобразование, происходят в этих языках очень по-разному: можно предположить, что та оппозиция, вероятность синтагматического проявления которой приближается к соотношению 2:1, и есть та, которая наиболее очевидна в парадигматическом аспекте, а значит – наиболее «фонологична», для носителя языка.

В греческом языке – это длительность, в латинском – открытость/закрытость (одно из проявлений веса, да и само отношение тяжёлых и лёгких слогов ($\omega_{\text{лат}} \approx 1.6$) также стремится к 1:2). Всё это позволяет утверждать, что различие по длительности имеет в греческом языке гораздо более фундаментальные позиции, чем в латинском: в качестве самого простого примера этому можно привести общеизвестные правила в фонологии греческого и латинского ударений – место первого определялось (преимущественно²³) длительностью гласного, а второго – (исключительно) весом слога. Все эти соображения заставляют нас отвергнуть выбранную нулевую гипотезу.

Поэтому представляется очень вероятным, что если в греческой фонологической системе вес определялся преимущественно из общей длительности слога, то в латинской ситуация была, скорее, обратная: фонологический вес оказывается не вторичным просодическим явлением – порождением длительности, – а существует с нею на равных, заставляя нас иной раз думать, что именно он должен рас-

²³ Об объяснении закона Гудвина из моровой длительности согласного см. далее с. 130. Впрочем, принимая для греческого языка теорию Девайна и Стефенса, выводящую силлабический вес из акустической длительности, мы должны постулировать тогда, что греческое ударение зависит исключительно от длительности – слононосителя или (закрытого) слога.

сма­тривать­ся как некий первоэлемент латинской просодии, дальнейшее подтверждение чему мы увидим далее, когда будем рассматривать законы латинской реду­кции. Так или иначе, есть все основания полагать, что фонетический вес в латинском языке есть некий комплекс акустических явлений, не сводимый к элементарной длительности. Такой подход помогает отчасти примирить различные теории Девайна и Стефенса с некоторыми взглядами Стетсона, а также некоторыми данными экспериментальных исследований о которых говорилось выше.

Приведённые отличия в акустическом проявлении фонологического веса, наблюдаемые в латинском и греческом языках, очень сильно напоминают установленное некоторыми типологами разделение моросчитающих языков с некульминативной корреляцией геминации на «морометрические» и «моросиллабические»²⁴ языки. И те и другие имеют противопоставление слогов по весу, причём тяжёлые слоги в них фонологически двусоставны (имеют две моры), а лёгкие воспринимаются как односоставные. Различие, однако, заключается в том, что в морометрических языках, таких как, например, японский, моры в слогах стремятся располагаться последовательно и изохронно; двуморность в таких языках тесно [Hoequist 1983] (или даже напрямую [Нап 1962]) связана с акустической длительностью; эти языки предпочитают – или используют исключительно – открытые слоги, в них царит музыкальное ударение и квантитативная система стихосложения. В моросиллабических языках (арабский), наоборот, моры не стремятся к последовательному расположению в слоге и изохронии, а противопоставление слогов по весу фонологически сводится лишь к различию двуморных и одноморных слогов, без различия в последовательностях мор внутри них; поэтому в таких языках невозможна, в частности, оппозиция острого и облечённого ударений. Мы видим, что эти описания в значительной степени соответствуют строю греческого и латинского языков. Мысли о глубоком типологическом сходстве между греческой и японской просодическими системами можно найти и у Девайна

²⁴ Приведённые термины (ввиду отсутствия общепризнанных русских аналогов) представляют собой вольный перевод английских *mora-timed language* и *syllable weight language* соответственно.

и Стефенса [Devine & Stephens 1985: 145], фактически причисляющих греческий к морометрическим языкам. Более детально этот вопрос будет обсуждаться ниже (с. 84).

Здесь, однако, надо сказать, что оппозиция терминов *морометрические* и *моросиллабические языки* проводится в зарубежной лингвистике непоследовательно. Чарльз Хеквист, например, говорит о “*mora-, syllable- and stress-timed languages*”, классифицируя языки не по принципу общей просодической организации, а лишь по ритмическим особенностям ударения, причисляя к первым японский, ко вторым – испанский, а к третьим – английский [Hoequist 1983]. Относительно строгое противопоставление просодических систем мы находим лишь у тех же Девайна и Стефенса, однако и они не идут далее этого простого разделения и не приводят ссылок ни на какие другие работы общего характера [Devine & Stephens 1994: 48]. Тем не менее, представляется вполне справедливым поддержать такой способ классификации, поскольку, как мы увидим далее, это поможет нам провести строгую грань между силлабическими и вокалическими морами, что в свою очередь будет чрезвычайно полезным не только для разграничения латинской и греческой просодической систем, но и для объяснения многих явлений, связанных с природой латинского ударения.

2.1.3. Проблема силлабической терминологии

Фонологическую оппозицию по весу слога античные грамматики определяли как противопоставление «долгих» (*μακράι*) и «кратких» (*βραχεῖαι*) слогов.

Например,

Ἡ μὲν γὰρ πεζῆ λέξις οὐδενὸς οὔτε ὀνόματος οὔτε ῥήματος βιάζεται τοὺς χρόνους οὐδὲ μετατίθησιν, ἀλλ' οἷας παρείληφεν τῇ φύσει τὰς συλλαβὰς τὰς τε μακρὰς καὶ τὰς βραχείας, τοιαύτας φυλάττει· ἡ δὲ μουσικὴ τε καὶ ῥυθμικὴ μεταβάλλουσιν αὐτὰς μειοῦσαι καὶ παραύξουσαι, ὥστε πολλάκις εἰς τὰναντία μεταχωρεῖν· οὐ γὰρ ταῖς συλλαβαῖς ἀπευθύνουσι τοὺς χρόνους, ἀλλὰ τοῖς χρόνοις τὰς συλλαβὰς

[Dion. Hal. De compositione uerborum, 11, 19]

Обычная речь не нарушает длительности ни имён, ни глаголов и не изменяет её, но, наоборот, какие по природе своей она содержит в себе слоги – будь то «долгие» или «краткие», такими она их и сохраняет. А вот музыка и ритмика изменяют их, увеличивая и уменьшая, так что они часто переходят в противоположные: ведь не длительности они подгоняют под слоги, а слоги под длительности

[Дионисий Галикарнасский]

Греческие грамматики писали о том, что «долгие» слоги бывают двух видов – φύσει καὶ θέσει μακράι, что переводилось римскими грамматиками как *nātūra et positīōne longa*: «долгие» по природе и по положению.

Ср.:

Μακρὰ συλλαβὴ γίγνεται κατὰ τρόπουζ ὀκτώ, φύσει μὲν τρεῖζ, θέσει δὲ πέντε

[Dion. Thrax 1, 1, 17, 4]

Слог может стать «долгим» по одной из восьми причин, из них три [зависят] от природы, а пять – от положения

[Дионисий Фракиец]

Syllabae aut breues sunt aut longae. Breues correpta uocalis efficit, aut cum antecedente consonante in fine syllabae corripitur; longas producta uocalis facit. In breui syllaba tempus est unum, in longa duo. Syllabae aut natura longae sunt aut positione. Syllabae natura longae, cum singulae uocales litterae producuntur, ut 'ā' aut 'ē', aut cum duae ut 'ūā', aut cum tres, ut 'ūāē'; positione, cum correpta uocalis sequentes habeat duas consonantes. Hae aut in eadem syllaba solent esse, ut 'ars', aut in proxima, ut 'amnis', aut in duas syllabas diuisae, ut 'arma'

[Charisius, K 1, 11]

Слоги бывают «долгими» или «краткими». «Краткими» делает их или краткая гласная, или если она, имея предшествующую согласную, сокращается в конце слога; «долгими» слоги делает долгая гласная. В «кратком» слоге одна мора, в «долгом» – две. Слоги «долги» или по природе, или по положению. «Долгие» по природе – это когда удлиняется или одна буква, например, 'ā' или 'ē', или когда две, например, 'ūā', или когда три, например, 'ūāē'; по положению – это если краткая гласная имеет вслед за собой две согласные. Они могут быть в том же слоге, как 'ars', или в соседнем, как 'amnis', или быть поделёнными на два слога, как 'arma'

[Харисий]

Авторитет античных грамматиков оставался неколебимым до начала XX в., когда относительные успехи в развитии фонетики (при недостаточном развитии фонологии) стали заставлять учёных иначе взглянуть на проблему «долготы» слога. Однако если противопоставление гласных звуков по долготе/краткости, присущее родным языкам этих филологов, не вызывало больших сомнений, то проблема «долготы слога», как это называлось тогда, возбуждала серьёзные дебаты, особенно когда речь заходила о ритмике греческих и римских стихов. А если вспомнить, что в классической филологии того времени господствовала иктовая теория стихосложения, восходящая ещё к Бенгли (о ней – см. с. 112 sqq.), то становится совершенно понятным, почему античная теория слога стала подвергаться ударам критики.

Первый из них, довольно ещё безобидный, нанёс Э. Стёртевант в своей статье о греко-латинской силлабификации [Sturtevant 1922a], где, опираясь на теорию слога О. Есперсена [Jespersen 1904: 190-207], он попытался свести «долготу слога» к простой фонетической длительности. Особенно пострадала при этом «позиционная длительность». Исходя из ложного тезиса о том, что греческие и латинские слоги имели заведомо нечёткие границы, Стёртевант предлагал свою теорию, по которой ритм греческого стиха создавался акустическими длительностями от одного гласного звука до другого, притом что время, затрачиваемое на произнесение группы согласных, приравнивалось им к одному краткому гласному. В латинском языке главным просодическим признаком учёному вообще виделся икт (см. также [Sturtevant 1922b]). Феномен длительности закрытого слога с кратким гласным Стёртевант решительно отрицал как несостоятельный, добродушно подсмеиваясь над Дионисием и Геродианом и называя их «our ancient authorities». С критикой позиционной долготы – особенно в вопросе о *mūta cum liquidā* – выступал и Альфред Шмитт [Schmitt 1935].

Гораздо более радикальный взгляд принадлежал немецкому филологу Р. Хирше [Hiersche 1957], который на волне успехов, достигнутых экспериментальными методами исследований, в частности, стетсоновскими, попытался объяснить «позиционную долготу» неверным пониманием и переводом греческого термина

φύσει καὶ θέσει μακρά. Хирше предположил, что поскольку в учение александрийских грамматиков эти термины попали через теорию стоиков, то и объяснение им следует искать в истории греческой философии. Таким объяснением, по мнению учёного, стало платоновское противоположение *φύσει - θέσει* в значении 'по природе' и 'по уговору'. Тем самым Хирше предложил понимать греческие грамматические тексты так, что одни слоги бывают «долгими по природе» т.е. *реально долгими*, тогда как другие – «долгие по уговору», т.е. *условно долгими*, а *фактически – краткими*. Тогда цитата из Дионисия Фракийца, приведённая выше, должна быть переведена примерно следующим образом:

Слог может стать долгим по одной из восьми причин, из них три – естественные (исконные, природные), а пять – условных.

Получилось, что римские грамматика, заимствуя термины у греков, перевели их буквально, согласно существовавшей тогда традиции; тем не менее, при переводе они не воспользовались словом, которое могло бы одновременно обозначать и положение, и договор (вроде *status*), и подобрали для первого термина эквивалент *naturā*, а для второго – *positiōne*. Эту мысль поддерживал отчасти и И.М. Тронский [Тронский 2001: §88].

Эта теория, имевшая немало сторонников, оказалась чрезвычайно конкурентоспособной. Даже параллельные открытия Р. О. Якобсона [Jakobson 1937/1962] и Н. С. Трубецкого [Trubezkoу 1939 = Трубецкой 2000], установившие силлабическую мору и тем самым отделившие фонологическую долготу от фонетической, «долгие» слоги от слогов с долгим слононосителем, всё равно не смогли сдержать распространения взглядов Хирше. Их мы находим, в частности, у У. С. Аллена [Allen 1973], отрицавшего длительность слога в греческом и латинском языках, и у Э. Палгрема [Pulgram 1975], отрицавшего в этих языках даже фонологический вес. Всё это привело к тому, что термины *долгий* и *краткий слог* стали постепенно вытесняться из греко-латинской фонологии. Им на смену пришли новые

тяжёлые и лёгкие слоги, впервые появившиеся в трудах древнеиндийских лингвистов, которые не приписывали слогам своего языка долготу²⁵.

Опровергнуть теорию Хирше, особенно для греческого языка, нетрудно. Об акустической стороне дела уже довольно было сказано выше. Что же касается вопросов терминологии, то здесь можно отметить следующее:

1. Во-первых, следует обратить внимание, что длительность слога в понимании античных учёных существует в «ритмическом» и «метрическом» рассмотрении: если в первом можно говорить о четырёх-пяти различных длительностях слога, то второе оперирует исключительно бинарным противопоставлением «долгий» / «короткий» (см. например, [Prisc. К II, 51 sqq.]); сравнение одного и другого взгляда на длительность слога мы находим, например, у Дионисия Галикарнасского [De comp., 15], где говорится о том, что такой слог, как *στρο-* заметно длиннее слога *ρο-*, при том, что всё равно остаётся «коротким». Различие между ритмикой и метрикой соответствует нашему различию фонетики и фонологии [Devine & Stephens 1994: 51]; таким образом, античные грамматики продвинулись в понимании своего языка заметно дальше, чем подшучивавший над ними Стёртевант.

2. Кроме того, не следует забывать и о том, что некоторые греческие грамматики и, насколько удалось установить, все римские последовательно разграничивали термины «долгий/короткий слог» и «долгая/короткая “буква”»: для первых использовались термины *syllaba longa/brevis*, для вторых – *littera producta/correpta* (см. например, приведённые цитаты). Из греческих грамматиков то же самое наблюдается, например, у Геродиана для *α, ι, υ* (термины *γράμμα συνεσταλμένον/ἐκτεταμένον*: *passim*) и происходит, очевидно, из трудов Аристофана Византийского, во фрагментах которого мы находим по одному примеру на долгое и короткое *ι* [fr. 25, fr. 26 Nauck]. Традиционное объяснение этому приводится следующее: эти термины были введены изначально именно для греческих букв, способных обозначать

²⁵ По-санскритски эти слоги называются गुरु и लघु соответственно (*gurú* и *laghú*). Тут, впрочем, стоит отметить, что в санскрите эти прилагательные имеют не только значения ‘лёгкий’ / ‘тяжёлый’, но также и ‘слабый’ / ‘сильный’, что весьма удачно сочетается с описанной выше структурой моросиллабического языка.

долгие и краткие звуки; «регулярное их использование именно у римских грамматиков объясняется тем, что в латинском письме не было особых букв для кратких и долгих гласных» [Кузнецов (в рук.)]. Однако та педантичность, с которой римские грамматики старались отделить вес слога от долготы гласного, тогда как у греков часто употреблялись и термины *μακρὸν/βραχὺ/δίχρονον φωνῆεν*, например [Dionys. Thrax. Ars. Gramm., 1, 1, 10], заставляет думать, что вес слога и долгота слононосителя для римлян было далеко не одно и то же.

3. Что же касается «долготы по положению», то здесь, проблема действительно сложнее. Тем не менее, есть основания думать, что сам этот термин имеет музыкальное, а не философское происхождение и связан с акустическим удлинением краткого слога, если ему соответствует бóльшая длительность ноты. Тот факт, что термин прижился в метрике, объясняется распространённой в античности музыкальной интерпретацией стиха, основывающейся на акустической длительности слога [Кузнецов (в рук.)]. Как бы то ни было, этот термин не имеет ничего общего с (двуморной) фонологической долготой слога – как в греческом, так и в латинском языках. Тем не менее, принимая во внимание традиционную путаницу, связанную с «долготой гласного» и «долготой слога», а также тот факт, что фонологическая оппозиция слогов может опираться не только на акустическую длительность, я счёл необходимым сохранить в этой работе ту терминологию, которая за последние 30 лет уже закрепились в западной лингвистике. Поэтому морфологическая оппозиция слогов именуется здесь *фонологическим весом*, а её члены – *тяжёлыми* и *лёгкими* слогами. Термины *долгий* и *краткий* я сохраняю исключительно за длительностью слононосителя – при этом всякий долгий слог тяжёл, но не всякий тяжёлый долог. В тех же случаях, когда последние термины будут употребляться в старом значении (цитаты из античных грамматиков и работ прежних лет) слова «долгий» и «краткий» ставятся в кавычках.

2.2. СЛОГ И МОРА В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В предыдущей главе было показано, что противоположение слогов по весу в латинском и греческом языках было фонологическим. Теперь нам необходимо рассмотреть вопрос о том, является ли эта оппозиция моровой – иными словами, действуют ли в латинской просодии арифметические правила чётности [Трубецкой 2000: 205]. Главной особенностью этой проблемы для латинского языка оказывается то, что моровое противопоставление слогов в этом языке воспринималось самими первооткрывателями учения – Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким – как данность, из-за чего сама теория латинских мор – к большой радости представителей французской школы и заметной тревоге англо-германской – приняла статус аксиомы²⁶. Но у такого положения была и обратная сторона: некоторые наиболее активные деятели последней школы, в частности У. С. Аллен, не видя серьёзных доказательств существования латинской моры, стали настаивать на безморовой оппозиции по фонологическому весу, подкрепив свою точку зрения терминологической теорией Хирше и моторной теорией Стетсона. Поскольку эти взгляды нашли к настоящему времени многочисленных сторонников, среди которых оказалась и Т. М. Николаева [Николаева 1996: 72-80], и являются при этом источником многих распространённых заблуждений, то становится понятным, что доказательству существования латинских мор и выявлению их особенностей следует уделить особое внимание.

2.2.1. Критерии морового счёта

Традиционное понимание моры, в том виде, в каком мы находим его, например, у И. М. Тронского, – это дискретное проявление количества, своеобразный квант долготы. *«Просодическое количество бывает двух родов: оно может сводить-*

²⁶ «В качестве общеизвестного примера можно привести латинский язык классической эпохи: словоразграничительное ударение в этом языке не могло падать на последний слог слова; оно всегда приходилось на предпоследнюю мору предпоследнего слога, то есть на предпоследний слог, если он “долгий”, или на третий слог от конца, если предпоследний слог “краткий”. При этом закрытый слог с конечным согласным считался “долгим”» [Трубецкой 2000: 201] (кавычки в цитате мои) – мы видим, что мора объясняется из ударения, а ударение – из моры.

ся к простому различию в относительной длительности долгих и кратких гласных, как это имеет место, например, в немецком языке; с другой стороны, оно может сопровождаться двухсоставностью долгого гласного, который содержит две “моры” <...> В таких языках долгий гласный приравнивается двум кратким. В латинском языке долготы была двухморная.» [Тронский 2001: §62]. Своему утверждению учёный приводит следующие доказательства:

- 1) *традиция*: учение о латинском циркумфлексе;
- 2) *графика*: использование удвоенных гласных букв для одного долгого звука (AARA, LEEGE P.1438);
- 3) «приравнение одного долгого двум кратким в системе ударения и в стихе» [Ibid].

Этим утверждениям, однако, противоречат следующие наблюдения (в частности, и самого И. М. Тронского):

- двубуквенное обозначение долготы встречается и в тех языках, где нет моровой оппозиции по долготы, например, в голландском; причём в ряде этих языков эта графическая система используется гораздо более последовательно, чем в латинском, где «долгота *i* никогда не выражалась с помощью удвоения» [Тронский 2001: §103], а сама система написания была создана не традицией, а рекомендована поэтом Акцием: к ней «иногда прибегают в надписях конца II и начала I в. до н. э.» [Ibid.];
- тождество $2 = 1+1$, действительно присущее как правилам ударения, так и стихам, не могут доказать «моровой долготы» в том понимании, какое предлагает здесь сам И. М. Тронский, по той причине, что оно имеет дело с «долготой» слога, а не гласного;
- вопросы традиции относительно циркумфлекса, мы рассмотрим далее специально; в любом случае, с точки зрения системы классического латинского языка, циркумфлекс явно не фонологичен и доказательством служить не может (см. также [Тронский 1951]).

Более всеобъемлющее понимание моры, основанное на типологическом анализе просодии различных языков, приводил ещё задолго до работ И. М. Тронского Н. С. Трубецкой [Trubezkoj 1939 = Трубецкой 2000: 200-205]. У него выделяется пять типов моросчитающих языков, причём, что особенно важно, различается моровое противопоставление слогов и слогиносителей. По этой классификации греческий язык будет попадать как в группу *z* (с двумя типами ударения в долгих слогиносителях), так и в группу *v* (с количественным противопоставлением слогов), тогда как латинский относится автором к группе *v*. Такое различие есть непосредственное продолжение теории Р. О. Jakobsona о силлабической море, связанной не с длительностью гласного, а с просодическими особенностями всего слога в целом [Jakobson 1937 = 1962]. Однако если Jakobson видит эти особенности именно в длительности слога – из-за чего и формулирует правило, по которому латинское ударение падает на самую силлабическую мору, то Трубецкой не настаивает на последовательном расположении мор в двуморных слогах латинского языка и говорит об ударении, которое покрывает слог, содержащий в себе требуемую мору – в обоих случаях вторую от конца, не считая последнего слога. В принципе, такое понимание моровой природы латинского ударения представляется наиболее удачным, поскольку не противоречит ни данным латинской фонологии, ни предполагаемому динамизму ударения. Однако двусоставность закрытых слогов латинского языка принимается Н. С. Трубецким как данность.

Тем не менее, У. С. Аллен высказывает решительный протест такому пониманию природы латинского слога, называя теории Jakobsona и Трубецкого терминологическим жонглёрством²⁷ [Allen 1973: 162]. Здесь надо сразу сказать, что Аллен периодически смешивает взгляды одного и другого: например, на одной и той же с.162 он вначале приписывает мысль о том, что ударение падает на силлабическую мору, Трубецкому, а затем, разбирая пример *pōs.ci.mus*, вновь критикует за неё

²⁷ «But may there not perhaps be in it more of symbolic sleight-of-hand than of phonological validity?»

Якобсона, из чего можно заключить, что работы и того и другого были ему недостаточно известны²⁸. Аллен утверждает, что равенство двух лёгких слогов одному тяжёлому действительно наблюдается только под ударением, тогда как метрическая латинская поэзия, созданная под греческим влиянием, не может служить тому доказательством. Те же случаи, когда такое тождество наблюдается в языке, в частности различие веса слогов у глаголов III⁽ⁱ⁾ и IV спряжений по закону Покровского (*сърї-*, но *dormī, audī*), он пытается свести к новой формуле $\cup \cup = \_$ [Allen 1973: 164-169], по которой одному тяжёлому слогу соответствует группа из двух лёгких только под ударением. Это же соотношение, по мнению учёного, характерно и для ранней латинской поэзии. Что же касается классической латинской метрики, то он просто объясняет её построение греческим влиянием. Таким образом, Аллен пытается заменить арифметические правила чётности собственной теорией акцентных матриц, которая уже была описана выше. В качестве примера непригодности морового счёта по правилам Якобсона Аллен даёт уже упомянутое *pōs.ci.mus*, где вторая мора, которая должна нести ударение, оказывается согласным; критикуя эту теорию, Аллен пишет и о словах *lā.ti.us* и *re.lā.tus*, в которых гласный *ā* фонологически не отличается, тогда как под ударением оказываются различные моры.

Сопоставим традиционные правила выделения мор с теми, которые предлагает вводить У. С. Аллен.

Самый главный авторитет в вопросах просодической типологии, Н.С. Трубецкой, поделив моросчитающие языки на пять групп, не оставил, однако, окончательной формулировки списка необходимых и достаточных критериев моросчитания. Это тем не менее вполне можем сделать и мы, опираясь на его собственные правила. Совершенно очевидно, что главным отличительным признаком моросчитания служат арифметические правила чётности – а лучше говорить: *кратности* – в языке: когда одной «большой» фонологической структуре соответ-

²⁸ Очень вероятно, что источником заблуждения явилась для Аллена недоступная мне диссертация А. Е. Белла [Bell 1970].

ствует кратное число «малых», простых единиц, – например, $2 = 1 \cdot 2$ или $3 = 1 \cdot 3$. Тем не менее, принимая во внимание все рассуждения о пространстве и времени в языке, о связи части и целого и т.д., мы понимаем, что кратность эта может проявляться тоже в двух видах – в виде парадигматического правила, предполагающего указанное арифметическое тождество и в виде определённой временной организации единиц, отражающей это правило. Поэтому нам необходимо говорить о *парадигматических* и *синтагматических правилах кратности*. Кроме того, не следует забывать и том, что моровое различие между слогами оказывается ещё и особой фонологической оппозицией, действующей для слогов данного языка. Поэтому три первых критерия моросчитания²⁹ можно сформулировать следующим образом:

- 1) в языке действует фонологическая оппозиция слогов, отличная от ударности/безударности;
- 2) в языке действуют *правила парадигматической кратности*: это значит, что в языке существуют правила, которые описываются подстановкой одного n -морного слога или n одноморных слогов в позицию p ;
- 3) в языке выполняются *правила синтагматической кратности*: это значит, что для последовательности слогов S предполагается членимость на p (т.е. на группы из или n одноморных слогов или одного n -морного слога).

Все эти правила прямо или косвенно вытекают из классификации Н.С. Трубецкого. Не хватает в ней только одного, последнего правила, которое, однако, оказывается ключевым для морового противопоставления. Дело в том, что просодическая система, построенная на трёх только что выявленных критериях, в качестве как максимальной, так и минимальной единицы будет предполагать после-

²⁹ Здесь хотелось бы выразить огромную благодарность моему научному консультанту А. Е. Кузнецову за помощь в формализации моросчитания.

довательность из n мор: иными словами, всеми возможными структурами для, например, двумерного языка окажутся только $\langle \circ \circ \rangle$ или $\langle \bullet \bullet \rangle$ – как в синтагматике, так и в парадигматике. Такой язык будет иметь правила тождества $2 = 1+1$, но не будет иметь правил кратности, поскольку двумерному слогу одноморный не противопоставляется, что, в общем-то, противоречит правилу 1. Такой язык окажется языком *матричного*, но не *морового* строя. Поэтому нам совершенно необходимо ввести ещё один последний критерий:

- 4) одноморный слог может быть самостоятельной ритмической единицей:
- а) в парадигматическом смысле: допускается подстановка одномерного слога в n -моровую позицию p – например, $\langle \circ \rangle$ в позицию для $\langle \circ \circ \rangle$ или $\langle \bullet \bullet \rangle$;
  - б) в синтагматическом смысле: силлабические последовательности S не могут быть поделены на $\langle \circ \circ \rangle$ или $\langle \bullet \bullet \rangle$ без остатка.

Критерий самостоятельности одноморной единицы был предложен А. М. Девайном и Л. Д. Стефенсом [Devine & Stephens 1982; 1994].

В качестве примера рассмотрим греческие просодические правила.

В греческом языке действуют две интересующие нас оппозиции: по долготе слононосителя, эксплуатируемая ударением, и по весу слога, эксплуатируемая ритмикой. Рассмотрим их на предмет кратности и самостоятельности одноморного сегмента.

Для оппозиции по долготе. Постановка баритонного ударения предполагает различные комбинации длительности: $\delta\acute{\omega}\rho\omega\nu = \delta\acute{\omega}\mu\alpha\tau\alpha \neq \tau\acute{o} \delta\acute{\omega}\rho\omega\nu$. Отсюда видно, что долгому парадигматически соответствуют два кратких и, наоборот, двум кратким – один долгий (ударение всегда на третьем сегменте). С другой стороны, правила ударения предполагают членение сегментов $\delta\acute{\omega}-\rho\omega\nu \langle 2 \rangle + \langle 2 \rangle$ и $\delta\acute{\omega}-(\mu\alpha-\tau\alpha) \langle 2 \rangle + \langle 1+1 \rangle$ без вариантов: например, не $\ast \langle 2+1 \rangle + \langle 1 \rangle$. Мы видим, далее, что форма $\tau\acute{o} \delta\acute{\omega}\rho\omega\nu$ доказывает просодическую самостоятельность одноморного сегмента – как способного иметь ударение, так и не иметь при том, что он оказывает-

ся ещё и в остатке, если эту последовательность расчленишь. Значит оппозиция по длительности в греческом языке моровая.

Для оппозиции по весу. Арифметическая кратность и самостоятельность одноморного элемента – как парадигматическая, так и синтагматическая – видна из членения слова на стопы (об этом см. ниже с. 92): так, мы видим, что в словах *γενομένων* и *ἄνθρωπον*, предполагающих членение *γενο-μέ-νων* (Т-А-Т, по А. М. Девайну и Л. Д. Стефенсу) и *ἄν-θρω-πον* (Т-А-Т), тесис может заполняться последовательностью <1+1> или <2>, а арсис может иметь как двумерный, так и одномерный сегмент. Кроме того, синтагматическая чётность видна и в греческой поэзии, где наблюдается тождество <1+1> = <2>, а анкепсы позволяют ставить одномерный слог в двумерную позицию. Значит оппозиция по весу в греческом языке тоже моровая.

Сходным образом рассмотрим слоги латинского языка. Помимо оппозиции по ударности/безударности в латинском языке имеется вторая совершенно бесспорная оппозиция по весу. В парадигматике она видна из правила постановки ударения, а также из ряда других примеров, – например, из распределения глагольных основ по III_(i)-IV спряжениям, где <сăpi> и <сăpĭ> противопоставляются основам с двумерными корнями <au-dī>, <dor-mī> и <ăpĕ-rī> (закон Покровского); из перфектных форм глаголов, где суффикс -ĭ- использовался в словах преимущественно с лёгкими слогами в корне: <mŏnĭ>-ĭ, <hăbŭ>-ĭ, <stătŭ>-ĭ, а двумерные корни предпочитали другие средства словообразования: <fuls>-ĭ, <mŏv>-ĭ. Возражение Аллена о тождестве ∪ ∪ = _ , наблюдаемом только под ударением, неубедительны. Во-первых, совершенно непонятно противопоставление форм *сăpis*, *сăpit*, *сăpio* формам *ăudĭs*, *ăpĕrĭs*, *ĭmpedĭs*³⁰ [Allen 1973: 164] – ведь если отличие ударного лёгкого слога от безударного, по Аллену, объяснимо, то причём же тут пример *ăudĭs*? Во-вторых, под правила Аллена попадают весьма употребительные глаголы *săliŏ*, *ĭĕniŏ* и *ŏrior*, также имеющие во многих формах классического языка ударение на

³⁰ Форму *supĭret* (*Lucr. De rerum nat. I, 71*) надо, видимо, трактовать как изменение веса слога в угоду метру.

лёгком корневом слогe, но изменяющиеся, за редкими исключениями у *ōrior*, по четвёртому спряжению. Пример *impēdire*, представляющий собой, очевидно, глагольное образование со связным корнем, должен рассматриваться вместе с *fulgūrīre* и представлять собой особую категорию глаголов: в них мы видим прекрасный пример просодической самостоятельности одноморного слога в трёхморном трохеическом корне, а потому причислять их к формам типа *capīō* нет никаких оснований. Против же второго закона, не имеющего, как кажется, никаких очевидных исключений, кроме *<texu>-ī*, *<pāru>-ī*, а также многосложных *<oportu>-it*, *<aperu>-ī*, У. С. Аллен вообще не высказывает никаких возражений.

Синтагматическое членение по морам мы можем наблюдать как на примере всех тех же трёх указанных явлений, так и в стихах. Здесь надо сразу отметить, что все попытки свести метрические приёмы латинского стихосложения к греческому влиянию и тем самым исключить их из рассмотрения представляются весьма странными. Дело в том, что если вопрос о критериях того, в полной или не в полной мере та или иная стихотворная система может отражать богатство языка, ещё требует своего ответа [Гаспаров 1995: 30], то сам факт, что система стихосложения, имеющая свою традицию в языке, нацелена на эксплуатацию фонологических средств языка (т.н. «ритмический словарь»³¹), – представляется современной науке очевидным [Гаспаров 1995: 23-30, 31-35; 1968: 63-66; Devine & Stephens 1980]. При этом происхождение самой стихотворной традиции имеет лишь второстепенное значение. Хотя к вопросам, связанным с латинским стихом, мы подробнее обратимся в одной из следующих глав, сейчас нам всё же полезно рассмотреть один хороший пример: ямбический триметр. Имевший довольно прозрачную метрическую схему в греческой поэзии, он, будучи заимствован римской, значительно изменил свою организацию: в частности, число анкепсов, которое в греческом стихе было равно трём (по одному в начале метра), римлянами было

³¹ Теория эта принадлежит Б. В. Томашевскому [Томашевский 1929] и была усовершенствована впоследствии А. Колмогоровым и его учениками. Её идея заключается в том, чтобы построить вероятностную модель стиха, основывающуюся только на естественных ритмических тенденциях языка [Гаспаров 1974: 22-24]. Близость этой вероятностной модели реальным стихотворным образцам доказана экспериментально [Гаспаров 1995: 23-35].

доведено до пяти [West 1982: 187]. Схема размера стала заметно изошрённое, но всё равно осталась метрической. Поэтому есть все основания полагать, что этот размер отражает просодическую структуру латинского языка и тем самым, как и другие метрические схемы, может служить доказательством существования латинских (силлабических) мор.

Просодическая самостоятельность одноморного слога подтверждается и теорией Ю. В. Откупщикова о склонности латинского языка к нечётному числу мор [Откупщиков 2001: 285-286].

Если же теперь мы захотим определить свойства оппозиции по долготы/краткости, то увидим, что она в латинском языке действительно полностью покрывается оппозицией по весу. Приходится признать, что у нас нет оснований утверждать фонологичность латинского циркумфлекса (об этом ниже); нет причин каким-то иным образом мотивировать временную членимость гласных. Поэтому оппозиция по долготы, если её вообще выделять для латинского языка классической эпохи, моровой считаться не может. В этом можно видеть коренное отличие латинской просодии от греческой.

Что же касается матриц Аллена, то проблемы их применимости мы рассмотрим в разделе 2.3.1а.

2.2.2. Силлабические и вокалические моры

Греческий язык продемонстрировал нам свою способность оперировать одновременно двумя типами моровых отношений, один из которых, как мы видели, определяет различие по длительности, а другой – по весу. В этом смысле представляется необходимым разграничивать понятия *вокалических* и *силлабических* мор. Надо сказать, что, хотя сами термины, особенно последний, неоднократно встречаются в довольно обширной литературе по этому вопросу, чёткого разделения этих понятий мы не находим даже у Трубецкого. Дело в том, что сам автор классификации, как мы уже видели [Трубецкой 2000: 195], справедливо настаивает на принадлежности просодического «количества» слогу, а не гласному. Тем са-

мым в терминах Трубецкого оба вида моровых отношений не имеют заявленного основания для разграничения. Тем не менее, такое основание есть: оно, в частности, естественным образом вытекает из описанного выше (с. 69) различия между морометрическими и моросиллабическими языками. Это – *временная реализация морового отношения*. Силлабические моры различают слоги абстрактно – безотносительно своего расположения во времени. Такая абстракция уже названа нами фонологическим весом. Вокалические моры различают слоги конкретно: двуморовый слог представляет собой последовательную временную реализацию мор³², результатом чего почти всегда оказывается членимость слононосителя. Поэтому моры и названы *вокалическими*: они гораздо теснее связаны именно со слононосителями – хотя ими вовсе не обязательно должны быть гласные звуки. Например, для ведийского или сербского языка есть смысл говорить о вокалических морах при слогиобразующих согласных, а некоторые морометрические языки, например западногренландский эскимосский, стремится так строить свои закрытые слоги, чтобы длительность закрывающих согласных соответствовала длительности одноморного слононосителя [Nagano-Madsen 1988; 1990].

Однако лучше всего вокалические моры будут заметны, если к ним возможно применить один из тех критериев, который использовал Н. С. Трубецкой при выделении фонем: *«два звука ... нельзя... считать вариантами одной фонемы, если они в данном языке могут следовать друг за другом как члены звукосочетания, притом в таком положении, в каком может встречаться один из этих звуков без сопровождения другого»* [Трубецкой 2000: 55]. Поскольку вокалические моры, подобно фонемам, оказываются существующими во времени фонологическими единицами, то говорить об их наличии в прсодической системе языка мы можем в том случае, если в ней есть такая позиция, где взаимная перестановка мор оказывается допустимой и фонологически значимой. К примеру, в греческом языке этим законом определяется различие акута и циркумфлекса: $\acute{\phi}\acute{\omega}\varsigma/\phi\bar{\omega}\varsigma$; в греческих словах типа $\delta\acute{\omega}\rho\omega\nu$ и

³² Такое разделение мор во многом напоминает предложенное Ф. Ф. Фортунатовым учение о «прерывистой» и «непрерывистой» долготе [Фортунатов 1895].

λόγῳν, где ударение всегда приходится на вторую от начала мору в двуморных слогах, различия между акутом и циркумфлексом невозможно, однако о вокалических морах можно судить из противопоставления ударного двуморного и ударного одноморного слогов: <οό>/<όϑ>, где ϑ – комбинаторная «нулевая» мора.

Это правило хорошо применимо для тех языков, в которых существует *кульминативная мелодическая корреляция* – т.е. акцентная вершина всегда приходится именно на мору; отсутствие вокалических мор, само собой разумеется, исключает мелодическую корреляцию. Однако неверно обратное – что отсутствие такой корреляции исключает существование вокалических мор. Например, в датском [Трубецкой 2000: 203, 230-231] действует фонологическое противопоставление двуморных слононосителей, имеющих посередине гортанную смычку («толчок»), тем, которые не имеют таковой; при этом отчётливо видно различие в артикуляции двух «половинок» слононосителя. В ряде других языков, как финский, временная членимость двуморного слононосителя доказывается пролеганием морфологической границы между его частями [Ibid.: 200].

В разделе 2.4.2. мы увидим, что данные римских грамматиков о циркумфлексе позволяют видеть в нём комбинаторный вариант акута на долгом гласном. Если выразить это в терминах вокалических мор, то ударение падает всегда на первую «мору» гласного (вне зависимости, сколько их в нём можно выделить), что исключает возможность любой фонологической перестановки. С другой стороны, оппозиция по долготе в латинском языке полностью закрывается оппозицией по весу. Это не даёт оснований утверждать, что выделение вокалической моры для латинского языка оправдано³³.

Итак получается, что все языки – как моросчитающие, так и нет – на основании моровых оппозиций могут быть разделены на четыре группы: имеющие обе оппозиции, имеющие только вокалические, только силлабические моры и не имеющие мор вовсе. Примеры представлены в *таблице 2.2.1*:

³³ Такое понимание (латинских) мор может показаться противоречащим теории Трубецкого, говорившего о том, что в латинском языке долгие слононосители приравниваются двум кратким [Трубецкой 2000: 201]. Однако *приравнивается* не значит *членит*: главное отличие вокалических мор от силлабических именно в том, что, хотя они все функционально «приравнены» двум одноморным элементам, первые членимы во времени, а вторые – нет.

	<i>силлабические моры +</i>	<i>силлабические моры -</i>
<i>вокалические моры +</i>	древнегреческий	литовский сербохорватский
<i>вокалические моры -</i>	латинский классический арабский	русский <i>и другие слогосчитающие</i>

Таблица 2.2.1. Два типа моровых отношений в типологической перспективе

Трудно сразу ответить на вопрос, являются ли силлабические и вокалические моры в таких языках, как греческий, двумя различными фонологическими оппозициями или же двумя возможными вариантами проявления одной. Здесь принята точка зрения, что вокалические моры есть частный случай оппозиции слогов по весу: весовое противопоставление, как уже сказано, оказывается наиболее абстрактным. В таком случае *морометрическими* языками мы будем называть те, в которых силлабические моры имеют тенденцию превращаться в вокалические (как в японском и эскимосском), *моросиллабическими* – где нет (хотя оппозиция по весу есть: как в латинском).

Итак, латинский язык может быть отнесён к моросиллабическим. Но были ли древнегреческий язык морометрическим? Изначально, видимо, да. Поскольку решающим доводом здесь служит характер греческого ударения, то говорить о морометричности древнегреческого языка не приходится, видимо, с тех пор, когда в нём стали действовать законы, выводящие место ударения напрямую из силлабического веса (Уилера, Вандриеса), когда в греческих диалектах начались процессы вытеснения оппозиции ударения – в дорийском на втором слоге от конца, в эолийском на первом. Более того, как мы увидим в дальнейшем, есть основания утверждать, что в ионийско-аттическом диалекте последовательная «вокализация» мор происходила не во всех тяжёлых слогах, а лишь в некоторых – непосредственно причастных ударению. Тем самым получается, что древнегреческий язык исторического периода не представляет собой чистого морометрического образца, хотя местами с поразительной точностью ему соответствует. Вообще, морометричность – не есть отличительная черта индоевропейской просодии. Поэтому с го-

раздо большей вероятностью можно утверждать, что определённые сходства греческого языка, скажем, с японским или эскимосским есть следствие того влияния, которое греческая просодия испытала со стороны догреческого субстрата. В частности, расшифровка кипрского письма, в корне своём происходящего из критоминойского, дала основания предположить, что в критском языке, имевшем, очевидно, лишь открытые слоги без сложных чередований и отличавшемся совпадением силлабических и морфологических границ, *«предполагаемая морфонологическая система напоминает, например, японскую, но также и эскимосскую»* [Широков 1983: 12]. Так или иначе, окончательный ответ на этот немаловажный вопрос предстоит дать будущим расшифровщикам критского письма.

2.3. ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ И СИЛЛАБИЧЕСКИЕ МОРЫ

Из содержания предыдущих глав мы видели, что принципы описания латинского ударения, предложенные Н. С. Трубецким, наиболее полно отражают реальность. Итак, правило определения места латинского ударения выглядит следующим образом: ударение покрывает слог, который содержит в себе вторую мору, считая от последнего слога. Всё же такая формулировка правила ударения оставляет нерешёнными ряд проблем. В частности, непонятно, почему для ударения не важен вес последнего слога, почему избрана именно вторая мора; кроме того требует объяснения ряд таких явлений, как ямбическое сокращение и ритмическая организация латинского слова; отдельной проблемой встаёт ритмообразующий фактор латинской поэзии. Задача этой главы – не разрешить все указанные проблемы, а лишь определить, насколько сами рассматриваемые явления связаны природой своей с латинским ударением, или наоборот, насколько характер латинского ударения обязан тому или иному явлению языка.

2.3.1. Общая ритмика слова

а. Акцентные матрицы

Теория акцентных матриц была предложена У. С. Алленом ещё в 1969 году [Allen 1969]. По мнению создателя, эта теория должна была удовлетворительно объяснить некоторые наиболее непонятные явления латинской просодии:

- 1) правила переноса ударения с первого слога слова (пратинское ударение) на классическую позицию $2/3$ слога от конца;
- 2) ямбическое сокращение;
- 3) удлинение гласного в односложных словах;
- 4) особенности латинской редукции;
- 5) особенности квантитативной поэзии.

Теория Аллена представляет собой переложение идей Р. Стетсона [Stetson 1951] на законы латинской фонологии. При этом ключевым положением всего построения оказывается разработанная самим Алленом гипотеза о двусложном ударе в латинском языке. В корне своём эта идея восходит к теориям германистов К. Люика и Е. Зиверса рубежа XIX-XX века. Первый пытался объяснить сокращение гласных в открытых слогах слов типа *crīminal*, *sēverity* (cf. *crime*, *severe*) тем, что первые два слога в них, хотя и воспринимаются как два слога, однако произносятся как один [Luick 1898: 352]; второй утверждал, что в немецком и английском языках двусложные слова с первым закрытым слогом (*fasse*, *hammer*) произносятся как односложные, при том что имеют ‘*Schallsilbengruppen mit durchlaufender Exspiration*’ («группы звонких слогов, произносящиеся общим экспираторным движением»: [Sievers 1901: 225]). Эти, а также ряд других наблюдений Элиасона и Дэвиса [Eliason & Davis 1939: 51 sqq.], а также Хомского и Халле [Chomsky & Halle 1968: 253] над словами типа *bāron*, позволили У. С. Аллену предположить, что в латинском языке было двусложное ударение, покрывавшее акцентную матрицу из двух лёгких слогов. Так, по Аллену получается, что латинское слово членилось на группы слогов, каждая из которых потенциально могла принимать на себя ударение. А для того, чтобы это (динамическое) ударение имело свой ‘*arrest*’, требуется чтобы матрица вела себя как один тяжёлый слог – т.е. или состояла из него или представляла собой группу из двух лёгких слогов, где второй выполнял ту же функцию, что и закрывающий консонант: $\{fâk\}tus = \{fâkî\}ô$ [Allen 1973: 177]. Ударение по правилу Аллена целиком покрывает последнюю матрицу слова, не считая последнего слога. В матрицах, противоречащих правилу (например в двусложных *mihî*, *tibî*) происходит ямбическое сокращение, а односложные слова стремятся уподобляться матрицам и состоять из тяжёлого слога: $*pâr > pâr$. Позиция ударения на 2/3 слоге от конца объясняется Алленом как перенос пралатинского динамического ударения с первого слога по формуле $\underline{\underline{\sim}} \underline{\underline{\sim}} | \underline{\underline{\sim}}$ или $\underline{\underline{\sim}} \underline{\underline{\sim}} | \underline{\underline{\sim}}$. Например, *àdsi{mili}ter* [Allen 1969; 1973: 190].

Теория акцентных матриц применялась Алленом и для греческого языка. В частности, учёный предполагал, что в греческом языке наряду с музыкальным

ударением существовало и неакцентное динамическое ударение, покрывавшее через одну матрицы слова и определявшее его ритмический облик. Чередование ударных и неударных матриц создавало, по мнению Аллена, ритм (икты) в древнегреческом стихе.

Таким образом, может показаться, что теория Аллена удовлетворительно объясняет многие фонологические процессы в латинском и отчасти греческом языке. Однако это не так. Несостоятельность теории Аллена для греческого языка была показана Девайном и Стефенсом [Devine & Stephens 1985], которые заметили, что ритмический закон Аллена противоречит данным метрической поэзии, в частности мостам в ямбическом триметре, а его *unaccentual stress* в сочетании с тональным ударением греческого языка не подтверждается, ко всему прочему, ещё и данными типологии. Кроме того, объяснение ритмических законов греческого языка через силлабические моры снимает все вопросы относительно природы метрических чередований.

Однако самое слабое место теории матриц Аллена не в этом и даже не в том, что двусложное ударение – не как частность, а как общесистемная закономерность – не засвидетельствовано, насколько известно, ни в одном индоевропейском языке (доказательств обратного не было и у самого Аллена). Главный недостаток этой теории для латинского языка – это общая неясность статуса акцентной матрицы: ведь если матрица есть определяющий фактор для латинского ударения – то, значит, она должна быть некой фонологической единицей и тем самым органично вписываться в структуру латинской просодии. Тогда и всё просодическое слово с неизбежностью должно иметь возможность быть представленным в виде последовательности таких матриц, что невозможно. (Попробуйте, например, представить в виде матриц Аллена³⁴ слово *factiōnibus* – а в виде моровой последовательности и даже ритмических стоп это сделать можно без труда.) Латинский язык, как уже говорилось выше, не матричного строя, но морового – а в таких язы-

³⁴ При этом для последовательности $\sim$ – придётся отбросить его малоубедительное предположение о том, что слова типа *ātmā* могли иметь “staccato stress”, присущее «высшим классам» [Allen 1973: 185]. Впрочем, к данному примеру оно и неприменимо.

ках одноморные слоги имеют свой особенный статус. Если же расценивать матрицу просто как (случайное) объединение слогов под ударением (т.е. без ударения она и не акцентная, и не матрица), то тогда она окажется по отношению к ударению явлением вторичным и тем самым малоинтересным; а сама теория Аллена представится простым переложением школьных правил ударения в непонятные термины. Естественно, что такие «матрицы» никакого экспликативного значения иметь не будут.

Почему акцентные матрицы совершенно непригодны для объяснения закона ямбического сокращения, будет сказано далее. Здесь хочется всё же сказать несколько слов и в защиту самого Аллена. Дело в том, что латинский язык местами, правда, походит на матричный: это видно из предпочтения пиррихической последовательности ямбической, и из двуморной длины минимального просодического слова, и из масштабности явлений синкопы и апокопы. В этом смысле латинский язык даже заметно «матричнее» греческого, к которому правила Аллена подходят, однако, ещё больше. Но дело в том, что латинская и греческая «матричность» представляет собой не общую тенденцию в организации просодии, а лишь ряд локальных явлений, не сводимых к общему правилу. А если это так, то покажется гораздо более странным не то, что матричные законы для греческого и латинского языков работают плохо, а наоборот, – то, что они, хоть и плохо, но работают. Всё это заставляет предположить, что формирование латинской и греческой просодии могло происходить под неким общим влиянием – и это влияние вполне могло бы исходить от средиземноморского субстрата. Однако главной ошибкой Аллена было то, что он, возводя матрицу в глобальное правило, не смог (или не захотел) поверить в особый статус лёгкого слога в обоих языках – и тем самым признать существование силлабической моры. А это не так просто, как кажется.

в. Ударение и ритмические стопы

Теория ритмических стоп в языке берёт своё начало ещё в те давние времена, когда первые теоретики классицизма стали искать в своём родном языке рит-

мическую основу для стихосложения. Широко известно, какую зависть испытывали французские поэты того времени к германцам и голландцам только потому, что относительно свободное ударение этих языков позволяло писать стихи, состоящие из метрических стоп, что, по мнению первых, было гораздо ближе к заманчивым образцам античности, чем традиционная французская силлабика [Гаспаров 1995: 29 (сноска)]. В новые времена, когда ставшее самостоятельной наукой языкознание стало постепенно превращаться из прикладной в общетеоретическую дисциплину, учёные всё чаще стали говорить о языковых стопах безотносительно к теории стихосложения.

Феномен лингвистической стопы заключается в том, что какие-то слоги в слове оказываются теснее связанными друг с другом, чем с прочими; тем самым просодическое слово делится на сопоставимые группы слогов, находящиеся между собой в ритмическом взаимодействии. Это явление заметно или в тех языках, где наряду с главным словесным ударением существует ещё и второстепенное, которое покрывает прочие слоги слова сообразно некоему ритмическому закону (нем. *übersetzen*; англ. *an únknown árticle / a quíte unknówn revíew*), или в тех, где ритмические формы определяются моровым счётом. В русском или французском языках стоп выделить нельзя. Вообще, возможность существования стопы как ритмической единицы доказывается и из данных общей психологии, согласно которым разбиение некой большой структуры – например, последовательности нот или телефонного номера – на сопоставимые части в значительной степени способствует её пониманию и запоминанию. При этом большинство испытуемых совершают такие разбиения одинаково для одинаковых структур [Devine & Stephens 1993].

В настоящее время принято говорить об акцентных стопах в таких, например, языках, как английский, шведский или немецкий [Devine & Stephens 1994: 95-98]. Однако наиболее интересным представляется для нас второй вид языковых стоп – метрических, которые стали объектом пристального изучения языковедов совсем недавно.

Одними из первых к этой проблеме обратились американские типологи Джон МакКарти и Алан Принс, изучавшие ритмические законы различных азиатских и австронезийских языков. Ими была установлена закономерность [McCarthy & Prince 1998], по которой многие из моросчитающих языков стремятся на просодическом уровне к строгой структурной организации – весьма напоминающей ту, которую мы видим у знаковых единиц языка. Эта организация была названа учёными *просодической иерархией*: слово членится на стопы, стопы на слоги, слоги – на моры. Стопа у МакКарти и Принса – это совсем не то же самое, что матрица у Аллена: во-первых, американские учёные называют стопу общей иерархической единицей, а во-вторых, постулируют принцип её бинарности: стопа содержит всегда либо два слога, либо две моры; из свойств бинарности и просодической иерархии вытекает понятие *минимального просодического слова*, которое соответствует одной стопе.

Основная идея «просодической морфологии» МакКарти и Принса заключается в том, что ряд морфологических явлений рассматривается как изменения исходной формы слова добавлением или вычитанием морфем, имеющих фиксированную просодическую структуру: такая структура называется учёными *шаблоном*.

Например, в креольском языке илокано (север Филиппин) множественное число образуется частичной редупликацией корня [McCarty & Prince 1996]:

kaldín ('козёл') > kal-kaldín;

púsa ('кот') > pus-púsa;

но:

ró?ot ('мусор') > rō-ró?t.

Объясняется такое явление следующим образом: в языке существует некая фиксированная просодическая структура, которая должна быть полностью заполнена сегментами корня; она и прибавляется к корню. Такая структура и называется просодическим шаблоном; в данном примере – это двуморный тяжёлый

слог ($\sigma_{\mu\alpha}$). В том случае, когда по каким-то причинам скопировать все сегменты в шаблон нельзя (запрещают фонологические законы) или скопированные фонемы не могут составить тяжёлого слога, то ему искусственно приращивается одна мора, как это видно в последнем примере.

В языке дияри (Австралия) множественное число образуется редупликацией минимального просодического слова, которое в этом языке соответствует одной трохеической стопе:

kanku ('мальчик') > kanku-kanku;

ŋankaŋti ('рыба') > ŋanka-ŋankaŋti.

Сходным образом в эскимосском языке (ямбическая) просодическая стопа, которая одновременно является и минимальным просодическим словом, видна при образовании вокатива, где длинное имя типа *Аηικαχηαη* может усекаяться до *Аηικ* или *Аη*³⁵; формы вежливости в японском языке добавляют элемент *-chan* к шаблону, равному двуморной стопе – минимальному просодическому слову этого языка.

Основная гипотеза МакКарти и Принса сводится к тому, что определение любого шаблона в этих языках строится в терминах просодических единиц – моры, слога, стопы, просодического слова – и только в них. Перенося эти правила на морфологию древнегреческого языка, мы можем также говорить о том, что просодический шаблон для аугмента ($\lambda\acute{\upsilon}\omega > \acute{\epsilon}\lambda\upsilon\upsilon\omicron\nu\nu$, $\acute{\epsilon}\chi\omega > \acute{\epsilon}\acute{\iota}\chi\omicron\nu$, $\acute{\omicron}\lambda\lambda\upsilon\mu\iota > \acute{\omicron}\lambda\epsilon\sigma\alpha$) или для редупликации ($\lambda\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\kappa\alpha$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\mu\mu\alpha\iota$) соответствует обычно одной море или одноморному слогу; удлинение латинских односложных слов (*pār*, но *pāris*), а также сохранения долготы в ряде знаменательных греческих ($\acute{\upsilon}\zeta$, $\acute{\upsilon}\acute{\omicron}\zeta$ ($\acute{\upsilon}$): лат. *sūcula*, рус. *свинья*). Поскольку минимальное просодическое слово может равняться только одной стопе, а минимальная стопа – одному двуморному слогу, то есть основания видеть в приведённых примерах проявление «стопности» односложного слова.

³⁵ Последовательность из одного тяжёлого слога также называется учёными ямбической.

Известно, что и ряд слогосчитающих языков, наподобие английского, стремится избегать минимальные просодические слова, состоящие из лёгкого слога [Devine & Stephens 1994: 97]. Такое объяснение удлинения односложных слов предпочтительнее того, которое предложил Аллен, поскольку это явление в латинском языке имеет системный характер, тогда как односложное слово оказывается в потоке речи вполне свободным в отношении ударения: трудно настаивать, что, к примеру, форма *tē* (греч. *σέ*) всегда была ударной.

Между прочим, наличие специальных правил, описывающих функционирование минимального просодического слова, прослеживается и для индоевропейского языкового состояния, для которого традиционно восстанавливается трёхчастная структура слова: корень + суффикс + окончание [Герценберг 1981: 161]. Судьба же префиксов лучше всего видна на примере санскрита, где ещё в классическую эпоху грамматиками выделялся особый класс слов **उपसर्गः** *upsargaḥ* [Whitney 1973], писавшихся поначалу отдельно и придававших глаголам и именам новые значения; после эти слова закрепились как собственно морфемы-префиксы, а ещё позже (на момент формирования праkrit) потерялись при глаголах, частично превратившись в послелогии и сохранившись в новое время только при именах. В латинском и греческом префиксы, закрепившиеся при глаголах, сохранили способность иной раз отделяться (*tmēsis: nihil est super mī – Catull. 51, 7*). Самое интересное, что ни в греческом, ни в латинском, ни в санскритском языках нет ни одного префикса (или предлога), который не содержал бы в себе слога; сходным образом для индоевропейского языкового состояния восстанавливается довольно мало корней, не содержащих в себе слога (вроде **sk-*: *рус.* скоблить, чесать; *лат.* *scabiēs* ‘чесотка’; *греч.* *ξίω* (с метатезой) ‘скоблить’. Да и то подобные корни часто сочетаются с различными слогаобразующими детерминативами, вроде того, что мы видим в *лат.* *scrībō*.

Традиционно восстанавливаемая структура индоевропейского корня – C_1VC_2 , где C_1, C_2 – консонантные фонемы, а V – вокальная [Бенвенист 1956: Гл. 9; Савченко 1974: 139 sqq.], что тоже наводит на мысль о тяготении морфемы к некой фиксированной просодической структуре. Вообще, индоевропейское слово времени распада и.-е. общности представляется легко делимым как на морфемном, так и на слоговом уровне.

Ещё дальше в изучении метрических стоп, взятых для греческого языка, продвинулись уже не раз упоминавшиеся нами А. М. Девайн и Л. Д. Стефенс. Их метод заключался в статистической проверке возможностей словоделения в греческом стихе – в особенности их интересовали мосты Порсона и Нокса в ямбическом триметре [Devine & Stephens 1982; 1994: 99-156]. Результаты анализа дали основание утверждать, что слоги в начале и в конце слова и те же слоги в середине слова ведут себя ритмически неодинаково. Особенно ясно это видно на примере третьего анкепса ямбического триметра, который теоретически мог бы равнове-

роятно заполняться и тяжёлым и лёгким слогом. Однако на деле это совсем не так: относительная равновероятность наблюдается лишь в том случае, если третий анкепс занимается не первым и не последним слогом слова – в подавляющем большинстве случаев это центральный слог в слове, представляющем собой стопу молосса (т.е. — — — : ἀνδρώπων) или амфимакра (— ◡ — : εὐγενής). Но если эта позиция оказывается заполненной первым слогом (четырёхсложного) слова, то практически всегда такой слог оказывается лёгким (1:6.58). Этому замечательному явлению учёные придумали следующего рода объяснение: тяжёлые слоги в середине слова чем-то похожи на лёгкие слоги в начале слова. Из теории длительности, описанной выше, понятно, что речь идёт о длительности слога – причём не моровой (фонологической), а субморовой (нефонологической). Анкепс – это такой слог, длительность которого выше, чем у лёгкого, но ниже, чем у тяжёлого; значит относительная нефонологическая длительность начального слога и срединного сходны [Devine & Stephens 1982]. Таким образом, речь идёт о позиционном изменении длительности слога: при этом вес его не меняется, но несколько изменяется его акустическая длительность, подобно тому, как долгие слоги в ряде новых языков меняют свою относительную длительность в пред- и заударной позициях [Noriega 1983]. Тем самым учёные открыли в древнегреческом языке явление *ритмической субординации*.

Дальнейшие исследования, направленные на изучение допустимых словоразделов в триметре, позволили построить теорию, согласно которой древнегреческое слово подчиняется закону просодической иерархии. Просодическое слово греческого языка не просто делится сразу на слоги, как это происходит в русском языке: между уровнем слога и слова пролегает ещё один суперсегментный пласт, объединяющий несколько слогов в ритмическую группу, названную Девайном и Стефенсом традиционным термином *стопа*. При этом стопа состоит из главной доли и подчинённой, между которыми действует принцип субординации, выражающийся для греческого языка в относительном увеличении длительности главных долей и сокращении подчинённых. Словораздел внутри стопы нежелателен; этим и объясняется существование различных типов мостов в метрической по-

эзии. Сильную долю стопы учёные именуют тесисом, слабую арсисом, что находится в соответствии с греческими учениями о метрике. Арсис и тесис заполняются по правилам кратности, установленным выше (с. 80).

Примеры разбиения слов на арсис и тесис:

$\acute{\alpha}\nu\text{-}\theta\rho\acute{\omega}\text{-}\pi\omega\nu$
 ● ○³⁶ ●
 + - +
 T – A – T

$\gamma\epsilon\nu\omicron\text{-}\mu\acute{\epsilon}\text{-}\nu\omega\nu$
 ○ ○ ○ ●
 + - +
 T – A – T

Правомерно поставить вопрос, действовали ли сходные правила и в латинском языке. Конечно, сразу придётся признать, что объективное доказательство или опровержение идеи о том, что латинские стопы существуют, требует серьёзного изучения и статистической проверки, что выходит далеко за пределы темы, очерченной в этой работе. Однако опираясь на уже установленные языковые факты, мы вполне можем выдвигать те или иные предположения. И надо сказать, что это предположение будет иметь скорее отрицательный характер.

Сразу бросается в глаза серьёзнейшее отличие латинской просодической ритмики от греческой. В греческом языке просодическое движение внутри слова носило двойкий характер: во-первых, наблюдалось чередование на уровне силлабических мор – т.е. чередование стоп внутри слова, состоящих из главных и подчинённых слогов; во-вторых, эта ритмическая последовательность отличалась ещё и изменением высоты тона в слогах, её составляющих: каждый последующий слог предударной части произносился выше, чем предыдущий – а в заударной части, наоборот, ниже, чем предыдущий [Devine & Stephens 1994]. Но самое главное – это то, что в древнегреческом языке ритмика и ударение оказываются двумя сторонами одного просодического движения, вершина тона оказывается совершенно независимой от ритмики слова³⁷. В терминах Н. С. Трубецкого, древнегреческий

³⁶ Этим символом обозначен тяжёлый подчинённый слог.

³⁷ «В греческом слове – две автономные ритмические структуры: одна – ритмико-силлабическая, основанная на чередовании “долгих” и “кратких” слогов, применяющаяся в стихосложении и в организации

язык сочетал в себе две моровых корреляции – некульминативную корреляцию геминативности и кульминативную мелодическую. Тем самым ударением оказывалось движение тона сначала в сторону слога наибольшего напряжения, а затем от него, тогда как ритмическая структура слова не имела единственного (глобального) центра напряжения, противопоставленного всем прочим слогам, и представляла собой чередование отдельных (локальных) точек напряжения и разрешения.

В латинском языке корреляция геминативности (вес) определяла ещё и ударение³⁸ – которое поэтому одновременно является и глобальным ритмическим центром слова³⁹. И хотя, как будет видно в дальнейшем, латинское ударение не участвовало напрямую в ритмических чередованиях стиха, всё же невозможно поверить, чтобы латинский тяжёлый слог, несущий ударение, мог оказаться в положении подчинения. Удлинение ударного слога, хотя очень незначительное (+ 3-4 мс), засвидетельствовано даже в японском, который имеет “pure pitch accent”; в испанском языке ударный слог дольше на 50%, в английском на 40% [Hoequist 1983]. Поэтому, если греческое слово *ἀνθρώπων* можно представить в виде чередования T–A–T, то латинское *commōtus* так поделить невозможно; более того, если принять во внимания данные того же Хеквиста об относительном сокращении слогов в предударном положении, которое действует, например, в английском или русском языках⁴⁰, то предложенное слово захочется поделить зеркально – A–T–A, где и ритмическое и интонационное движения направлены сначала в сторону одного общего центра напряжения, а затем от него. Тем самым латинское ударение представляется некой переломной точкой между этими двумя движениями. Между прочим, очень похожее описание природы латинского ударения мы находим и у двух

ритмической прозы, другая – ритмико-вокалическая, основанная на чередовании долгих и кратких гласных» [Тронский 1962: 48; *кавычки мои*]. С этим определением можно согласиться почти полностью, кроме лишь того утверждения, что чередование долгих и кратких гласных в греческом языке имело ритмические свойства. Почему это не так, будет показано в дальнейшем.

³⁸ Очевидно, правильнее будет сказать что корреляция по весу срачивалась с «кульминативной корреляцией интенсивности», как это происходит в датском, финском, хопи [Трубецкой 2000: 221]; особенно сходна с латинской ситуация в арабском языке [Allen 1973: 156].

³⁹ «*anima uocis*» – «душа слова» [Diomedes K I, 430; Pompeius K V, 126].

⁴⁰ Для русского языка ходить за Хеквистом не надо: достаточно вспомнить о правилах редукции предударного слога.

античных грамматиков – Варрона [*fr.* 278 *Funaioli*] и анонимного автора трактата «De accentibus» [*K III 521, 24*] (Псевдо-Присциана), последний из которых называет «восходящее» движение, куда включается и сам ударный слог, *арсисом*, а заударное «нисходящее» – *тесисом*⁴¹.

Данные латинской метрики – особенно правила заполнения ямбов и трохеев также, как представляется на первый взгляд, не подтверждают мысль об обязательном членении слова на лингвистические стопы, хотя находятся подтверждения двумеровой длине минимального просодического слова и особому положению последнего слога в слове.

Самыми главными из этих метрических законов оказываются правила Ричля и Германна-Лакманна: первое запрещает расщепление словоразделом позиции пиррихия: * $\cup | \cup$; второе запрещает размещение в этой позиции последнего слога слова. Иными словами, невозможны словоразделы типа *dicit # id*, *capere # suos*, *Mūsā # -que*, *dicēre # l*.

При этом оба закона не действуют

- 1) в случае односложного пиррихического слова ($\# \ddot{u}b\ddot{i}\#$);
- 2) в случае двух односложных слов ($\# qu\ddot{o}d \# \ddot{u}t\#$);
- 3) в случае элизии последнего слога ($\# f\ddot{a}c\ddot{e}r'\#$).

Традиционное объяснение этого закона стремлением к совпадению икта и ударения [*Harkness 1907; Laidlaw 1938: 44*] (поскольку из закона косвенно следует невозможность икта **f\ddot{a}c\ddot{e}re*) не проходит не только потому, что имеются примеры обратного [*Кузнецов (в рук.)*], но и поскольку такой икт совершенно допустим в дактилическом слове (*\acute{o}mn\ddot{i}bus*), о чём свидетельствует огромное число примеров [*Lindsay 1922: 19*]. Что касается общей несостоятельности акцентно-иктовой теории, то это будет показано в процессе исследования.

⁴¹ Очень вероятно, что значения терминов *арсис* и *тесис* стали изменяться на противоположные именно в римских грамматических описаниях, тогда как в метрике новые значения (*arsis* – ‘сильная доля’, а *thesis* – ‘слабая доля’) закрепились лишь после Бенгли: видимо из-за его акцентно-иктовой теории.

Гораздо более естественным видится объяснение этих законов из общей ритмики слова. В частности, в особенностях действия закона о пиррихических стопах просматриваются два общих принципа:

- 1) заполнять позицию минимальным просодическим словом (которое, как мы выяснили, было в латинском языке двуморным);
- 2) не приравнивать последний (лёгкий) слог слова к одной мере.

Чуть далее мы увидим, что последний слог слова, действительно, имел особый статус.

Что касается последовательности из двух односложных слов, то ими могли быть только такие слова, которые сами не составляли минимального просодического слова; но нетрудно предположить, что вдвоём они вели себя именно как одно просодическое слово – подобно тому, как два двусложных слова могли объединяться в одно квазичетырёхсложное, что будет видно из действия закона Мейера. Тем самым двуморовая пиррихическая последовательность, составлявшая минимальное просодическое слово, была противопоставлена ямбической.

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что двуморовое минимальное просодическое слово представляет собой реальное фонологическое явление. Однако существование просодических стоп, превышающих двуморовую длину приходится признать недоказанным. Правило Порсона [Koster 1936: 80], запрещающее разбиение спондея в предпоследней стопе греческого триметра (трагедии), действует в латинской поэзии только в трагедиях Сенеки и нет основания утверждать его универсальность [Кузнецов (в рук.)]; правило Мейера о том, что словораздел в исходе ямбического метра возможен только тогда, когда метр заканчивается ямбической стопой, лишней раз указывает на особый статус последнего слога, но не имеет отношения к многоморным стопам. Единственное, что наводит на мысль о трёхморных просодических стопах в латинском языке – это исключения из правила Бентли-Люкса, запрещающего заполнение предпоследней позиции стиха ямбом, если последняя занята целым ямбическим словом [Lindsay 1922: 105]. Необъяснимым исключением из этого правила оказывается тот случай,

когда место перед ямбическим словом занимает четырёхсложное слово или кли-
 тическая группа, имеющая вид 4-й пенической стопы (◡◡◡◡):

recipiat mare [Plaut. Cur., 86];

ab animō perit [Plaut. Tru., 49];

ub' habitat senex [Plaut. Rud., 77].

Эти исключения можно было бы объяснить предположением, что последо-
 вательность ◡◡ в исходе четырёхсложного слова такого вида не составляет ямби-
 ческой стопы; тем самым внутреннее членение таких слов окажется в точности как
 у греческого {γενο-μέ}-νων, которое мы видели выше. Тем не менее это объяснение
 находится в противоречии с теорией Больдрини о ямбическом сокращении
 [Boldrini 1988] и требует более тщательной проверки.

с. Ударение в ямбическом сокращении

Ямбическое сокращение, представляющее собой одну из главнейших зага-
 док латинской просодии, объяснялось много раз и по-разному, однако в качестве
 наиболее традиционного объяснения приводилось всё-таки именно ударение. По-
 следняя теория такого рода – теория акцентных матриц Аллена к настоящему
 времени может быть уже признана классической. Однако необходимо заметить,
 что эта теория, созданная в конце 60-х гг. XX в. явилась органичным продолжени-
 ем идей, принадлежавших крупным представителям науки – в основном, немец-
 кой, – жившим в начале века.

Акцентная теория ямбического сокращения берёт начало с высказывания
 Ф. Лео о том, что именно ударение было главной причиной сокращения второго
 слога в ямбической последовательности: «*Die Ursache der Kürzung ist der Accent, der
 auf die Schwache Silbe des Wortes fällt, und der starken, stärker als diese, ihr Übergewicht
 raubt*» («Причиной сокращения было ударение, которое падало на слабый слог слова и ко-
 торое, будучи более сильным, отнимало у сильного слога его избыток в весе») [Leo 1895:
 295].

Дальнейшее развитие эта идея получила благодаря уже упоминавшемуся сочинению Э. Зиверса [Sievers 1901], который предположил существование в германских языках акцентной группы слогов, названной им “Drücksilbe”; его теорию и применил Ф. Зоммер [Sommer 1914: 128] к латинскому ямбическому сокращению. Взгляды Зоммера и легли в основу теории У. С. Аллена, согласно которой ямбическое сокращение происходило потому, что структура ямбической последовательности противоречит правилу акцентной матрицы, а главным фактором сокращения служит динамическое ударение, стремящееся покрывать как раз эту матрицу: *modō* > {*módò*}. Что же касается случаев, когда последний слог слова закрыт (*uoluptās*), то Аллен или предполагает слогораздел, отличный от обыкновенного (*uolu-ptās* [Allen 1973: 183]), или допускает мысль о том, что в определённый период истории, акцентная матрица могла включать в себя и закрытые слоги [Ibid.: 185].

Несмотря на кажущееся правдоподобие этой теории, нам, к сожалению, в очередной раз приходится признать её полную несостоятельность. И причина этому чрезвычайно проста: как было установлено выше, позиция и особенности латинского ударения определяются из ритмики слова; это означает, что обратное взаимодействие – т.е. когда ударение способно менять ритмические свойства слова – возможно лишь тогда, когда ударение становится независимым от ритмики и ставится уже по традиции. Таким латинское ударение действительно стало к середине I в., о чём могут свидетельствовать многочисленные синкопированные формы этого времени: тогда, например, грамматически закрепляются синкопированные формы императива, наподобие *dīc*, *dūc*, которые у Плавта, Теренция и Луцилия бывают и в полной форме [Тронский 2001: §550]. Однако подобную картину невозможно помыслить для времени Плавта, когда ударение, перемещаясь с начала слова, лишь только закреплялось на своём привычном месте, подчиняясь действию нового закона 2/3 слога. В результате, уже хотя бы поэтому объяснить ямбическое сокращение из ударения представляется невозможным.

Однако существует ещё один аргумент, полностью ниспровергающий теорию Аллена, а также и все другие акцентные гипотезы. В 1968 г. польский филолог

Витольд Маньчак опубликовал статью [Mańczak 1968], в которой приводится статистический анализ форм, подвергшихся ямбическому сокращению; источником статистики явилась докторская диссертация Г. Лепперманна [Leppermann 1890]. По данным Лепперманна-Маньчака всего у Плавта засвидетельствовано 3578 случаев ямбического сокращения, в которых участвует 191 слово; при этом те слова, которые употребляются свыше 31 раза сокращаются в 100% случаев. Вот 24 самых частотных – они покрывают 88% всех случаев: *ego, mihi, tibi, ubi, ibi, meo, sibi, eo, caue, modo, deos, abi, tuo, scio, mea, uide, uolo, ea, fuit, tace, meae, suo, domi, tua*. Маньчак справедливо говорит, что тенденцию к сокращению имеют те языковые единицы, которые наиболее частотны. Однако он не заметил в этом списке того, что увидели в нём другие: *все эти слова – безударны* (или имеют тенденцию быть таковыми – см. об этом [Devine & Stephens 1980]). Тем самым, если латинское ударение и ямбическое сокращение как-то связаны, то связь эта выражается лишь тем, что ямбическое сокращение происходит почти всегда в безударной позиции.

Что же касается истинных причин этого явления, то на сей счёт существует несколько подходов к их нахождению. Теория Девайна и Стефенса предполагает «сжатие» этих частотных слов в безударной позиции пиррихия при быстром темпе речи: в частности, те случаи, когда сокращению подвергается закрытый слог, они предлагают трактовать или как альтернативный слогораздел, или как упрощение группы согласных. Хотя последнее соображение находится в полном противоречии со взглядами Стёртеванта, высказанными ещё в статье 1922 г. [Sturtevant 1922a], оно всё же гораздо правдоподобнее, чем изложенный в Главе I подход Куриловича [Kuryłowicz 1958], постулировавшего для латинской ритмики тождество $\_ = \smile \simeq$, которое не находит подтверждения в латинской фонологии.

Ритмическая теория Сандро Больдрини [Boldrini 1988], устанавливающая зависимость ямбического сокращения от числа лёгких слогов, предшествующих сокращающемуся: если их число чётно (например, $\smile \smile \_$), то лёгкие слоги вос-

принимаются как одна группа (= стопа⁴²), а тяжёлый не сокращается; если нечётно, то тяжёлый слог объединяется с ближайшим лёгким в одну группу и подвергается сокращению. Так или иначе, этот вопрос ямбического сокращения требует дальнейшего детального изучения.

d. Ударение и последний слог слова

Особое положение последнего слога в латинском слове общеизвестно – и в первую очередь о нём говорят так тогда, когда имеют в виду закон латинской редукции, которая в нём не действовала. Однако у нас есть основания считать, что последний лёгкий слог слова в доклассическую эпоху был склонен к позиционному удлинению.

Это отчётливо видно, в частности:

- 1) из тех же правил редукции;
- 2) из уже описанных правил метрических словоразделов – в частности правила Ричля и Германна-Лахманна; отчасти из правила Мейера и Порсона;
- 3) из «сохранения длительности гласного» в последнем слоге, «восстанавливаемого» на основании метрики: *decēt* [Ter. *Heaut.*, 1054], *erāt* [Ter. *Phorm.*, 654], *uersāt* [Enn. *Ann.*, 338]; более того: *stetīt* [Ter. *Phorm.*, 9], *cupīt* [Ter. *Hec.*, 344], *profuīt* [Ter. *Hec.*, 463] (см. [Laidlaw 1938: 60-61; Тронский 2001: §190]);
- 4) из правил постановки ударения перед энклитиками (*Mūsāque*), о чём почти единодушно свидетельствуют грамматики [Leumann & Hofmann 1963: 181];
- 5) из последних анкепсов метрических стихов.

Кроме того, это естественным образом вытекает из:

⁴² Следует отметить, что, даже если теория Больдрини и может служить подтверждением существования латинских стоп, она не может быть доказательством тому, что эти стопы превышают длину минимального просодического слова – скорее, наоборот, сокращение ямбической стопы будет доказывать обратное.

- 1) сходных явлений греческой просодии и метрики, где позиционное удлинение последнего слога можно считать доказанным [Devine & Stephens 1994: 117-156];
- 2) относительного удлинения последнего слога в известных новых языках [Hoequist 1983];
- 3) общепсихологических особенностей человеческого восприятия [Devine & Stephens 1993].

В чём же проявлялась это предполагаемое удлинение? Его можно описать как изначально субморное увеличение веса последнего слога за счёт препаузальной длительности. Это явление наблюдается в большинстве языках мира (если не во всех) – причём независимо от типа ударения в них, хотя лучше прослеживается в тех из них, где ударение динамическое. В японском языке (с тональным ударением) фонологическая долгота последнего слога выше, чем у срединных, примерно на 10%, в английском – 30%, в испанском – 20% [Hoequist 1983]. Очень вероятно, что значительное позиционное удлинение латинского последнего слога явилось стремлением уравновесить сильное динамическое ударение, занимавшее в прала-тинскую эпоху первый слог слова. Но в отличие от ряда новых языков, где это позиционное изменение долготы оказывается совершенно не фонологичным, в латинском языке оно подверглось влиянию со стороны действовавшей оппозиции по весу. Тем самым последний слог латинского слова становился подобным анкепсу⁴³, вес которого можно условно определить в 1½ моры – это как раз тот самый случай, когда вес латинского слога напрямую зависел от него акустической длительностью. Это соображение вполне подтверждается данными Лейдлоу [Laidlaw 1938: 60-61], согласно которым «сохранение долгого гласного» в последнем слоге у Теренция обыкновенно происходит в позиции речевой паузы или смены

⁴³ Впрочем, латинская редукция, проходившая, как будет показано далее, в условиях безморной оппозиции по долготе, обходила последний слог стороной безотносительно к его моровому весу.

персонажей, хотя имеются и отдельные примеры обратному (например, *poëtae ad scribendum augeāt industriam* [Ter. Ad., 25]).

Следует отметить, что такое понимание свойств последнего слога, в принципе, позволяет говорить не о сохранении долготы гласного в нём – в том случае, когда он занимает двуморную позицию стиха, но о приращении его морового веса за счёт ряда других факторов; поэтому говорить именно о *сохранении* долготы следует с осторожностью. Впрочем, поскольку большинство примеров действительно содержат исконно долгий гласный, а случаи с *erit* называются Лейдлоу сомнительными и иной раз невозможными [ibid.], то полностью отвергать объяснение веса из длительности гласного не следует.

Дальнейшее развитие римской метрики создало на латинской почве размеры, не чувствительные к позиционному удлинению – возможно, из-за того, что они возникли под греческим влиянием, где это явление игнорируется, а возможно, из-за сходства тех просодических особенностей, которые эксплуатировались стихом. Так, например, гексаметрическая каденция *prīmus ab ōris* [Verg. Aen, I, 1] не чувствительна к особому статусу последнего слога, хотя, опять-таки есть примеры обратному: *omnia uincit amor || et nōs cēdāmus amōrī* [Verg. Bucol., X, 69] (перед цезурой) или *liminaque laurusque deī, totusque mouērī* [Verg. Aen, III, 91].

Удлинения последнего слога не происходило (или не имело фонологических рефлексов) минимальных просодических словах (*māřě*): поэтому они могли свободно занимать описанную выше метрическую позицию пиррихия – в том случае, если занимали её целиком и тем самым не разрушали своей структуры. Элизия последнего слога должна, очевидно, расцениваться не как полное изъятие слога из речи (есть подтверждения обратному: [Gell. 13, 21]), но как *ноль мор*.

Случаи типа *Mūsāque* следует, очевидно, объяснять не существованием фонологической паузы в одну мору между словом и энклитикой [Тронский 2001: §94] – такое объяснение противоречит данным латинской метрики, где такая пауза сразу была бы заметна, если б была. Видимо, приходится говорить об особом правиле сочетания энклитик с предшествующим словом, которые, соединяясь с ним с ним в одно просодическое слово, не лишали при этом предыдущий слог фоноло-

гического статуса последнего. Этот моровый «переизбыток» игнорировался метрикой стиха, но мог учитываться при постановке ударения, подобно тому, как это видно в греческом языке в случаях элизии ($\acute{\epsilon}\lambda\theta\rho\acute{\upsilon}\sigma' \epsilon\acute{\iota}\varsigma \omicron\acute{\iota}\kappa\omicron\upsilon\varsigma$ [Aesch. Persae, 833]) или эпического сокращения ($\omicron\acute{\iota}\delta' \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\eta\nu \omicron\acute{\iota}\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\sigma\iota$ [Hom. XIII, 275]), где слог, содержащий циркумфлекс считается за лёгкий⁴⁴. Такие правила сочетания энклитики делали возможным как ударение *Músaque*, так и *Músáque* – то, что последнее возобладало ко времени Августа можно действительно объяснить греческим влиянием. Следует отметить, что римские грамматика, единодушно высказываясь в пользу постановки ударения на последнем слоге при энклитике, избегают примеров, где этот слог лёгок – возможно, это свидетельствует о бытовании обеих норм произношения и в императорскую эпоху. (Также [Leumann & Hofmann 1963: 181]).

С другой стороны, общеизвестно, что последний слог с долгим гласным (кроме случаев ямбического сокращения) с определённых пор обнаруживает обратное стремление к постепенному сокращению. Это видно, в частности из сокращения $-\bar{o}$ в именах существительных и некоторых глаголов [Тронский 2001: §§189-190]. Эта тенденция возникла, вероятно, уже после прекращения действия акцентного закона о 2/3 слоге (см. с. 108 sqq.) и имеет поэтому вторичные ритмические причины (ударение); с этого момента последний слог латинского слова стал приобретать вид своеобразного анкепса. Что же касается сокращения гласных в последнем закрытом слоге (*amāt*), то здесь видна общая тенденция латинского языка к изгнанию перегруженных слогов; тем не менее, такое сокращение в большинстве случаев на моровый вес слога (в том случае, когда он действительно рассматривался как последний) не влияло. Сохранение долготы гласного перед *-s* (*amās*) должно, очевидно, объясняться из тех же соображений, что и закон Гудвина (с. 130).

e. Место ударения в слове

Если последний слог слова по отношению к ударению расценивать как позиционно двуморный, то тогда место латинского ударения в слове будет вычисляться формулой

⁴⁴ Главное недоумение, неизбежно сопровождающее это объяснение, заключается в том, что, если в греческом языке вес и долгота (для ударения) составляли разные моровые оппозиции, то в латинском языке в одной и той же оппозиции слог выступает то как двуморный, то как одноморный: здесь, очевидно, следует думать, что и в латинском языке ударение несколько более чувствительно к длительности, чем прочие ритмические законы – тем самым правила ритмики слова и правила ударения во время действия этого закона об энклитиках были не совсем одинаковы. Примечательно, что это правило о латинских энклитиках сформировалось уже к сер. I в. до Р. Х., когда ударение перестало напрямую зависеть от веса, а ставилось по традиции.

$$P_A = N_S + N_f - 1 \quad (1)$$

где

P_A – это позиция ударения (номер «ударной» т.е. счётной⁴⁵ моры),

N_S – число слогов в слове,

N_f – число мор в последнем слове.

Если принять во внимание описанный выше закон позиционного удлинения последнего слога до условных двух мор, то правило (1) упрощается:

$$P_A = N_S + 1 \quad (2)$$

Правилам (1) и (2) имеется два ограничения:

1. Ударение не может стоять дальше третьего слога от конца. Тем самым для $N_S > 3$ $N_S = 3$.
2. В тех случаях, когда слово составляет одну двуморную стопу из результата надо вычитать (или не прибавлять) единицу, т.к. последний слог не удлиняется.

Вот примеры различных слов: здесь все возможные ритмические вариации для одно-, дву- и трёхсложных слов, одно четырёхсложное и два примера на многосложные. В столбиках даны соответственно числа слогов, число мор слова, номер счётной моры, а также отношение к общей длине слова номера счётной моры и длины ударной части, условно соответствующее перелому arsis / thesis.

<i>пример</i>	N_S	N_{mor}	P_A	P_A / N_{mor}	$P_A - 1 / N_{mor}$
pār	1	2	2	1	-
māre	2	2	2 (!)	1	-
āmō	2	3	3	1	0.67
fāctus	2	4	3	0.75	0.50
lātus	2	4	3	0.75	0.50
amātus	3	5	4	0.80	0.60
redāctus	3	5	4	0.80	0.60
fācilis	3	4	4	1	0.75
lātior	3	5	4	0.80	0.60
fācilius	4	5	4	0.80	0.60
	<i>Среднее арифметическое значение:</i>			0.87	0.60
***					
cōnsanguineus	5	8	4	0.50	0.38
praeternittēbāminī	7	13	4	0.31	0.23

Таблица 2.3.1. Размещение ударения в слове по правилу 2/3 слога

⁴⁵ Ударение полностью покрывает слог, содержащий эту мору.

Мы видим, что существующие в латинском языке правила ударения в сочетании с правилами удлинения последнего слога приводят к тому, что отношение длины заударной части в простых словах (1-4 слога) приближается к фундаментальной оппозиции 1:2⁴⁶. Исключение составляют многосложные слова, для которых, очевидно, необходимо предположить наличие дополнительного ударения, как это пытался сделать Аллен [Allen 1969]. Если мы предположим членение этих слов *cōn//san//gineus* и *praeter//mittē//bāmini*, то отношение ударных и безударных частей будет $0.5 + 0.75$ (0.63) и $0.5 + 0.5 + 0.6$ (0.53), что опять соответствует установленной закономерности. Слова, не составляющие двуморной просодической стопы (в частности *et*, *sed* и т.д.) следует справедливо считать проклитиками [Тронский 2001: §94]. Все эти соображения очень хорошо сочетаются с уже высказанной мыслью о том, что латинское ударение есть некий переломный центр слова; мы замечали также, что эта мысль находит подтверждение и у ряда римских грамматиков.

Иными словами, в то время, когда в латинском языке действовала формула (1), ударение представляло собой *ритмическое явление второго порядка*: отсюда с неизбежностью вытекает мысль о том, что объяснение таких явлений, как ямбическое сокращение, синкопа, апокопа и т.д. из ударения есть очевидное нарушение причинно-следственной связи. Кроме того, такое понимание природы латинского ударения разом снимает все вопросы по поводу значимости несовпадений «иктов» и ударений в стихе – ясно, что если ритм стиха строится явлением первого порядка (на основе силлабического веса), которое определяет и место ударений в словах, то несовпадения их с сильными долями метра никак не может вызывать нескладности размера. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже.

Латинское ударение перестало подчиняться описанной формуле к началу I в. до Р. Х. Об этом можно судить уже хотя бы по тому, что оно стало выполнять смысловозначительную функцию в вокативе и генитиве ед.ч. у слов 2-го склонения. Известно свидетельство знаменитого грамматика Нигидия Фигула [Figulus

⁴⁶ Особенно, если вспомнить, что последний слог содержит не две моры, а несколько меньше.

apud Gell. (13, 26). fr. 9 Funaioli], говорившего о различии форм *Válĕrī* и *Valĕrī*; при этом сам живший уже во II в. по Р.Х. Авл Геллий, приводя цитату Фигула, находил форму *Válĕrī* смешной; Квинтилиан [*Inst. Orat. I, 5, 22-24*] вспоминал, что, ещё когда он сам был молод, пожилые учителя призывали произносить греческие слова *Átreus* и *Téreus* с ударением на первом слоге от начала; имеются многочисленные наблюдения императорских грамматиков о таких ошибках в норме ударения, как *Cámillus*, *tríginta* (ит. *trenta*), *órador* [*K V, 248, 292, 392*; Leumann & Hofmann 1963: 181]. Всё это позволяет предположить, что правило второго слога перестало действовать как общий закон за несколько десятилетий до Нигидия, а традиционная постановка ударения всё более размывалась в императорскую эпоху.

Тем не менее, традиционное объяснение потери моровой оппозиции из-за нарастания момента динамизма в императорскую эпоху [Карасёва 1987: 110] всё-таки следует признать недостаточными. Во-первых, все рассуждения о силлабических и вокалических морах, изложенные выше, заставляют нас признать, что латинское ударение покрывало весь слог, начиная ещё с доклассической эпохи; эта мысль подтверждается также заявлением Сервия о невозможности при подсчёте мор разделить слог на части [*K IV, 425*]. Во-вторых, более чем двухсотлетнее сосуществование ударения, ставящегося по традиции, и морового противопоставления по весу заставляет усомниться в том, что первое могло неожиданно привести к краху второго. Гораздо вероятнее, что гибель ритмических правил кратности, произошедшая в III в. как в латинском, так и в греческом языках (что видно из полного упадка метрической поэзии того времени), имела свои собственные, хотя и ещё более от этого загадочные причины: в самом абстрактном виде – эта таинственная катастрофа имеет какие-то гораздо более фундаментальные основания и находится в прямой связи с не менее непонятным общим кризисом, поглотившим тогда весь античный мир и в одно столетие превратившим историю Древнего мира в историю Средневековья. И вряд ли кто-либо решился с определённой уверенностью утверждать, была ли эта катастрофа следствием этого кризиса или его причиной.

В современном итальянском языке, как и в латинском, есть слово *vita*, которое и пишется одинаково и, что очень вероятно, имеет весьма сходное произно-

шение. Но между латинским и итальянским словом лежит непреодолимая грань – которая, однако, заключается отнюдь не в свойствах ударения, а в ритмической организации слова: если в латинском языке оно воспринималось словно закованным в латы чёткой просодической структуры (2+1), то в романских оно словно лишилось своего тяжёлого и надёжного облачения. Наличие арифметической организации просодии в древних европейских языках и отсутствие таковой в новых причудливым образом соотносится и с переходом Европы из одного культурного состояния в другое.

История латинского ударения более поздних времён (с момента падения правил арифметической кратности) уже может быть отнесена к протороманскому языковому состоянию и по полному праву быть передана в ведение романистики – в рамки нашего исследования это не входит, хотя ряд отдельных вопросов, связанных с взаимодействием устной и письменной традиций в Поздней Империи, будет затронут нами в третьей части (см. также [Бурсье 2004: 36-40]).

Что же касается изменений, произошедших в природе латинского ударения за время его становления, в особенности проблемы тона, то их мы рассмотрим далее в разделе 2.4. Сейчас же последней не до конца освещённой проблемой силлабических мор остаётся для нас вопрос о роли ударении в латинской метрической поэзии. К нему мы и переходим.

2.3.2. Латинское ударение в метрических чередованиях

Проблемой ритмической роли латинского ударения в стихах особенно интересовались в начале XX в., когда новейшие достижения сравнительно-исторического языкознания заставили пересмотреть бытовавшую до этого теорию музыкального ударения. С другой стороны, признанное компаративистами динамическое ударение оказалось в очевидном противоречии с теорией иктов, закрепившейся в новой науке со времён Р. Бентли, но восходящей ещё к позднеантичным метрическим трактатам [Ср. *Marius Vict. K VI, 40* и *Bentleius 1846*]. Сообразно этому взгляду, каждая метрическая стопа имеет свой *ἄρσις* и *θέσις*, первый из которых отождествляется Бентли с *ictus*'ом (*percussio*). Однако, если в греческой по-

эзии икт выражался в неязыковых средствах (Бентли пишет о сильной доле в музыке), то для латинской он отождествляется им с ударением. Тем самым, по Бентли, латинский стих строится на чередовании ударений, которые так или иначе стараются «подгоняться» под сильные места стоп.

Для XVIII в., интересовавшегося более содержанием латинской поэзии, нежели её формой, такое объяснение показалось достаточным; но век XX, открывший ритмообразующее свойство ударения в новых языках, удовлетвориться этим не мог: противоречия между иктом и ударением в стихе казались приверженцам динамической теории ударом по их собственному престижу. Всё это породило целое новое направление в классической филологии 1900-х – 1920-х гг., приобретшее особенную популярность среди немецких и американских учёных, многочисленные статьи и обширные монографии которых, напоминая скорее романы и циклы рассказов, имели главной целью найти в латинском языке такие законы, которые бы объяснили, почему ударение и икт в латинской поэзии совпадают не всегда [Radford 1904 (part I-II-III); 1906 (part I-II); 1908; Harkness 1907; Sturtevant 1919_a; 1919_b; 1922_b; 1922_c; 1923; 1940; Fraenkel 1928; Laidlaw 1938].

Поскольку больший интерес представляют для нас не работы, исследующие метрику на основании данных ударения, а наоборот – восстанавливающие ударение из метрики, то здесь мы рассмотрим лишь две самые крупные теории: солидный труд Эдуарда Френкеля «Акцент и икт» [Fraenkel 1928], а также ряд статей и монографию Э. Стёртеванта – содержащие как с анализ теории Френкеля, так и его собственные взгляды. Кроме того, нам необходимо узнать и взгляды У. С. Аллена, явившиеся вполне естественным продолжением теорий обоих его знаменитых предшественников.

а. Классическая акцентно-иктовая теория (Э. Френкель)

Обширное сочинение Эдуарда Френкеля «Акцент и икт в латинском драматическом стихе», вышедшее в 1928 году, подводит итог метрическим исследованиям других знаменитых немецких учёных, в частности Ф. Скутча, и содержит скрупулёзнейшее исследование соотношения акцента и икта на всем доступном мате-

риале (все сцены из комедий Плавта и Теренция). Задачей исследования, как пишет сам Френкель, было проверить, насколько совпадение икта и ударения объяснимо из предполагаемой нормы живой латинской речи, установить, есть ли какие-либо закономерности в отступлении от нее, и объяснить некоторые явления латинской просодии, отходящие от известных нам акцентных норм. Основная гипотеза Френкеля примерно та же, что и у Бенгли: ритм стиха создается (в основном) чередованиями ударений слов, которые подбираются так, чтобы было складно. Те же случаи, когда ритмическое ожидание не подтверждается ударением или, наоборот, когда акцент стоит «не на месте», учёный расценивает как результат действия некоторых особых законов, которые требуется установить (принцип Пауля). Основной вывод работы, выраженный словами самого Френкеля, для наглядности приводится ниже:

Im altlateinischen Sprechverse ist der Iktus an den Wortakzent gebunden. Fällt er auf eine andere Silbe als diejenige, die innerhalb des isolierten Wortes den Hauptton tragen würde, so rührt diese Verschiebung nicht vor einer Versetzung des Sprachakzent her, sondern es wirken dabei Momente mit, die in der lebendigen Sprache den Akzent modifizieren können, nämlich syntaktische Zusammenhänge wozu ausser den Bildungen zwischen den einzelnen Gliedern auch das Vorliegen einer Pausastellung gehört, sowie die verschiedenen Möglichkeiten eines okkasionell auf einen Satzteil gelegten Nachdrucks. Innerhalb dieser Kategorien gibt es für die Dichter die Freiheit der Auswahl. Ikten einzuführen, die kein Korrelat in Akzentverhältnissen der Sprache haben, sind sie nicht in der Lage

[Fraenkel 1928: 342].

В латинском драматическом стихе доклассического периода икт привязан к словесному ударению. Если же он падает не на тот слог, который нес бы ударение, будь он в отдельном слове, то тогда такое перемещение происходит не из-за сдвига грамматического ударения, но из-за воздействия того рода факторов, которые способны изменять акцент и в живой речи, а именно – из-за синтаксических связей, к которым, наряду с обычным соединением членов предложения, принадлежит также возможность постановки паузы, равно как и разнообразные варианты использования логического ударения, падающего на определенную часть фразы. Внутри этой категории поэтам предоставляется свобода выбора. Но вводить икты, не имеющие никакой связи с ударением, они не в праве

[Э. Френкель].

Френкель выделяет следующие категории возможной вариативности:

1. Помимо традиционно выделяемых слов, имеющих ударение на последнем слове (*illīc, istīc, istūc*), в доклассическом разговорном языке, по наблюдениям Френкеля, были и другие, также способные иметь ударение на последнем слове: падежные формы от *ille* и *iste*, а также наречия *hōdiē, igitur, immō, quandō*.

2. В разговорном языке (особенно часто в сочетании с местоимениями и наречиями) была заметна фразовая акцентуация: *filiūs tuos, pauló prius, pauló post*. В подобных случаях местоимения и наречия выступают в энклитических формах. Френкель настаивает далее на том, что они могут употребляться в разговорной речи и в препозиции, меняя при этом свой акцент: *in meá nauī, tuós seruōs*. Более того, будучи разорванными другими словами, эти выражения все равно содержат один такой акцент: *filiás quaerit suās, hominibús sat erat decem, sapit scelesta multum*. Слова, стоящие в позиции между двумя согласованными членами предложения, часто также могут модифицировать разговорный акцент: *studia eránt uostra, corpus publicát uolgō suom, nunc hīnc parasitum in Cariám mīsī meum*.

3. Разговорное ударение может перемещаться и в словах, имеющих некий эмфатический оттенок: *immō equidem tunicís cōnsūtīs hūc adueniō nōn dolīs* [Plaut. Amph., 368].

4. Изменение позиции ударения возможно и тогда, когда этим подчеркивается некий синтаксический разрыв фразы:

- a) при смене персонажа: *despōnsam esse audió. – nisi tū neuīs* [Plaut. Trinum., 1156];
- b) перед «точкой»: *nunc abís. Hoccīn placet*.
- c) перед «запятой»: *iam sī opsīgnātās nōn ferét, dīcī nōn potest*.

5. Наконец, перемещение акцента в разговорной речи возможно при устойчивых фразах, в которых наблюдается фиксированный порядок следования членов: *abstulít periculō, tibi Iouém non crēdere, uendideró pretiō suō*.

Общая идея крупного по размеру и по значению труда Френкеля – в том, что латинское ударение эпохи Плавта и Теренция (особенно первого) было слабо закрепленным. Несмотря на то, что существовали определенные «нормативные»

способы его постановки, они все же были не правилами, а закономерностями. Живая латинская речь, не имевшая ещё чёткой кодификации и грамматической традиции, часто использовала такие способы акцентировки, которые впоследствии (к I в. до Р.Х.) стали ненормативными. Учёный предполагает, что именно относительная свобода латинского ударения способствовала тому, чтобы греческая стихотворная система закрепилась на латинской почве: по мнению Френкеля, оно не только не мешало метрическому чередованию стиха, но создавало его. Главный вывод теории Френкеля – это то, что без участия ударения метрическая поэзия на латинском языке была бы невозможна.

b. Акцентно-иктовая теория Э. Стёртеванта

Сочинение Э. Френкеля не осталось без внимания: одним из первых откликов на неё были работы уже не раз упоминавшегося Э. Стёртеванта, некоторые из которых мы и разберём сейчас. В первую очередь, интересна его рецензия, написанная на вышеупомянутое сочинение Френкеля, которая была опубликована годом позже в "Journal of Philology" [Sturtevant 1929]. В ней Стёртевант соглашается с большинством выводов Френкеля, добавляя также и новые примеры фразовой акцентуации:

- 1) смещение ударения перед относительным местоимением: *uiam quī nescit, herī quōs ēmī* – он сравнивает такую позицию с греч. *τίς* и хетт. *kuis*, которые могли выступать в роли энклитик: предполагается, что все относительные местоимения в доклассическом латинском языке также имели эту способность;
- 2) оба слова в устойчивых выражениях с энклитикой *-que* могли переносить акцент: *diēs noctésque, aequī bonique, améns amánsque, deós deásque, dolís astutiísque*.
- 3) Стёртевант полностью согласен и с изменением позиции ударения в эмфатических словах (он приводит французский пример *miserable*);

Но с некоторыми другими положениями Френкеля он спорит. В частности, он не соглашается с положением о нормативности ударения во фразах типа *in teá naíi*: тогда уже точно, по мнению Стёртеванта, надо оказаться от правила трех слогов и ставить ударение по аналогии, – а если так, то почему же *amáuimus* не дало **amáuistis*, а *militēs* – **militibus*?

Стёртевант возражает и против того, что ударение допускалось во всех указанных позициях перед паузами; он говорит, что в этом случае можно увидеть больше «нормативных» иктов, чем есть на самом деле. По его мнению, только формы типа *istúc* действительно имели нормативный акцент на последнем слоге.

Стёртевант указывает на три методологические ошибки теории Френкеля:

1. Френкель считает, что при любом удовлетворительном для языковой нормы сочетании акцентов с иктами стихи звучат одинаково правильно и красиво. Основной его аргумент в том, что слова кретеического исхода очень малочастотны в последних позициях стиха, тогда как очень удобно было бы заканчивать стих такими словами; на этом основании он делает вывод, что последний слог не иктировался, иначе эти слова, несомненно, имели бы предпочтение перед прочими. Но он не учел, что слова кретеической структуры составляют лишь, по подсчетам Стёртеванта, 7% общего латинского словаря и оттого и встречаются в среднем лишь 1 раз на 22 стиха. А на самом-то деле поэты любили использовать такие слова, как *respóndeàt*: более того – постановка такого слова приводила к сбою акцента и икта в четвертой стопе, однако всё равно она была предпочтительнее для звучания стиха, нежели сохранение совпадения акцента и икта в четвертой стопе.

2. Френкель не учитывает переноса ударения в вышеописанных позициях перед относительными местоимениями. А между тем, как уже показал Стёртевант, это весьма важно.

3. Не учтены Френкелем и явления аналогии, имевшие, по мнению рецензента, огромное значение в тот период. И вообще для римлян был вполне привычным перенос ударения в слове: хотя именительный падеж *uir*, они знали, что есть формы и *uirōrum*, и *uirúmque* и т.д. Поэтому явления аналогии не учитывать нельзя.

Сам Стёртевант считал, что латинские стихи были в первую очередь квантитативны, а уже во вторую – акцентны; при этом квантитативность понималась им не в терминах фонологических мор – они, как и сама фонология, тогда ещё попросту не были изобретены, – но как акустически значимая длительность слога:

Syllabic quantity is to be measured from the beginning of the vowel to the beginning of the next. When syllables are grouped to form a secondary rhythm, composed of feet or metra, this is done by an increase in the intensity of certain vowels. In other words, the intervals in secondary rhythm – the rhythm of feet – lie between stressed vowels or ictuses. Ancient verse proves to be accented as well as quantitative, such as modern European verse is undoubtedly quantitative, as well as accented

[Sturtevant 1923].

Количество слога следует измерять от начала [звучания] одного гласного до начала второго. Когда слоги сгруппированы для того, чтобы образовать вторичный ритм, составленный из стоп или метров, то это достигается увеличением интенсивности отдельных гласных. Иными словами, интервалы вторичного ритма – ритма стопы – лежат между ударными гласными или иктами. Получается, что античный стих как акцентен, так и квантитативен, подобно тому, как современный европейский является, несомненно, столь же квантитативным, сколь и акцентным

[Э. Стёртевант].

Как мы видим, ударению, по мнению Стёртеванта, принадлежит важная метрообразующая функция; однако и само ударение требует гармонизации в стихе [Sturtevant 1921]; эта гармонизация отчасти и выражается в том, что из ряда возможных вариантов постановки ударения выбирается всегда тот, который наиболее соответствует ритмике стиха: так, например, он признает [Sturtevant 1940: 209 sqq.], что для живой речи вполне мог бы быть допустим перенос ударения в сторону икта для таких выражений, как, например, *patér mī, uoluptás mea, apúd me*. Далее он публикует результаты собственного подсчета, проведенного на основании сравнительно небольшой выборки (порядка 500 стихов) из Плавта и Теренция. Основная идея – выявить степень несовпадения акцента в обычной речи и икта в поэзии относительно слов разной метрической структуры. Результаты он помещает в следующую таблицу (у меня – таблица 3.5.).

структура	◡◡	//◡	◡◡—	//◡◡	◡//◡	—//◡
икт в последовательности слогов	29%	57%	48.5%	74%	70%	53.5%
ударение в прозе	38%	84%	80.9%	98.3%	90.5%	63.8%
различие	9.5%	27.5%	32.%	24.3%	20.5%	10.3%

Таблица 2.3.2. Соотношение иктов и акцентов по Стёртеванту.

Из этого подсчета учёный делает следующий вывод: несовпадения акцента и икта в драматическом стихе происходят сравнительно нечасто и, как правило, их можно объяснить, если исходить из тех закономерностей переноса, которые были выявлены как им, так и Френкелем. Правда, учёный делает оговорку: акцент в греческие слова он "ставил" по латинским правилам, однако он считает, что если принять, его греческую постановку, то это всё равно мало изменит результат.

Стёртевант выводит основные закономерности того, как поэты добивались гармоничного звучания стиха:

- 1) гармонизация в конце стиха была выше, чем в начале;
- 2) они избегали односложных слов в конце стихов, чтобы не создавался перебой ритма;
- 3) неудобные с точки зрения соотношения акцента и икта слова (например, с анапестическим исходом) они ставили ближе к началу;
- 4) проводили замены совсем неудобных слов (самый «экстремальный» пример из Энния [*Ann. 78 Skutsch*]. – *induperātor* вместо *imperātor*) [Sturtevant 1919a; 1923].

Для гексаметра Стёртевант выводит закономерность, что совпадение иктов с ударениями было важно для поэтов преимущественно в начале и в конце стихов, тогда как в середине лёгкий разнобой помогал избежать монотонности. Он приводит обширный список различных авторов гексаметрических стихов с указанием на степень соотнесённости акцента и икта в заключительных стопах (*Ennius 92.8%*, *Lucilius 95.9%*, *Catullus 98.6%*, *Lucretius 97.7%*, *Cicero 98.6%*, *Vergilius 99.5%*, *Horatius 95%*, *Ovidius 99.6%*, *Lucanus 99.6%*, *Persius 98.1%*, *Iuuenalis 97.7%*, *Stattius 99.7%*, *Silius Italicus 99.7%*). Интересно отметить возрастание совпадений с течением времени.

Более того, растет число совпадений и в других позициях: если в четвертой стопе у Энния 39% совпадений, то у Катуллы – 67%; в первой у Энния – 67.8%, а у Овидия 80%.

Также интересны данные для 4-5 стоп каталектического стиха в дистихе: *Catullus* 37.9%, *Propertius* 87.1%, *Tibullus* 90.5%, *Ovidius* 99.2%, *Consolatio ad Liuiam* 99.2%, *Martialis* 88%. Последняя стопа могла иметь двусложное ударение (см. теорию Куриловича выше с. 39), чего, однако, Стёртевант не проверял.

Наконец, Стёртевант приводит свидетельства античных авторов, говоривших о возможной смене ударений в стихах и в прозе. Авл Геллий [VI, 7, 7] приводит мысль Проба о чтении строки Теренция [*Phorm.* 88]. Стёртевант указывает и на цитату из Квинтилиана [*Inst. Orat.* 1, 5, 28], говорившего, что финал стиха Вергилия [*Aen.* IV, 525] "...*pecudes pictaeque uolucres*" надо произносить с ударением на *uolúces*. Об этом учёный пишет:

Furthermore actually Quintilian tells us that the meter can change accent of a word!

[Sturtevant 1940: 210-211]

И более того, Квинтилиан совершенно ясно говорит нам, что структура метра может изменять ударение в слове!

[Э. Стёртевант]

Сказать по правде, восторг Стёртеванта, выраженный восклицательным знаком, здесь не вполне понятен, тем более, что речь идет об изменении ударения перед группой *mūta cum liquidā*, примеров которому масса. Однако факт остается фактом: гармония акцентов и иктов была важна особенно в конце стиха.

с. Критический анализ

Акцентно-иктовая теория царила в классической науке до середины XX в., пока её, дискредитированную своими собственными изъянами, не сменила восстановленная в своих исконных правах морово-квантитативная теория. Следует, однако, отметить, что главный недостаток учения Э. Френкеля, Э. Стёртеванта и их последователей состоит вовсе не в том, что ударение и икт совпадают не всегда:

беда его заключается в том, что любые попытки превратить реальные совпадения в общий закон приводят к неизбежному насилию над языковыми фактами. Мы уже видели, что правила постановки ударения в слове исправно действовали как раз во времена Плавта и Теренция, а потому приписывать им такие поэтические вольности, как, например, *filiás quaerit suas* или *immó* было бы странно.

Кроме того, как отмечал последовательный противник этой теории Чарльз Беннетт [Bennett 1898], теория иктов противоречива уже потому, что игнорирует квантитативность, составляющую главную особенность античного стихосложения. Однако причины, которые вызвали недоверие у сторонников икта по отношению к долготам и краткостям, понятны: незнакомые с учением о фонологических морях и вооружённые лишь фонетическими теориями Зиверса и Есперсена, они не находили в европейских языках соответствия, а потому и не могли поверить в то, что длительности, а точнее, фонологические длительности, способны создавать стихотворный ритм. Теория фонологических мор, распространившаяся благодаря работам Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого в середине века позволила разрешить это недоразумение.

Впрочем, на противоречие между иктовой теорией и описываемой ей реальностью указывали ещё и те, кто сами занимались активными подсчётами: например, тот же Лейдлоу отмечал, что латинское ударение хотя и часто совпадает с иктом, но делает это далеко не всегда [Laidlaw 1938]. Показательно, что последний крупный учёный, назвавший себя адептом этой теории, У. С. Аллен, постулируя акцентно-квантитативную теорию матриц, отказывается от мысли, что латинское ударение служит главным ритмообразующим фактором, требующим строгого чередования в стихе [Allen 1964]. В частности, он ссылается на примеры из английской поэзии, для которой характерно нарушение ритмического узора стиха (например: *burned áfter them to the bóttomless pit* [Milton. *Parad. Lost*. VI, 866]; ср. из Тютчева: «*пускай в душевной глубине встают и заходят оне безмолвно, как звёзды в ночи...*»⁴⁷).

⁴⁷ В том случае, если принимается чтение *заходят* и *звёзды*, хотя на этот счёт нет единого мнения. См. также в других редакциях этого стихотворения: «*и всходят и зайдут оне, как звёзды ясные в ночи*»

По мнению Аллена, природа латинского ударения сходна с природой греческого икта; совпадение и несовпадение икта и ударения создавало ритмическую «игру» стиха, которая в гексаметре, например, строится на чередованиях:

- 1) икта на акцентированном слоге;
- 2) икта на неакцентированном слоге;
- 3) ударения на тяжёлом слоге без икта;
- 4) отсутствием ударения на тяжёлом слоге без икта;
- 5) ударением на лёгком слоге;
- 6) отсутствием ударения на лёгком слоге [Ibid.].

Против акцентно-иктовой теории можно привести ещё и новые возражения. Хорошим примером можно признать и сделанное мимоходом замечание Консенция, похвалившего два стиха Вергилия:

Sine excusatione consistit uersus huius modi:

conditus in nubem medioque refulserit orbe
et *Tu quoque litoribus nostris Aeneia nutrix.*

Hi et alii tales non auctoritate aliqua praerogatiua artis aut consuetudinis defenduntur: nihil additum, nihil dectactum, nihil mutatum habent, sed iuxta communis linguae enuntionem integri nati sunt, neque ulla ex parte aliquid dubitationis admittunt
[Consentius K V, 398].

Стихи такого вида не требуют никакого оправдания {цит.}. Они и некоторые другие такие же не опираются ни на авторитет, ни на какое-то особое положение искусства или традиции: ничего к ним не добавлено, ничего у них не отнято, ничего в них не изменено, а наоборот – они рождены нетронутыми из привычного для нас языка и ни в каком смысле не допускают какого-либо сомнения [относительно правил их чтения]

[Консенций].

Шёлль [Schoell 1876: 29] пишет об этом: «*Hoc dicere non potuit Consentius, nisi cum Bentleio (Sched. d. m. Ter. p. XIX., ed. Lips.) 'conditus in núbem' et 'tu quoque litóribus' propuntiaret, non 'nubém' ac 'litoribús'.*» («Консенций не мог такого сказать, если бы не

произносил эти фразы так же, как учит Бентли (l.c.) – ‘*conditus in núbem*’ и ‘*tu quoque litóribus*’, а не ‘*nubém*’ и ‘*litoribús*’.») Тем самым, подтверждается мысль о том, что расхождение между акцентом и иктом ничуть не убавляет естественности стиха.

Мы видим, что объяснение латинского ритма, а тем более греческого, из акцентно-иктовой теории оказывается несостоятельным. Однако все недоразумения снимаются разом, если признать единственной составляющей стихотворного ритма упорядоченное чередование моровых последовательностей; главным отличием латинского стиха от греческого будет тогда то, что в последнем моры, будучи более упорядоченными во времени, формируют стих, основанный ещё и на чередовании длительностей, тогда как в первом мы видим простое взаимодействие двуморных и одноморных слов.

При таком понимании природы латинского стиха проблема соотношения акцента и «икта» должна быть перефразирована: ведь если считать, что ударение не образует первичного ритма, то почему же получается, что оно так часто попадает на «сильные» доли стиха? Этому можно дать два объяснения, и каждое из них не будет исключать другое.

Во-первых, такое совпадение в очень многих случаях может быть просто случайным. Всякий, кто сам пытался составить гексаметрическую строчку на латинском языке, знает, как трудно добиться расхождений между «иктом» и ударением в её конце: для этого последний слог её должен быть заполнен односложным словом, которых в латинском языке очень немного⁴⁸. Это происходит потому, что правила «иктирования» большинства размеров и правила постановки ударения сходны. Случайность совпадения подчёркивал и И. М. Тронский [Тронский 2001: §96], добавляя при этом, что чтение греческих стихов с расстановкой ударения по латинским правилам приведёт к тому же [Тронский 1953: 160-170]. Если же доба-

⁴⁸ Не более 300 [Панфилов 1973] на примерно 100,000 общего корпуса: т.е. «статическая» вероятность составляет ок. 0.03%. Поэтому весьма показателен пример Авсония, составившего небольшое стихотворение-упражнение, где каждое последнее слово гексаметра было односложным.

вить к этому правило, запрещающее разрыв минимальной просодической стопы, то тогда закрытыми окажется большинство случаев.

Во-вторых, вероятно и следующее: как уже было сказано выше, латинское ударение представляет собой некий ритмический центр слова и потому его соотношение с «сильным местом» стихотворной стопы может быть вызвано соображениями эвфонии, точно так же, как и то, что особое распределение ударений по стиху может быть продиктовано теми же соображениями. Однако это утверждение требует статистической проверки.

Акцентно-иктовая теория должна остаться в прошлом; однако это не означает, что все её положения не имеют никакой ценности. В частности, идея о возможной вариативности общего кульминативного ударения в группе слов требует детального изучения. Это выходит за пределы данной работы, однако неизбежно составит важную часть дальнейших исследований фразового ударения.

d. Акцентные латинские стихи

Существует также весьма распространённое мнение, в особенности поддерживаемое трудами Э. Палгрема [Pulgram 1975], что солдатские песни, цитируемые Светонием, представляют собой чистые акцентные стихи:

- 1 *Gallias Caesar subegit, Nicomedes Caesarem:*
- 2 *ecce Caesar nunc triumphat qui subegit Gallias,*
- 3 *Nicomedes non triumphat qui subegit Caesarem*

[Suet. Iul., 49].

и

- 4 *urbani, seruate uxores: moechum caluom adducimus;*
- 5 *aurum in Gallia effutuisti, hic sumpsisti mutuuum*

[Suet. Iul. 51].

Рассмотрим их с позиции уточнённой моровой теории. Мы видим, что чисто акцентными называть такие стихи нельзя: для этого, необходимо, чтобы они, во-первых, не содержали в себе перебоев икта и ударения, которых здесь два (*subêgit* 1; *urbânî* 4); во-вторых, нужно, чтобы и лёгкий слог, находящийся под ударением, мог выступать ритмически сильной долей, как, например, в позднелатин-

ских стихотворных надписях из Африки: *felix pater habes* [CLE 1975] и *laudantur boni* [CLE 2094] – размер: акцентный трохей. Единственный пример из текстов солдатских песен – слово *effutisti* – гораздо правильнее было бы расценивать как подмену трохея дактилем, что ещё более укрепляет веру в метричность всех этих стихов.

Вообще веским аргументом против всяких акцентно-иктовых взглядов на классическую латинскую поэзию, в особенности «народную», будет то, что в позднеантичный период латинский стих вышел не акцентным, как могли бы предполагать Френкель, Стёртевант и Палгрэм, а *силлабическим* (см., например, стихи Пруденция). Современные романские языки, в частности испанский, также относятся не к языкам, ритм которых строится из акцентных стоп (“stress-timed languages”), но к «слогоритмическим» (“syllable-timed”) [Hoequist 1983]. Всё это подтверждает мысль о том, что ударение в латинском языке классической эпохи было вторичным по отношению к слоговому ритму и организующим началом стиха быть не могло. Эти соображения даже позволили некоторым филологам прийти к парадоксальному выводу, что “the Latin language of the classical period was absolutely unstressed” [Bennett 1898]. Впрочем, мы уже видели, что этот взгляд на природу латинского ударения следует тоже считать крайностью.

2.4. ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ И ВОКАЛИЧЕСКИЕ МОРЫ

2.4.1. Взаимодействие силлабических и вокалических мор

В одном из предыдущих разделов главы (с. 84) было показано, что феномен вокалических мор есть частный случай мор силлабических, который наблюдается в том случае, если двуморный слог имеет способность члениться во времени. В одних языках, таких как японский, эскимосский, это происходит, насколько известно, всегда, в других, как древнегреческий, – регулярно или иногда, в третьих, как арабский, – не происходит вовсе.

От вышеперечисленных языков, имеющих оппозицию по весу (т.е. «некульминативную корреляцию геминации») следует отличать так называемые языки с кульминативной мелодической корреляцией – литовский, словенский, сербо-хорватский и ряд других, где моровое противопоставление существует только в составе акцентного контура слова. В большинстве таких языков двуморные слоги фонологически противопоставляются одноморным только под ударением, поскольку критерий моровости в них и есть выделение ударением одной из частей слога⁴⁹.

Для того, чтобы наглядно представить себе, как комбинируются друг с другом вокалические и силлабические моры, рассмотрим краткие правила древнегреческого ударения. В этом языке временная членимость двуморного слога фонологически видна только при соблюдении двух условий: (1) слог должен иметь долгий (двуморный) слогиноситель – т.е. последовательное воспроизведение во времени двух мор короткого закрытого слога, как это происходит, например, в эскимосском языке [Nagano-Madsen 1990], фонологически недоказуемо; а доказуемо оно только в том случае, когда (2) долгий двуморный слог эксплуатируется греческим ударением. Причём важной особенностью греческого ударения является то, что вокалические моры фонологичны не только в ударном слоге (как это бывает, например, в словенском языке), но ещё и в последнем. Это видно из примеров

⁴⁹ В словенском все безударные слоги одноморны; в кашубском все ударные двуморны [Трубецкой 2000: 220]. В различных сербохорватских говорах безударная долгота допустима по разным данным лишь в некоторых позициях – обычно сразу перед ударением или после него [Николаева 1996: 177]. См. также [Нахтигал 1963: 176-191]. В литовском языке интонации безударных слогов выравниваются по направлению к ударному (правило Бути): «в неударных слогах интонации не обозначаются по той причине, что они и без того ясны. Обычно все долгие слоги перед ударением имеют сильноконечную интонацию, а заударные – сильноначальную» (В. Камантаускас, цит. по [Степанов 1997]). Последнее очень напоминает древнегреческий акцентный контур по реконструкции Девайна и Стефенса.

δῶρον и *δῶρον* соответственно. При этом очевидно, что фонологическая членимость последнего (заударного) слога исключает фонологическую членимость ударного и наоборот: иначе был бы допустим вариант **δῶρον*, который должен был бы фонологически противопоставляться слову *δῶρον*. Получается, что возможная членимость долгого слогоносителя в ударном слоге и она же в безударном последнем находятся друг с другом в отношениях дополнительной дистрибуции, подобно /u/ и /y/ в русском языке. Из этого наблюдения с неизбежностью следует вывод о том, что членимость на вокалические моры в древнегреческом языке возможна только в одном-единственном слоге слова, которым может быть либо последний слог, либо ударный. Все прочие слоги, как силлабически двуморные, так и силлабически одноморные с точки зрения греческого ударения выглядят как нечленимые, а значит вокалически одноморные. Если применить к морам нотные символы, но вокалические моры можно изобразить в виде мелодической последовательности из двух одинаковых нот (а), а силлабические – в виде созвучия, из тех же нот построенного (b), или одной «нечленимой» ноты удвоенной длительности (с):

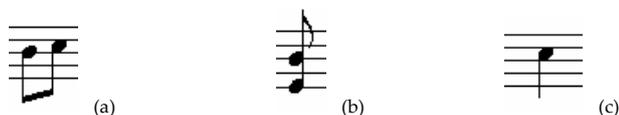

Рис. 2.4. Иллюстрация временной членимости слога

При этом нечленимое во времени силлабически двуморное «созвучие» воспринималось греческим ударением аналогично вокалически одноморной последовательности⁵⁰. Такое понимание в значительной степени расходится с теориями, критикуемыми И. М. Тронским [Тронский 1962: 51, прим. 7]. В частности, Ж. Вандриес, весьма близко подошедший к разрешению проблемы «четвёртой моры» (т.е. ударения типа *ἄνδρωπος*), говорит о том, что с точки зрения тонической длительности второй слог этого слова равносильен одной море (что правильно) [Vendryès 1945: §55, §57]; однако неразделение силлабических и вокалических мор как

⁵⁰ Ср. описанный выше моровый счёт для *Mūsāque*, метрически и ритмически трактуемое по-разному.

нечленимых и членимых единиц не позволило ему убедительно объяснить, почему один конкретный слог греческого языка, будучи «долгим», на деле оказывается «кратким». Это и вызвало справедливое возмущение И. М. Тронского, который, однако, не предлагает никакого другого объяснения, кроме правила Р. О. Jakobsona [Jakobson 1937/1962], говорившего о том, что «*гласные моры, находящиеся между ударной морой и конечной гласной морой слова, не могут принадлежать двум разным слогам*»⁵¹. Однако и Jakobsonу сильно мешало традиционное понимание мор, представляющее их в виде ряда последовательно идущих элементов слога; но если мы, продолжая линию Трубецкого, откажемся от этого как от обязательного условия, то станет очевидным, что непринадлежность двух мор разным слогам есть как раз *следствие запрета на членимость* моровой последовательности. Это отчасти пытались формализовать и Е. Курилович, вводя правило «конечного ансамбля» [Kuryłowicz 1958: 107], и У. Аллен, не вполне точно говоривший о том, что для древних греков было важно не число заударных слогов, но их общая длительность [Allen 1973: 237 sqq.].

Описание греческого ударения в терминах силлабических и вокалических мор представляется поэтому более простым и естественным. Мы признаём, что все тяжёлые слоги силлабически двуморны, а некоторые из них могут быть двуморными ещё и вокалически. Таким образом, второй слог слова *ἄνθρακος* тяжёлый и тем самым силлабически двуморный – в этом он полностью тождественен первому слогу того же слова (*ἄνθ-*); при этом они в равной степени вокалически одноморны⁵². Первый слог слова *δῶρον* тоже тяжёлый и тоже силлабически двуморный; но ко всему прочему он ещё и членимый во времени, а значит – и вокалически двуморный. Точно таким же будет и последний слог слова *δῶρον*; однако ударный слог в нём, хотя и будет членим, но члениться будет условно: он содержит одну полную вокалическую мору и одну нулевую (по словам А. Мейе, «мёрт-

⁵¹ Русский перевод цитируется по И. М. Тронскому.

⁵² Предвидя возможные возражения, ещё раз подчеркну, что оба эти слога предполагается считать *вокалически* одноморными не потому, что они «краткие» – они «долгие»! – но потому, что они оба нечленимы во времени.

вую» [Тронский 1962: 50]), поскольку будучи долгим слог не допускает циркумфлекса: $\delta\{\emptyset\}\rho\{\emptyset\}v$.

Получается, что в ионийско-аттическом диалекте греческого языка полным вокалически двуморным слогом (т.е. имеющим две полных вокалических моры) мог быть только один слог в слове – или последний, или предпоследний ударный, что как раз вполне удачно сочетается с теорией особого статуса последнего слога или кульминативной функцией ударения.

Итак, существованию вокалических мор лишь в отдельных слогах древнегреческого слова могут быть приведены следующие доказательства:

- 1) *из фонологии ударения*, как об этом уже сказано выше;
- 2) *от противоположного*: фонологическая членимость неконечных безударных слогов очевидно недоказуема;
- 3) *из индоевропейской типологии*: членимость таких слогов (см. п. 2) недоказуема и для других индоевропейских языков, имеющих музыкальное ударение, – например, «в словенском языке все безударные слоги являются одномерными» [Трубейской 2000: 220]; вообще, как было сказано выше, тотальная морометрия индоевропейским языкам не свойственна;
- 4) *из действия эпического сокращения*: М. Уэст [West 1982: 12] приводит 38 «наглядных» (“overt”) примеров эпического сокращения, когда слог, традиционно считающийся в языке «долгим», занимает в метрике одноморную позицию; из них только один (!) случай $\delta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ представляет более или менее бесспорный пример сокращения вокалически двуморного гласного – все прочие 37 случаев, в особенности сокращения η и ω происходят исключительно тогда, когда эти фонемы занимают вокалически одноморные позиции: $\eta\rho\omega\epsilon\varsigma$ [Tyrt. 17], $\delta\eta\acute{\iota}\omicron\iota\omicron$ [Hom. Ilias, 2, 415], $\Theta\rho\eta\acute{\iota}\xi\iota\nu$ [Arch. 93, 6] etc. Очевидно, что структуру, схематично представленную на рис. 2(b) или даже 2(c) проще представить как метрически одноморную единицу, нежели последовательность типа 2(a).

Основные правила греческого ударения для этого диалекта можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Место ударения исконно определялось как счётом вокалических мор, так и счётом слогов (ср. [Касевич 1997]).
2. Вокалических мор в слове столько, сколько в нём гласных, или на одну больше⁵³.
3. В последнем случае дополнительная мора может прирастать за счёт членения одного из слогов – или последнего слога, или ударного.
  - a. Последний слог вокалически членим, если содержит долгий гласный⁵⁴: *λόγων*.

NB (3а'): членимость последнего слога может иногда наблюдаться также в том случае, если он, имея краткий гласный, закрывается группой *согласный + s* (т.е. *ψ* или *ς*): *φιλοκόλας*. Это явление, именуемое законом Гудвина, объясняется, очевидно, повышенной длительностью консонантной группы с *s* [Златоустова et al. 1997: 81]; следует отметить, что античные грамматики относили *σ* к полугласным звукам.
  - b. Ударный слог вокалически двуморен, если (1) содержит долгий гласный, и при этом (2) он второй от конца, а (3) последний слог слова вокалически одноморен: *δήμος*⁵⁵. В дорийском диалекте следует признать обратный (в отличие от ионийского) порядок следования нулевой и вокалической моры (*ῶ*: *δαῖμος*) [Тронский 1962: 92-94]; впрочем, можно предположить, что членимости гласного в таких случаях не происходило.
4. Существовали две акцентные парадигмы: *окситоническая* и *баритоническая* (ср. [Дыбо 1961; 1963]).
5. Окситоническая всегда сохраняет ударение на последнем слоге: *καλός*. Если он, будучи одноморным в начальной форме, становится двумор-

⁵³ При этом «нулевая» мора, будучи всего лишь признаком значимого отсутствия полной вокалической моры, при подсчёте не учитывается.

⁵⁴ Кроме случаев количественной перестановки, где его долгота была вызвана вторичными причинами: *πόλεως < πόληος*.

⁵⁵ При несоблюдении последнего условия ударный слог может содержать ещё только нулевую мору.

ным при словоизменении, то ударение, стремясь оставаться на той же мере, будет образовывать циркумфлекс: *καλοῦ*.

В эолийском диалекте окситоническая парадигма за некоторыми особыми исключениями не действует [Тронский 1962: 96].

6. Баритоническая парадигма предполагает ударение на третьей вокалической мере⁵⁶ от конца; при этом греческий язык предпочитает, чтобы эта мера по возможности находилась ещё и в третьем слоге: *ἄλογος*, *ἄνθρωπος*. Однако примерно в трети случаев вокалически двумерным оказывается второй от конца ударный слог: *γλυκεῖα*. Выбор того или иного слога обуславливается причинами, лежащими вне классической греческой акцентной синхронии.

Слова 3-го склонения, у которых в начальной форме последний слог двумерен и акутирован, могли представлять как окситоническую (*πατήρ*, *πατρός*), так и баритоническую (*σωτήρ*, *σωτήρος*) парадигмы. Односложные слова такого вида имели прямые падежи в баритонезе и косвенные в окситонезе (*θήρ*, *θηρός*, *θήρα*).

Таковы были древнейшие правила греческого ударения. Но со временем к ним добавились ещё и новые, основанные уже на счёте не вокалических, но силлабических мер. Для аттического диалекта ими стали 1) закон Уилера для окситонической парадигмы и 2) закон Вандриеса для баритонической.

7. Первый предполагает перенос окситонного ударения на второй слог в словах дактилического исхода: *παρθένος* < *παρθενός; *Ρωμύλος* < *Ρωμυλός.
8. Второй предполагает перенос ударения на третий слог в словах амфибрахической структуры: *βέβαιος* < *βεβαῖος (но *ἀρχαῖος*). Однако если принять во внимание всё сказанное выше о силлабических и вокалических мерах, то удивительным покажется не сам перенос ударения, но отсутствие переноса в словах типа *ἀρχαῖος*. Дело в том, что почти все прочие варианты исхода греческого слова для баритонической парадигмы также предполагают ретракцию ударения, вызванную в каждом случае своими

⁵⁶ За исключением некоторых отдельных случаев: см. п. 10.

правилами. В самом деле: последовательность $\underline{\sim} \sim$ и $\sim \underline{\sim}$ подчиняется правилу 6, $\sim \underline{\sim}$ – описываемому закону Вандриеса, и лишь $\underline{\sim} \sim$ (*ἀρχαῖος*) ведёт себя по-особому, препятствуя перемещению ударения. Получается, что скорее этот случай, а не сам «закон Вандриеса», должен рассматриваться как акцентный закон.

9. Наконец особыми для греческого ударения оказываются те случаи, когда на него накладываются дополнительные ограничения, связанные с уже другими процессами – морфологическими и т.д. Сюда следует, по всей вероятности, относить такие случаи, как, например, различие в ударении аористных императива и инфинитива (*παίδευσαι/παιδεῦσαι*) или колумниальное ударение в ряде слов 3-го скл. (как *ὀδούς, ὀδόντος* и в особенности в причастиях: *λυθέντος, λυθέντες*, см. ниже) и т.д.

У окситонических в начальной форме слов 3-го склонения косвенные падежи, образованные за счёт приращения дополнительного слога, имеют естественную баритонезу (*ὀδούς, ὀδόντος; σωτήρ, σωτήρος*) – при этом ударение во всей парадигме стремится сохраняться на одном и том же слоге словоформы вследствие принципа колумниальности. См. также [Тронский 1962: 87 sqq.].

Все эти явления не противоречат основным правилам ударения, однако имеют ограничение крайней позиции баритонезы.

Итак, мы видим, что вокалические моры греческого языка есть порождение его же силлабических мор – иными словами, вокалически двуморная длительность есть (за редчайшими исключениями) один из возможных способов проявления фонологического веса, заключающийся во временной членимости слога. Теперь необходимым для нас будет рассмотреть вопрос о том, сочетается или не сочетается греческая акцентная модель с латинской.

2.4.2. Латинское и эолийское ударения

Сопоставление латинского и эолийского ударений имеет к настоящему времени весьма прочную традицию. Одним из первых на таком сопоставлении начал настаивать И. М. Тронский, пытавшийся вывести учение о латинском циркумфлексе из эолийской баритонезы [Тронский 1951]. В своих изысканиях учёный

опирался на цитату из десятой книги Афинейя «Пирующие софисты» [Deipnosoph. X, 24 Kaibel], приведённую в следующем виде «(Ρωμαῖοι) πάντα τοὺς Αἰολεῖς μιμούμενοι, ὡς καὶ κατὰ τοὺς τόνους τῆς φωνῆς» [Тронский 1962: 96, прим. 21]. По мнению И. М. Тронского, баритонность эолийского диалекта «явилась одним из оснований для распространённой у древних авторов теории, будто латинский, который тоже не имеет ударения на последнем слоге и, стало быть, является “баритоничным”, представляет собой не что иное, как ответвление эолийского диалекта». Указанная цитата Афинейя приводится как подтверждение этого взгляда, а сам автор «Пирующих софистов» называется последователем «небольшой группы греческих грамматиков (Филоксен, Дидим), которая вступила на необычный для античной науки путь сопоставления языков греческого и латинского с тем, чтобы делать отсюда выводы исторического характера» [Ibid.].

Идею И. М. Тронского продолжает и Т. А. Карасёва [Карасёва 1987: 108], приводящая ещё ссылку на Дионисия Галикарнасского [Antiquit., I, 90], в которой говорится о том, что латинский язык есть смесь варварского и эолийского, из-за чего, собственно, римляне неверно произносят многие звуки. Исследовательница приводит далее таблицу расположения ударений в эолийских и латинских словах разных типов:

№ акцентного типа	Модель ударения	Эолийские диалекты древнегреческого языка	Латинский язык
1	◡ ×	σόφος, σόφων	nóvus, nóvōs
2	—	Πήλευς	díves
3	≈ ◡	θῦμος	mêta
4	× ◡	πόταμος, Ἀφρόδιτα	équitus, Ovídíus
5	× —	Ποσειδαν, δυνάτω	fínitur, válidō
6	◡	Πάν	pár
7	≈	Σδεῦς	rês

Таблица 2.4.1. Эолийские и латинские акцентные типы по Т. А. Карасёвой

Следует сразу признать, что такое оригинальное сопоставление интересно уже постольку, поскольку открывает для нас новый ракурс исследования. Т. А. Карасёва пишет, что «подобные соответствия... рассматриваются здесь только как ти-

пологические» [Ibid.]. И действительно, если заменить неудачный пример в №6 *par* (в котором на самом деле содержится долгий гласный) на, скажем, *сῶr*, то приведённые примеры и действительно будут обнаруживать известные сходства в позиции ударного слога. Однако некоторое сомнение вызывает термин *типологический* – ведь он предполагает не просто некоторую схожесть двух явлений, но *закономерное соответствие*. Поэтому, если говорить о природе ударения как о функции его позиции, то тогда мы с неизбежностью должны говорить о типологическом сходстве природы латинского и эолийского ударения.

Но здесь в первую очередь здесь следует обратить внимание на акцентные типы №3 и №5, обслуживающие такую пару как *θῦμος* и *θύμων*. Действительно, эолийское ударение нефонологично в том смысле, что оно, будучи связным, не способно обеспечивать смысловые различия в минимальных парах наподобие аттических *φῶς/φῶς*, оба члена которой будут иметь в эолийском диалекте облечённое ударение. Но нефонологичность ударения не обязательно приводит к нефонологичности и вокалических мор, его определяющих. Приведённая выше пара *θῦμος/θύμων* доказывает как раз обратное. Мы видим, что второй слог от конца оказывается членом в случае одноморности последнего и, наоборот, сам оказывается вокалически одноморным в том случае, если последний двуморен; при этом корреляция акута и циркумфлекса на втором слоге даёт нам понять, что мы имеем дело с различием последовательностей *όο/όό*⁵⁷. Из правила сформулированного выше (с. 85) следует, что эолийское ударение всё равно моровое и имеет только баритоническую парадигму.

Т. А. Карасёва справедливо замечает, что именно моровая длительность последнего слога придаёт греческому ударению музыкальность; однако именно это обстоятельство и заставляет говорить о принципиальном отличии латинской акцентной системы от эолийской. Мы уже видели (с. 106), что последний слог латинского слова ещё в доклассический период имел тенденцию к удлинению; в

⁵⁷ Существование нулевой вокалической моры здесь нам с неизбежностью приходится признать потому, что в противном случае нам пришлось бы говорить или о циркумфлексе * *θύμων*, или о полной (силлабической) одноморности слога * *θῦ-*. См. также с. 85.

классическую эпоху к этой тенденции стала добавляться другая: долгие гласные в тяжёлых слогах имели обыкновение несколько сокращаться, что приводило к тому, что последний слог слова оказывался склонным к постоянному фонологическому весу. Так или иначе, место ударения в латинском языке не определялось весом последнего слога ни в доклассический период, ни тем более в классический, когда правило 2/3 слога не действовало вовсе.

Если рассмотреть в этой связи типы Т. А. Карасёвой, то мы увидим, что, например, слово *mêta*, выделенное исследовательницей циркумфлексом, есть совсем не то, что стоящее рядом $\theta\tilde{\upsilon}\mu\omicron\varsigma$: ударение в слове *mē.ta*, есть то же, что в *mē.tae* и то же, что в *mēs.sor*. Поэтому, пытаясь описать ударение через вокалические мор (например, по правилу Якобсона, на которого ссылается Т. А. Карасёва), мы увидим, что в слоге с долгим гласным ударение с неизбежностью будет оказываться на первой море, вызывая циркумфлекс, точно так же, как и на первой и единственной море краткого гласного (*mēs.sor*, *mē.tō*). Последовательность {óó} оказывается в таких случаях комбинаторным вариантом {ó} на долгом гласном, и необратимость её в *{óó}⁵⁸ будет доказывать её нечленимость. Единственное, где можно такую членимость заподозрить – это случаи типа *dō.ci.lis* и *uic.tō.ri.a*, где в одном случае можно предположить ударение на первой (и единственной) «море» слога *dō-*, а в другом – на второй в *-tō-*. Но здесь не следует забывать, что место латинского ударения определяется не вокалическими морями, как в греческом, а силлабическими – вокализацию которых мы можем лишь предполагать; поэтому говоря о вокалической членимости третьего от конца двуморного слога в этих примерах, мы с неизбежностью должны признать, что и в слове *pōs.ci.tus* под ударением должна оказываться консонантная группа, что противоречит действительности.

Т. А. Карасёва предлагает не учитывать консонантную группу в таких случаях и признавая, что динамическая сторона латинского ударения была сильнее выражена, чем музыкальная, предполагает, что «в этих словах⁵⁹ под ударением были во-

⁵⁸ Акцентуация римских грамматиков будет рассмотрена в своём месте.

⁵⁹ *potentia, prouerbium, sapientia*.

кальные моры, предшествующие сонанту» [Ibid.: 105]. Однако такой вывод представляется нелогичным.

Во-первых, из правила МакКарти-Принса становится понятным, что любое просодическое явление должно последовательно описываться в терминах одних каких-то единиц: так что определять место латинского ударения в терминах (силлабических) мор, то тогда признание рецессии ударения ещё на одну «мору» (или тем более фонему) назад приведёт к нарушению этого принципа: ведь всякая вокалическая мора в таких языках, как латинский и греческий, силлабична, но не всякая силлабическая вокалична. Надо сказать, что тем же самым недостатком грешит и формулировка В. Б. Касевича [Касевич 2000].

Во-вторых, наблюдается противоречие между этой мыслью и цитатой ниже, где речь идёт о длительности последнего слога в классическую эпоху: *«до тех пор, пока изменения конечного “долгого” слога осуществлялись лишь при условии сохранения его двухморности..., можно говорить, что элементы музыкального ударения сохранились в латинском языке. Но когда тенденция к сокращению конечного слога стала приводить к утрате второй моры, следует считать, что в этот период в латинском языке возобладали элементы динамизма.»* [Карасёва 1987: 109] (подчёркивание и кавычки мои – А. Б.). Поэтому если латинское ударение времён Цицерона было моровым, а значит, имело перепад тона в слоге, то неправомерна мысль на с. 105; если динамическим (в том смысле, как это сказано выше [Карасёва 1987: 94]), а значит не отличалось этими явлениями, – то неправомерно говорить ни о вокалических морах, ни о переносе *«силового ударения на слог, содержащий мелодически повышенную мору»* в поэзии [Ibid.: 110], ни тем более о серьёзных «типологических» сходствах с эолийскими диалектами.

Все эти противоречия можно легко разрешить, если описывать фонологию латинского ударения так, как предлагал Н. С. Трубецкой: как занимающее слог, содержащий «ударную» мору. Определяемое таким образом латинское ударение будет типологически (в самом прямом смысле) близко не эолийскому, но арабскому, также основанному на счёте силлабических мор, но которое при этом покрывающее весь слог [Шагаль et al. 1983: 17-19] – единственным серьёзным отличии-

ем будет то, что арабский язык, помимо тяжёлых и лёгких слогов, различает и фонологические перегруженные («сверхдолгие»), которые, очевидно, надо считать трёхморными.

В связи с этим приходится признать, что сопоставления эолийской и латинской акцентных систем – основания для которых, без сомнения, всё же имеются, – скорее наоборот будут приближать эолийскую систему к «динамическим», нежели латинскую систему к «тональным». Впрочем, на раннее ослабление моровой оппозиции в эолийском указывал и сам И. М. Тронский [Тронский 1962: 97].

В заключении хочется вернуться к приведённой Тронским цитате из Афиня. Вот она в более полном виде. Речь идёт, как это ни кажется неожиданным, о приучении юношей к вину:

... καὶ Εὐριπίδης δ' ὁ ποιητὴς ἐν παισὶν ᾠνοχόησε. Θεόφραστος γοῦν ἐν τῷ περὶ μέθης φησὶ [fr. 119 W] 'πυνθάνομαι δ' ἔγωγε καὶ Εὐριπίδην τὸν ποιητὴν οἰνοχοεῖν Ἀθήνησι τοῖς ὀρχησταῖς καλουμένοις. ὠρχοῦντο δὲ οὗτοι περὶ τὸν τοῦ Ἀπόλλωνος νεῶν τοῦ Δηλίου τῶν πρώτων ὄντες Ἀθηναίων καὶ ἐνεδύοντο ἱμάτια τῶν Θηραϊκῶν. ὁ δὲ Ἀπόλλων οὗτός ἐστιν ᾧ τὰ Θαργήλια ἄγουσι, καὶ διασώζεται Φλυῆσιν ἐν τῷ δαφνηφορείῳ γραφῆ περὶ τούτων.' τὰ αὐτὰ ἱστορεῖ καὶ Ἰερώννυμος ὁ Ρόδιος Ἀριστοτέλους ὡν μαθητὴς, καὶ οὗτος ἐν τῷ περὶ μέθης. Σαπφῶ τε ἡ καλὴ πολλαχοῦ Λάριχον τὸν ἀδελφὸν ἐπαιεῖ ὡς οἰνοχοοῦντα ἐν τῷ πρυτανείῳ τοῖς Μυτιληναίοις. καὶ παρὰ Ῥωμαίοις δὲ οἱ εὐγενέστατοι τῶν παίδων τὴν λειτουργίαν ταύτην ἐκτελοῦσιν ἐν ταῖς δημοτελέσι τῶν θυσιῶν, πάντα τοὺς Αἰολεῖς μιμούμενοι, ὡς καὶ κατὰ τοὺς τόνους τῆς φωνῆς

[Athen. Deipnosoph., X, 24].

... И поэт Еврипид бывал виночерпием среди юношей. По крайней мере, Теофраст в книге о пьянстве говорит: «Я-то уж знаю, что и поэт Еврипид в Афинах разливал вино тем, которые называются орхестами. А они, происходящие от первых из афинян, танцевали перед храмом Аполлона Делия и одевали наряды терейцев. Аполлон же этот – тот самый, в честь которого празднуются Таргелии, и во Флиях сохраняется в дафнофории запись об этом». То же самое рассказывает Иероним Родосский – тот, который ученик Аристотеля – ну и этот [т.е. Теофраст] в книге о пьянстве. Да и прелестная Сапфо всегда хвалит брата Лариха как виночерпия в митиленской притании. И у римлян самые благородные из юношей устраивают такую же церемонию во время общественных жертвоприношений, подражая эолийцам во всём, даже в звуках голосов

[Афиней].

Из полностью приведённой цитаты видно, что слово μιμούμενοι относится у Афиня к οἱ εὐγενέστατοι τῶν παίδων, что уже вызывает сомнения в правильности

её истолкования. Что же касается «регистров голосов», то настаивать на том, что речь здесь идёт именно о характере латинского ударения, было бы весьма странно: ведь речь здесь может идти и о песнях, исполняемых во время этой винной церемонии, и о ладах музыки, её сопровождающей, и т.д. Кроме того, стоит заметить, что слово *φωνή* в греческом языке (в отличие от *φθόγγος*) гораздо чаще используется в значении ‘нечленораздельный звук’ – как мычание коровы, крик толпы или жужжание ткацкого челнока: cf. *ἡ δὲ φωνὴ ψόφος τις ἐστὶν ἐμψύχου* [Arist. *De anima* 420^b], также словарь Лиддела и Скотта. Подробный комментарий на эту тему можно найти и у Гауденция в его «Введении в учение о музыке» [Harm. *Isagoge*, pp. 328-329 Jan]. Поэтому делать далеко идущих выводов из этой цитаты, видимо, не стоит.

2.4.3. Вокалические моры в диахронии

а. Классическая эпоха

Изучение вокалических мор и всех изменений, их затрагивающих, оказывается почти единственным способом, позволяющим нам понять природу латинского ударения в определённые периоды его истории. Мы уже неоднократно убеждались, что степень централизации ударения в слоге («сильная/слабая» в терминах Шмитта) или место его локализации («слог/мора» в терминах Якобсона) существенным образом определяют и природу ударения. Если оно занимает вокалическую мору (или даже группу мор), вызывая тем самым перепад тона/силы в слоге, то такое ударение с неизбежностью придётся считать музыкальным, сколько бы динамизма в нём ни было. Интересным примером здесь может быть сербский язык, ударение которого по своим акустическим свойствам сильно напоминает динамическое (в частности, ударный гласный удлиняется на 50%), однако его моровое местоположение заставляет считать его типологически музыкальным [Lehiste & Ivič 1978; Николаева 1997: 125-126]. С другой стороны, ударение литературного сербохорватского языка 30-х, описанного Н. С. Трубецким [Трубецкой 2000: 225-226], должно быть признано динамическим только потому, что при всём многообразии своих тональных проявлений оно неспособно вызывать корреляцию

слов и тем самым различать вокалические моры. В итальянском и немецком языках по некоторым данным [Collier 1991] повышение тона на ударном слоге составляет 6 и 7.5 полутонов соответственно, однако такое ударение всё равно не может считаться музыкальным по той же самой причине – при том, что в древнегреческом повышение тона составляло 7 полутонов (квинту) [Dionysius Halic. *De compositione uerborum*, 11, 73].

Из всего сказанного выше становится понятным, что латинское ударение классической эпохи следует определять как динамическое – но не потому, что «динамическая сторона ударения была выражена ярче, чем музыкальная» [Тронский 1966], хотя это, вероятно, было так, а потому, что для языка той поры не возможно подобрать фонологическую оппозицию по вокалическим морам. Латинский язык с ударением такого типа должен сопоставляться не с языками, имеющими мелодическую корреляцию слогов, как греческий или литовский, но с теми, в которых есть только некульминативная корреляция по геминации – наподобие арабского или датского. Эти моросчитающие языки имеют силовое ударение.

Чтобы ответить на вопрос, когда латинское ударение стало таковым, будем двигаться назад по шкале истории латинской просодии.

b. Эпоха «начальной интенсивности» и редукции

В настоящее время в науке имеется довольно мало сомнений по поводу того, что причиной редукции латинских гласных, происходившей в V-IV вв., было динамическое ударение, покрывавшее первый слог слова [Карасёва 1987: 103 sqq.; West 1982: 187; Allen 1969]. Контраст между ударным и неударным слогом был столь силён, что краткие гласные и дифтонги подвергались сильному количественному и качественному изменению. Объяснение редукции через «начальную интенсивность» (*netteté*), весьма распространённое среди французских теоретиков начала века [Niedermann 1945 = Нидерман 2001; Juret 1938], следует считать неубедительным из-за отсутствия типологических подтверждений, а также просто потому, что «замедленное и чёткое произношение», вполне может рассматриваться как проявление динамизма ударения.

Неубедительно также и их традиционное возражение против ударения как главного фактора редукции, основанное на том, что латинская редукция в отличие от русской была сужающей, а не расширяющей [Нидерман 2001: 22; Тронский 2001: §96], поскольку существуют языки, в которых динамическое ударение вызывает редукцию именно такого рода: к ним относится, например, болгарский язык – как литературный, так и в особенности его балканские диалекты. Редукция есть в большинстве восточных говоров – в мизийских, рупских, балканских; в последних она наиболее сильна. Западные говоры, в том числе софийский, редукцией не отличаются [Стойков 2002: 211-212].

Краткие гласные и дифтонги в редуцируемых слогах по традиционному объяснению [Тронский 2001: §§140-156] изменяли свой тембр в зависимости от консонантного окружения и типа слога: например $\check{a} > \check{i}$ в открытом слоге (*occīpiō*), $\check{a} > \check{y}$ нерегулярно в открытом слоге перед губными (*occīpō*), $\check{a} > \check{e}$ в закрытом слоге (*accēptō*); дифтонги *ai* и *ae* (с первым кратким компонентом) редуцировались в $\check{u}$ (*accūsō*) и (*occīdō*) соответственно; см. также [Leumann & Hofmann 1963]. Такое объяснение, без сомнения отражающее основные латинские фонологические процессы, всё же не вполне хорошо действует в случаях редукции гласных в тех словах, где они изначально были узкие.

Например:

<i>cinīs</i> (*cēnis, греч. κόνις, κόνιος)	→ <i>cinēris</i> ;
<i>pecūs</i> (санскр. पशु राक्ष)	→ <i>pecōris</i> ;
<i>capīō</i> (cf. κάπτω <*καπίω)	→ <i>capēris</i> etc.

Теория реверсии гласного – т.е. перехода $\check{i} > \check{e}$ перед ротакизированным *s* [Тронский 2001: §117] всё равно не позволяет избежать конфликта с реально имеющимися фактами языка: если редукция предполагает сокращение и связанное с ним качественное изменение гласных, то совершенно непонятно, почему редуцированный гласный оказывается более полным, чем нередуцированный?

С другой стороны, вызывает ряд вопросов и редукция дифтонгов: ведь если для классического языка формы *laudis* и *lūdis* просодически и ритмически тождественны (указания на обратное нет и у античных грамматиков), то закон редукции

говорит о нетождественности форм для времени его действия: дифтонгические формы редуцируются подобно кратким, тогда как долгие монофтонги редукции не подвергаются. Тем самым, для этого периода латинской истории есть все основания говорить о двух различных фонологических оппозициях: по весу и по долготе. Получается следующая картина:

долгота		вес
долгие	<i>ā</i>	тяжёлые
краткие	<i>ae</i>	
	<i>ǣ</i>	лёгкие

Таблица 2.4.2. Соотношение долготы и веса в эпоху редукции⁶⁰

В связи с этим кажется гораздо более правдоподобным объяснение законов редукции, предложенное А. Е. Кузнецовым [Кузнецов 1997]⁶¹. По этой теории все недолгие слононосители – т.е. краткие гласные и дифтонги – превращались в редуцированный гласный, который в определённых позициях приобретал тембр в зависимости от окружения. Этим хорошо объясняется феномен таких слов как *capĕris* или *capĕre*.

редуцированный гласный	α		
варианты редуцированного гласного	ε	ι	υ
их представление в классическом языке	ĕ	ĭ	ĭ
позиционные условия такого представления	в закрытом слоге и открытом перед r	в открытом слоге не перед r	точно не определена, но иногда появляется в открытом слоге перед губными
Примеры	* <i>ad-fāctum</i> → <i>affectum</i> * <i>capĭris</i> → <i>capĕris</i>	* <i>ad-fāciō</i> → <i>afficiō</i> * <i>flūmĕnis</i> → <i>flūminis</i>	* <i>ob-cāpāre</i> → <i>occipāre</i>

Таблица 2.4.3. Редукция кратких гласных по Кузнецову

⁶⁰ Для наглядности приведены не все фонемы, а лишь их представители каждого класса.

⁶¹ В напечатанном виде изложено в разделе «Фонетика» учебника латинского языка В. И. Миросенковой и Н. А. Фёдорова.

При этом по окончании действия закона редукции в открытых тяжёлых слогах (*ocīdō*) гласный восстановился как долгий. Это и привело к тому, что оппозиция по долготе была перекрыта в латинском языке оппозицией по весу.

Совершенно резонно было бы поставить вопрос о том, как описанные метаморфозы гласных увязываются с понятием вокалической моры. Следует признать очевидным, что здесь мы имеем дело не с одной градуальной оппозицией, но с двумя привативными – подобными тем, которые наблюдались Н. С. Трубецким в языке хопи [Трубецкой 2000: 207-211], за той лишь разницей, что вместо гласных средней длительности мы имеем дифтонги, а вместо оппозиции по усечению слога – оппозицию по весу. В результате получается, что дифтонги и краткие монофтонги до действия закона редукции должны рассматриваться как одноморные просодемы, а долгие монофтонги – как двуморные⁶². Редукция привела к тому, что все одноморные слогиносители превратились в редуцированный гласный и тем самым изменили тембр; двуморные тембр не изменили, однако потеряли свою геминантность – т.е. перестали быть двуморными, сохраняя тембр⁶³ и (относительную) долготу. Этим объясняется то, почему после восстановления долгот долгий гласный оказался фонологически тождественным дифтонгу при том, что все они не представляли собой вокалических геминантов.

Что же касается слога, находящегося под воздействием начального ударения, то его особенности можно проследить, если свести воедино два, на первый взгляд, чужеродных явления: закон Лахманна и распределение глагольных корней III-IV спряжений. Закон Лахманна хорошо объясняется Ю. В. Откупщиковым [Откупщиков 1967; 2001: 261-272], предложившим свои ответы на три им же поставленных вопроса: 1) почему этот процесс произошел только в италийских языках и не произошел более нигде; 2) почему он затрагивает только причастия; 3) с чем связано удлинение гласного. Ответ на первый и второй вопросы Ю. В. Откупщи-

⁶² Такой взгляд находится в соответствии и с правилами силлабификации Е. Д. Панфилова [Панфилов 1973: 137-138].

⁶³ Вероятно, именно возникшая оппозиция по тембру привела к тому, что моровое противопоставление гласных стало излишним.

ков видит в постепенном вытеснении более продуктивных индоевропейских причастий с суффиксом *-n-* причастиями с суффиксом *-t-*, происходившем в италийских языках (*plētus* > *plēnus*). Далее учёный установил, что процесс этот был наиболее интенсивен в латинском языке как раз тогда, когда наблюдалось действие закона «начальной интенсивности» – которую Ю. В. Откупщиков также представляет себе сильным динамическим ударением. В результате гласный, предшествующий оглушаемому согласному, оказался под этим начальным ударением. Тем самым ударение препятствовало сокращению гласного, которое неминуемо происходило бы при оглушении последующего согласного, так как перед сочетанием глухих согласных (*fac-tus*) гласный звучит фонетически короче, нежели перед тем, которое начинается звонким (**ag-tus*). Поэтому он казался фонологически долгим.

Закон о глагольных корнях III-IV спряжений, рассмотренный нами выше (с. 82), оставил ряд неразрешённых случаев типа *uēniō*, *ōrior*, *sāliō*, где лёгкий слог корня оказывается у глагола не третьего спряжения, а четвертого. Это явление вполне удовлетворительно объясняется тем, что находящийся перед сонорным звуком краткий слононоситель удлинялся ещё более благодаря падавшему на него ударению; это, вероятно, и приводило к увеличению (под ударением) общего веса слога – то самый случай, когда фонетическая длительность на самом деле оказывается основой для силлабического веса.

Маловероятно, чтобы такие изменения в длительности гласных могли быть описаны в терминах вокалических мор: в самом деле, в таком случае придётся признать, что гласные в *uēnio*, *redāctus* и *amātus* в равной степени двуморны, при том, что дифтонги в *caedō* и *causa* суть одноморные. Кроме того, не вполне понятной будет связь между вокалической двуморностью гласного в первом слоге и динамическим ударением на нём: очевидно, что такая ситуация исключает выделение вокалических мор на основании мелодической корреляции ударения (как в греческом языке) и предполагает некульминативную корреляцию финского или датского типа [Трубецкой 2000: 200-204], доказать которую пока не представляется возможным. Поэтому следует, вероятно, считать, что после начала действия закона редукции моровая оппозиция гласных была утрачена и заменена безморным

противопоставлением по длительности, которое оказалось перекрытым оппозицией слогов по весу. В результате для латинского языка классической эпохи помимо оппозиции по ударности/безударности следует считать фонологичной ещё только одну – ту, которую мы назвали фонологическим весом.

Такое понимание снимает все вопросы по поводу природы классического ударения: сколько бы в нём ни было тона (а, вероятно, немало, если и в современном итальянском имеется тональный перепад почти в квинту [Collier 1991]) – всё равно латинское ударение следует относить к «динамической» категории только потому, что ввиду отсутствия вокалических мор оно занимало весь слог целиком. Резонно согласиться с У. Алленом, предположившим, что латинское ударение имело вид *diminuendo*: оно резко возрастало в начале слога и затем относительно плавно ниспадало в нём [Allen 1969]. С другой стороны, мы видим, что все условия для динамизации ударения были созданы ещё в весьма древнюю эпоху благодаря разрушительному действию пралатинского динамического ударения.

В связи с этим нам небезынтересно будет рассмотреть, как латинские моры вели себя в ещё более древние времена и как это определяло свойства латинского ударения.

с. Итальянская эпоха

Большинство рассматриваемых нами явлений пралатинского ударения будет относиться к итало-кельтской эпохе; в следующем разделе мы увидим, что для неё реконструируется ограниченно-свободное ударение, подобно греческому, имеющее как окситоническую, так и баритоническую парадигму. В противоположность этому, данных о промежуточном периоде – ввиду явного недостатка материала итальянских языков – нам известно немного. Здесь сто́ит, однако, рассмотреть два примера, которые, на мой взгляд, позволяют предположить ударение итало-кельтского образца и в итальянскую эпоху. Оба этих примера с явным правдоподобием заставляют предположить существование окситонезы в этот период.

1. *Ῥωμύλος* – лат. *Rōmulus*. Не вполне ожидаемая постановка греческого ударения на втором слоге может быть удовлетворительно объяснена тем, что уда-

рение в этом латинском слове исконно занимало последний слог; тогда в греческом заимствовании перенос ударения неминуемо должен произойти под действием закона Уилера. Представляется, однако, правдоподобным, чтобы указанное слово было заимствовано тогда, когда закон Уилера ещё действовал (примерно в VII в.). Этому соответствует и передача латинской /u/ через *ū*, которое как раз в это время ещё не преобразовалось в [ü]. Если бы слово было взято в более позднюю эпоху, то вполне реально было бы ожидать другое ударение и другую передачу латинской фонемы /u/: ср. у Плутарха *Ταρκύνιος ὁ Σούπερβος* [*Publicola*, 14, 3].

2. *fāciō*: *fēc-ī* – греч. ἔ-θηκ-ε, и.-е. <*dhē>. Перфектная форма *fēcī* требует явно-го сопоставления с греческой аористной ἔθηκε; однако тогда встаёт вопрос о происхождении презентной <*fāci*>. Единственным возможным объяснением появления фонемы /k/ в основе презенса будет признание первичности по отношению к ней перфектной основы. Но в таком случае причиной появления в основе презенса фонемы /ǎ/ может быть только редуцированный гласный [ə], представляющий собой невозможный вариант чередования *dhē в перфектах с /k/. Значит, объяснением сокращения долгого гласного корня может служить редукция в безударной позиции, что также предполагает акцентную окситонезу типа *[fəkió].

Эти примеры позволяют нам предположить, что две основные акцентные парадигмы, давно установленные для славянских языков [Нахтигал 1963: 183] и реконструированные В. А. Дыбо [Дыбо 1961; 1963; 1973; 2003] для итало-кельтской и индоевропейской эпох, действовали и в италийский период латинской истории. Теперь настало время познакомиться с этими акцентными моделями более детально.

2.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ РОДИНА ЛАТИНСКОГО УДАРЕНИЯ

2.5.1. Индоевропейские акцентные типы

Вопрос о динамической природе латинского ударения – и классического и праиталийского, – без сомнения, предполагает другой, не менее важный, вопрос – о поведении гласных в ударных и безударных позициях. Здесь следует сравнить процессы, происходившие в латинском языке при становлении изучаемого нами акцента, с процессами, имевшими место в других языках, где тип ударения известен гораздо более определенно: например, в греческом, санскритском или литовском; сходные или противоположные явления позволят нам гораздо более определенно судить о латинском ударении в историческую эпоху.

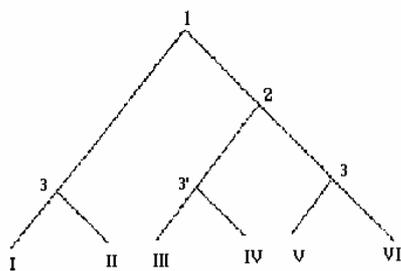
Для общеиндоевропейского языкового состояния традиционно восстанавливается система ударения со свободной мелодической корреляцией, вызванной произвольной позицией для вершины [Семереньи 1980: 86 sqq.]. В этом случае все слово представляет собой одну гамму, тон которой постепенно повышается до определенной точки и затем плавно понижается. А. Мейе [Мейе 1938] удачно сравнил мелодику движения тона в языках с музыкальным ударением со звуками органа, а в языках с ударением динамическим – со звуками фортепиано. Вершина, до которой повышается тон – это одна из вокалических мор акцентируемого гласного, которых может быть всего две; гласный, содержащий в себе указанную мору можно называть термином «морный гласный⁶⁴». Таким образом, тон, вершина которого приходится на вторую мору акцентированного морного гласного, именуется *акутом*, тон, приходящийся на первую мору, – *циркумфлексом*. Индоевропейское ударение было способно выполнять смысловозначительную функцию как своим видом, так и местоположением, создавая конечную (окситоническую: *τομός*) и неконечную (баритоническую: *τόμος*) парадигмы. См. также: [Дыбо 2003].

Моровое понимание сущности индоевропейских акцентных корреляций имело и существенное типологическое значение. Мы уже видели, как теория

⁶⁴ Термин предложил С. Н. Муравьев: см. [CQ, 1972, ##1,2].

Р. О. Якобсона [Jakobson 1937/1962], описывающая зависимость природы ударения от фонологической моры, позволила перевести типологический прицел с фонетики на фонологию. Сейчас же весьма своевременным будет рассмотреть и классификацию акцентных систем, предложенную В. Б. Касевичем [Касевич 1997], которая будет чрезвычайно полезной для взгляда на латинское ударение из типологической перспективы.

В. Б. Касевич строит многочленную классификацию, первым критерием которой является наличие/отсутствие фиксации позиции акцента в границах слова; в случае наличия проверяется возможность самостоятельной проверки позиции акцента одним способом. Языки же с нефиксированным ударением проверяются на наличие морной структуры, а затем вновь определяется возможность проверки позиции акцента. Таким образом, все языки, имеющие кульминативную просодическую корреляцию, разделяются учёным на шесть категорий, из которых I иллюстрируется чешским, II – латышским (с оговорками), III – японским, IV – древнегреческим, V – русским, английским, немецким, VI – шведским и норвежским. Латинский язык времён Теренция (когда в нём действовало правило 2/3 слога), должен, очевидно, как и греческий, и литовский, и арабский, относиться к четвёртой категории – к языкам с нефиксированным ударением, место которого определяется с учётом моры. Придётся сделать, однако, ту оговорку, что система Касевича, хотя и весьма наглядно показывает место этих языков в общей типологической

картине, не даёт нам понять особенности природы ударения в том или другом языке: природа ударения здесь не есть ни первичный критерий для классификации, ни следствие из него; место языка в системе обуславливается совокупностью остальных свойств его ударения.

Рис. 2.5. Типология акцентных систем по Касевичу:

1 – "позиция акцента фиксирована / нефиксирована в границах слова"; 2 – "мора фигурирует / не фигурирует в правилах акцентуации"; 3 – "имеется один/более одного самостоятельного способа выделения ударного слога (моры)"; 3' – "позиция в слоге моры, принимающей ударение, фиксирована / не фиксирована".

С другой стороны, такая система очень показательна в том отношении, что позволяет нам сопоставить различные акцентные типы между собой и проследить (если речь идёт об индоевропейском языке), насколько просодия того или иного языка смогла отдалиться от своих индоевропейских истоков. Такое рассмотрение вполне позволяет нам заключить, что эти истоки следует искать именно в четвёртой категории, к которой, по всей вероятности, должен относиться и сам реконструируемый индоевропейский язык. В связи с чем неизбежно возникает желание расширить и снабдить новыми деталями этот четвёртый пункт, чтобы различие между индоевропейскими акцентными подгруппами были более формализованы. Это можно сделать, совместив эту типологию с типологией Н. С. Трубецкого [Трубецкой 2000: 211-213]. По Трубецкому, в моросчитающих языках (о которых здесь идёт речь) корреляции бывают кульминативные (т.е. вершинообразующие) и некульминативные; к первым относится мелодическая корреляция и корреляция ударения, а ко вторым – регистровая корреляция и корреляция геминации (вес). Регистровая корреляция в индоевропейских языках невозможна; оставшиеся три, из которых первая эксплуатирует вокалические моры, а прочие – силлабические, составляют три крупных акцентных типа, наглядно представленных в *таблице 2.2.1* (с. 87). В современной науке [Дыбо 1961; Лубоцкий 1991] их принято выделять следующим образом:

- 1) *балто-славянский* – с морным акцентом (мелодической корреляцией);
- 2) *греческий (греко-арийский) тип* – с моро-слоговым акцентом (мелодической и некульминативной геминантной корреляциями, взаимодействующими друг с другом);
- 3) *итало-кельтский* – со слоговым акцентом (некульминативной корреляцией геминантности и связанной с ней кульминативной корреляцией ударения).

Санскритский акцентный тип будет балансировать между группами 1 и 2, тяготея при этом сначала к греческому типу (в ведийскую эпоху), а потом к итало-кельтскому (в процессе постепенной утраты ведийского мелодического ударения).

Но поскольку наибольший интерес для представляет именно древнейшее состояние индийского языка (до эпохи эпического санскрита), то далее я буду рассматривать греко-индийский тип как единый⁶⁵.

Мы видим, что рассматриваемые акцентные типы отличаются друг от друга в большей степени не тем, что они приобрели, но тем, что они потеряли: балто-славянский тип утратил силлабический вес, но сохранил мелодическую корреляцию с вокалическими морами; итало-кельтский, напротив, сравнительно рано потерял мелодическое ударение, зато долго удерживал силлабический вес⁶⁶; греческий тип сохранил и то и другое, однако благодаря ряду инноваций, установивших сложные зависимости между обоими видами корреляции, индоевропейская мелодика в греческом языке изрядно пострадала.

Вопросы о том, в каком порядке формировались эти акцентные типы и к которому из них, первому или второму, ближе итало-кельтский, тесно переплетаются между собой. Начиная, видимо, со времён О. Бётлингга и Г. Остгофа, среди учёных-компаративистов утвердилось мнение, что греко-индийская акцентная модель была первична по отношению ко всем остальным. Это связано, как с большим вниманием, которым пользовались греческий язык и санскрит, чем, скажем, литовский и старославянский, так и с большей древностью греческих и особенно ведийских памятников, послуживших источниками для сравнительно-исторических изысканий. Тем не менее, нельзя утверждать, что отсутствие письменных памятников на славянских языках до X в. может каким-то образом подтвердить или опровергнуть ту или иную точку зрения.

2.5.2. Латинский вокализм и теория В. А. Дыбо

Известный российский учёный-акцентолог В. А. Дыбо долгое время (в противовес Бётлингку и Остгофу) занимался попыткой выведения индоевропейского акцентного состояния из балто-славянского. Результатом явилась знаменитая ра-

⁶⁵ О греко-индийской акцентной модели см. [Лубоцкий 1991].

⁶⁶ О несомненной принадлежности веса к индоевропейскому языковому состоянию см. [Мейе 1938].

бота «Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента» [= Дыбо 1973], которую продолжает новая статья «Балто славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология» [= Дыбо 2003], специально посвящённая индоевропейскому ударению. В частности, в них излагается теория о доминантных и рессивных морфемах, объясняющая развитие различных акцентных типов из того, к которому ближе всего стоят языки балто-славянского вида. В другой, более ранней своей работе, «Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской акцентуации» [= Дыбо 1961] автор пытается найти опору для своей теории на базе языков, имевших в исторический период своего развития слоговой акцент; некоторые результаты его исследования вполне могут быть применимы и в настоящей работе.

В. А. Дыбо последовательно сравнивает различные итало-кельтские⁶⁷ слова с родственными словами других языковых групп (в первую очередь – с балтийской, германской и индийской) и замечает, что для большинства количественных несоответствий можно подобрать некоторые закономерности.

Так, достаточно широко известно, что для итало-кельтских языков вообще более частотна краткая ступень индоевропейского гласного, чем для родственных языков: известен пример с латинским словом *uir* 'муж', которому может быть противопоставлено санскритское слово वीरः *vīráḥ*; *cutis* 'кожа', валл. *cwd* ↔ *ḍ.v.n.* *hūt* и т.д. В. А. Дыбо замечает также, что только для кельто-италийских языков характерна следующая реализация слоговых сонантов: под ударением – *rā / lā*, без ударения – *ar / al*; все это наводит исследователя на мысль, что в указанных языках важнейшим фактом изменения долгот было ударение.

⁶⁷ Под термином *итало-кельтский* понимается не то, что теория итало-кельтского единства принимается как данность. Возможно, во время написания статьи (в 1961 г.) она казалась более вероятной, чем сейчас, после последних исследований В. П. Калыгина в этой области. Я сохраняю здесь терминологию В. А. Дыбо, имея в виду только то, что некоторые явления италийских и кельтских языков сходны.

Вот несколько хороших примеров.

I. Безударная позиция.

- ◆ *lītus* 'намазанный' ↔ *λίτος*;
- ◆ *cutis* 'кожа', *валл.* *cwd* 'мошонка' ↔ *д.в.н.* *hūt*;
- ◆ *pūtus* 'гной' ↔ *पूतः* *pūtáḥ*;
- ◆ *ulna* 'локоть' < **ōlēna* ↔ *ὠλένη*;
- ◆ *fērus* 'дикий зверь' ↔ *θήρ*, *θηρός*;
- ◆ *frētum* 'прибой' ↔ *д.в.н.* **brāts* (< **bhrētós*);

II. Ударная позиция.

- ◆ *uīs* 'сила' ↔ *ῥ-ίς*, *ῥ-ῖνες* '*musculi*';
- ◆ *frīgus* 'холод' ↔ *ῥίγος*;
- ◆ *īlia* 'половые органы' ↔ *ἴλια*;
- ◆ *brūtus* 'тупой' ↔ *лш.* *grūts*;
- ◆ *cūpa* 'бочка' ↔ *др.-урл.* *cúl*, *κύπη*, *कूपः* *kūpaḥ*;
- ◆ *pūs*, *pūris* 'гной' ↔ *πῦον*;
- ◆ *uērus* ↔ *вѣра*;
- ◆ *fāma* ↔ *φήμη*.

Помимо указанных примеров есть и другие, не менее интересные. Например, бывают ситуации, когда позиция ударения латинском языке совпадает с балто-славянской, но не с греческой и индоарийской. Например: *māter*, *mātris* = *мáть*, *мáтери* ↔ *μήτηρ*, *μητρός*; вот случай несовпадения акцента в латинских и греческих отглагольных образованиях: *solūtus* 'развязанный' ↔ *λύτός*; есть случай несовпадения акцента в пассивном причастии: *gnātus* 'рожденный' ↔ *ज्ञातः* *jñātáḥ*. Подобный случай получил название греко-арийской акцентной ретракции; в современной компаративистике он объясняется, как правило, инновацией, произошедшей в языках индо-арийского ареала⁶⁸.

Для итало-кельтских языков находится множество примеров количественных рефлексов перед смычными звуками определенных рядов (заднеязычных):

- ◆ **sū* > *sūs* ↔ *sūcula* 'свинка';
- ◆ **mūs* > *mūs* ↔ *mūsculus*;
- ◆ **dhūmo-* > *fūmus*, *θυμός* ↔ *урл.* *dūmhach* 'темный';
- ◆ **dhēljo* > *filius*, *θῆλυς* ↔ *ср. урл.* *dělech*;
- ◆ **rūpi* > *rūpēs* ↔ *rūpex*;

⁶⁸ См. об этом [Sköld 1927] (для первых двух случаев); [Иллич-Свитыч 1959]. Иллич-Свитыч называет это «неакутированным ларингалом».

Все эти слова – с накоренным ударением. А вот пример для слова с аффиксальным ударением: *kūli- (< *kūlí) > cūlex ‘комар’ ↔ शूलः cūlah ‘копье’. Подобным же образом объясняется существование некоторых латинских синонимов и родственных слов, содержащих различное количество гласного в корне:

- 1) без сонанта: pūtus ‘гной’ ↔ pūs, pūris ‘гной’;
- 2) с сонантом:
  - ◆ cartilāgō ‘хрящ’ ↔ crātis ‘плетенка’;
  - ◆ farnus ‘ясень’ (< *bhṝḡsnós) ↔ frāxīnus (< *bhṝḡsenós).

В итало-кельтских языках имелись примеры и на сокращение гласных в глагольных формах:

- ◆ labōrāre ↔ lābī;
- ◆ uadāre ↔ uādere;
- ◆ linquere ↔ līquī;

Аналогично В. А. Дыбо объясняет и итеративные формы с кратким гласным, вроде *dīcere* ↔ *indīcāre*, когда к глаголу добавлялся суффикс *-ā-* (возможно, в древнейшую эпоху он всегда был ударным, как, например, санскритский каузативный суффикс *-āya-*).

Глаголы состояния с суффиксом *-ē-*, происходившие из окситонезы, сокращали корневой гласный: *uirēre* ‘зеленеть’, *serēscere* ‘сохнуть’, *silēre* ‘молчать’. Наоборот, все глаголы на *-sc-* происходили из баритонезы, и потому гласный в корне у них долгот: *siuēscō* ‘привыкать’, *crēscō* ‘расти’, *gnōscō* ‘узнавать’, *nāscor* ‘рождаться’. (ср. *gnōscere*, *γινώσκειν*, *ищет*, скр. इच्छति *icchati*).

Подобные сокращения гласных в безударных позициях происходили не только в итало-кельтских языках, но и в других языках со слоговым акцентом: например в ряде германских⁶⁹; там, однако, редуцировались только *ī* и *ī̄* и только перед интервокальным сонантом:

- ◆ वीरः *vīrāh* ↔ гот. *wair*, д. в. н. *wer*, др. англ. *wer*;

⁶⁹ По поводу германских языков с моровым ударением (норвежский, шведский) подобных данных, насколько известно, не обнаружено, хотя этот вопрос необходимо исследовать специально.

- ◆ *uíos, सूनुः* *sūnūh* ↔ *гот. sunus, ср. н. кельт. sone* и т.д.

В ударных позициях, так же как и в итало-кельтских языках, сохраняется индоевропейское количество гласного: *др. исл. sūla* ‘лес’ = *ύλη*; *др. англ. wǣr* ‘вера’ = *вѣра*, *uērus*. Не происходит сокращения и при смычных согласных: *д. в. н. muoter* = *māter* = *μήτηρ, μητρός*.

Таким образом, В. А. Дыбо предполагает, что количество гласных в итало-кельтских языках напрямую зависело от позиции акцента. В какую-то историческую эпоху начался процесс сокращения гласных в безударных положениях: сначала перед сонантом (который сам мог иметь некоторую долготу), а затем и повсеместно перед смычными согласными. Так стало в италийских и кельтских языках складываться различие по вокалической длительности гласных в окситонической и баритонической парадигмах. Например, для основ на *-tu* (отглагольное существительное) исследователь приводит окситонированные случаи *rūtum, lītum, fūt-(ūrus)*, и баритонированные – *sūtum, spūtum, trītum, strātum, nātus* и т.д.; аналогичным образом выделяются и основы на *-to* (причастия и прилагательные): окситонеза – *rūtus, pūtus, gnōto*⁷⁰ и баритонеза – *sūtus, trītus, grātus*. Получается, что имевшееся в древнейшие времена акцентное различие между родственными словами **rūtós* ‘порванный’ и **rūtós* ‘прорытый’ в латинском языке перешло на фонемный уровень, унифицировав ударение и изменив количество гласного (*rūtus* и *rūtus* соответственно). Стоит обратить внимание: то же видно и в русских некогда однокоренных словах *рвать* и *рыть*, где фонема /в/ соответствует индоевропейской /ū/, а фонема /и/ ([ы]) – индоевропейской /ū/. Отмечая это, Дыбо вновь указывает на значительно большее родство италийской и славянской акцентных моделей, чем это может показаться на первый взгляд.

Следовательно, можно считать доказанным утверждение, что в итало-кельтских и отчасти германских языках ударение вызывало количественные изменения гласных ещё во времена, предшествовавшие эпохе начальной интенсивно-

⁷⁰ в форме *nōtāre* ‘замечать’

сти; эту открытую В. А. Дыбо закономерность вполне можно трактовать как свидетельство о коренном различии между слоговым ударением, сформировавшимся в этих языках, и моровым ударением балто-славянского и греческого языка, являвшимся, без сомнения, более близким потомком индоевропейской просодии. Получается, что «централизация» акцента в итало-кельтских языках началась ещё в до-праиталийский период.

2.5.3. Итальянская просодическая система и теория А. Лубоцкого

Из содержания предыдущего раздела видно, что В. А. Дыбо рассматривает балто-славянскую акцентную модель как лучше сохранившую до наших дней древнейшее индоевропейское состояние – давнее, с одной стороны, итало-кельтский акцентный тип, а, с другой – греко-арийский. Соображения знаменитого немецкого акцентолога А. Лубоцкого также подтверждают мысль о том, что греко-арийская акцентная модель (в её ведийском изводе) не может быть древнейшей.

Работа Лубоцкого – это попытка истолковать фонетические явления, объясняемые традиционно через ларингалы, учитывая просодические явления ведийских слогов, в частности ударение, – может вполне применима и к нашему исследованию. В ней автор выделяет три подхода, при помощи которых традиционно исследовались некоторые закономерности поведения акцента в греко-арийских языках:

- 1) *семантический*, идущий, вероятно, от индийских грамматиков: так, известно, что часть слов ведийского языка, обозначающих деятеля, имела ярко выраженную окситонезу (*brahmán* ‘жрец-брахман’), тогда как *pōtina astiōnis*, наоборот, имели баритонезу (*bráhman* ‘молитва’); по аналогии со знаменитым греческим акцентным противопоставлением это явление часто называют *τόμος : τομός* (подробнее об этом см. [Красухин 2004: 21-39]; примеры для славянских языков также [Нахтигал 1963: 183]);
- 2) *морфологический*, занимающий сейчас центральное место в современной индоевропейской акцентологии и идущий в первую очередь от Остгофа

и Гирта. Основной её тезис заключается в том, что сильные, с точки зрения ударения, слоги и фонемы связываются с сильными степенями индоевропейского чередования гласных, а слабые, соответственно, – со слабыми; следовательно, для объяснения позиции акцента привлекаются исключительно морфологические данные (см. также: [Красухин 2004: 117-222]);

- 3) *тональный*, основанный на вышеупомянутой работе В. А. Дыбо 1973 года, где речь идет о доминантных и рецессивных морфемах. А. Лубоцкий берет эту концепцию как главную, пытаясь дополнить её тем, что не внес в нее Дыбо: а именно, критерий разграничения доминантных и рецессивных морфем.

Учёный создает две классификации: во-первых, классификацию корней, основанную на особенностях их фонетических составляющих, а, во-вторых, – классификацию самих индоевропейских звуков.

Категории корней:

- I. *Корни без смычных.*
- II. *Корни с одним смычным, но без начального ларингала:*
  - A) дериваты со смежным смычным;
  - B) дериваты с несмежным смычным;
- III. *Корни с одним смычным и начальным ларингалом:*
  - A) дериваты со смежным смычным;
  - B) дериваты с несмежным смычным;
- IV. *Корни с двумя смычными:*
  - A) дериваты с двумя смежными смычными;
  - B) дериваты с одним смежным смычным;
  - C) дериваты с двумя несмежными смычными;

Классы звуков:

- 1) согласные смычные⁷¹:
  - простые $T (p, t, k', k^w)$;
  - глоттализированные $D ([b], d, g', g^w)$;
  - придыхательные $D^h (b^h, d^h, g'^h, g^{wh})$;
- 2) сибилант $S (s)$;
- 3) ларингалы $H (H_1, H_2, H_3)$;

⁷¹ А. Лубоцкий настаивает на двух рядах гуттуральных – палатализованных и лабиализованных.

- 4) сонанты R (i, u, r, l, m, n – у каждого был вокалический и невокалический дивергент);
- 5) гласные e ($e, o, \bar{e}, \bar{o}$);

Фонемы /a/ на праиндоевропейском состоянии языка, по А. Лубоцкому, не было; она появилась позже из H_2 или $H_2 + e$.

Далее исследователь разбирает на основе выделенных признаков обширнейший именной материал ведийского языка. Выводы он расписывает также в порядке следования своей категориальной классификации корней.

Получается:

Категория I:

все слова с Н-ступенью окситонированы, все с П-ступенью – баритонированы;

Категория II:

все зависит от типа смычного –

А) для D/D^h действует баритонеза, для T – окситонеза;

В) тип акцента зависит от ступени аблаута;

Категория III:

А) зависит от ступени аблаута;

В) смежный ларингал вызывает окситонезу, несмежный – баритонезу;

Категория IV:

А) не выяснено;

В) чаще окситонеза;

С) не выяснено из-за недостаточного количества материала.

Как видно, причины того или иного типа акцентуации в ведийском языке чрезвычайно разнообразны и являются результатом многочисленных вековых напластований. Положение ударения в ведийском слове может зависеть от очень многих разных причин, значительная часть которых уже не существует во взятой синхронии, а отражает акцентную традицию языка; но, с другой стороны, очень многие случаи находят объяснение в этой синхронии, что позволяет их считать ведийскими новообразованиями. В частности, А. Лубоцкий установил, что семантически выраженная акцентуация – продукт позднейшей эпохи: лишь тогда стало работать знаменитое чередование $tómoc : tomós$, чем и можно объяснить тот факт, что оно хорошо соблюдается для греко-арийского ареала, тогда как для итаलो-

кельтского оно совершенно не характерно⁷². Всё это даёт и нам основание предполагать, что греко-арийский акцентный тип не является гораздо более древним, чем итало-кельтский; и совершенно невероятно, чтобы этот тип был самым древним, как это считалось ранее. Отсюда видится ещё более правдоподобным, что теория В. А. Дыбо, полагавшего, что к древнейшему акцентному типу гораздо ближе балто-славянские языки, соответствует действительности. Можно предположить, что из этого акцентного типа-предка и началось примерно параллельное развитие итало-кельтской и греко-арийской моделей. Однако вопрос об утрате балто-славянскими языками силлабического веса, требует особо пристального рассмотрения и достоин отдельной работы.

2.5.4. Акцентные инновации и Ф. Ф. Фортунатов

Рассуждая о возможных инновациях в греко-арийской акцентной системе, мы не должны забывать, что их качество будет коренным образом определяться той теорией, при помощи которой мы описываем просодию предшествующего (индоевропейского) языкового состояния. Традиционный взгляд, уже кратко описанный выше (с. 146), предполагает свободное расположение в слове морового акцентного пика; эта теория восходит ещё к трудам учёных середины и конца XIX в. [Hadley 1869-1870; Шахматов 1896]. Теория В. А. Дыбо предполагает появление такого ударения лишь в относительно поздний период как следствие упразднения праиндоевропейской регистровой корреляции. С другой стороны, следует вспомнить о теории Е. Куриловича, пытавшегося вывести моровое греческое ударение из динамического индоевропейского и объяснявшего возникновение слоговых интонаций из преддиалектных слияний [Kurjłowicz 1958: 113]. Впрочем, в настоящее время эта теория не находит значительной поддержки (см. [Тронский 1962: 107-108]) в науке и потому нами здесь рассматриваться не будет.

С другой стороны, мы не можем не упомянуть о теории Ф. Ф. Фортунатова [Фортунатов 1895], сравнивавшего балтийское и греко-арийское ударения и про-

⁷² Пример **rūtos/*rūtós*, разумеется, такому семантическому чередованию не отвечает.

тивопоставлявшего слоговые интонации в них. По мнению учёного, в долгих индоевропейских гласных наблюдается два вида долготы⁷³ – «прерывистая» и «непрерывистая». Первые отличались нисходяще-восходящей интонацией (как тона, так и силы), вторые – восходящей или ровной. «Прерывистая» долгота дала литовское восходящее ударение, общеславянское нисходящее, греческий циркумфлекс; «непрерывистая» дала литовское нисходящее ударение, общеславянское восходящее, греческий акут монофтонгов. Например, $\vartheta\epsilon\tilde{\alpha}\varsigma \sim ger\tilde{o}s$ ('доброй'), $\vartheta\epsilon\acute{\alpha} \sim ger\acute{o}-\tilde{i}$ ('добрая'). Имеются, однако, и несовпадения: например, конечный гласный в форме местного падежа в лит. *vergè*, ст.-сл. **рѣвѣ** происходит от и.-е. «непрерывистого» дифтонга, а в форме именительного падежа *vergai*, **рѣви** – от прерывистого; в греческих формах Ἰσθμοῖ (loc. sng.), $\acute{\alpha}\gamma\alpha\thetaοῖ$ (nom. plr.) картина обратная [Тронский 1962: 105].

Если принять предложенные Фортунатовым слоговые интонации для индоевропейского языкового состояния, то новизна греческой акцентной системы будет заключаться не только в том, что ударение стало фиксированным в пределах трёх последних слогов, но и то, что изменились сами тональные контуры слогов: на смену нисходяще-восходящей «прерывистой» интонации пришла восходяще-нисходящая интонация циркумфлекса. И. М. Тронский связывает это с изменением движения тона на одноморном гласном от нисходящего к восходящему под воздействием фразовой интонации [Тронский 1962: 110-111].

И всё-таки сейчас представляется более правильным склониться к ставшему традиционным взгляду о восходяще-нисходящем облике индоевропейского акцентного контура: результаты более новых исследований, в частности, В. А. Дыбо, Ф. Кортландта и Л. Герценберга, заставляют предполагать, что кульминативная мелодическая корреляция, свойственная (позднему) индоевропейскому языковому состоянию, есть продукт переразложения некульминативной регистровой корреляции, что предполагает доминантность одной просодемы над прочими и связанное с ним перестроение общего тонального контура в слове. Поэтому си-

⁷³ Это учение в значительной степени соответствует нашим вокалическим и силлабическим морам.

туация, предложенная Ф. Ф. Фортунатовым, хотя и очень вероятна, однако соответствует скорее более древнему периоду, когда и происходило такое перестроение, тогда как описываемые акцентные инновации относятся, без сомнения, уже к совсем позднему времени. В связи с этим нам небезынтересно будет рассмотреть некоторые теории, касающиеся как очерёдности распада индоевропейской общности, так и те, которые пытаются, хотя бы и гипотетически, восстановить историю её акцентной эволюции.

2.5.5. Итальянская и греко-арийская просодические системы в гипотетической реконструкции (Ф. Кортландт, Г. Гольм и Л. Герценберг)

Когда мы рассматриваем становление различных акцентных систем, существующих в индоевропейских языках, особенно интересным для нас оказывается, как правило, вопрос хронологии. Попробуем установить приблизительное время отделения итальянской просодической системы от греко-арийской. В этом смысле чрезвычайно любопытным нам может представляться недавнее исследование немецкого учёного Ганса Гольма [Holm 2000], изучавшего методом вероятностного распределения лексический состав разных индоевропейских языков, степень его расхождения в них и отступления от индоевропейской основы. В его статье строится стемма, изображающая постепенный процесс распада индоевропейской общности, согласно которой большая группа языков (которая включает предков германских, балто-славянских, кельтских и итальянских) отошла от той, к которой относятся индоарийские, протоамянский и протогреческий языки, ещё задолго до появления указанных групп. По данным Гольма, генетическая близость итало-кельтских языков балто-славянским гораздо очевиднее, чем греко-арийским; конечно все эти построения строятся на изучении их лексического фонда, однако сравнительная консервативность просодических систем всё же позволяет сделать аналогичное предположение о закономерности расхождения между греческой и латинской акцентными системами.

Поэтому историю греческой и латинской просодии следует изучать не в прямом сопоставлении акцентных систем этих языков, как это делается в весьма

распространённой и в настоящее время «эолийской» теории, но в гораздо более тонком рассмотрении генезиса каждой из них. Сопоставления, однако, весьма уместны на более раннем хронологическом срезе, когда итало-кельтский, балтославянский и греко-арийский акцентный типы ещё не особенно сильно разошлись между собой. Подобного рода анализ мы находим в работах Ф. Кортландта, который в одной из них [Kortlandt 1986], также косвенным образом подтверждает теорию Дыбо и Лубоцкого, развивая идеи *ассимиляции тонов*, применимые и к истории греческого языка. В основе всех подобных построений лежит гипотеза о том, что музыкальное ударение ряда индоевропейских языков есть следствие перестроения некульминативной регистровой корреляции, при которой тоны некоторых просодем могли вызывать ассимилятивные изменения у соседних или рядом лежащих просодем слова. Принимая положение В. А. Дыбо о том, что различные протоиндоевропейские морфемы могли исконно иметь лишь привативную оппозицию по тону, Ф. Кортландт предполагает существование в определённую эпоху тональных взаимодействий, одним из важнейших следствий которых считается новообразовавшийся «средний тон». Им учёный пытается объяснить некоторые законы исторической фонетики, наблюдаемые в ряде языков с музыкальным ударением, в частности, в греческом, стараясь истолковать закон Уилера, действующий в словах с дактилическим исходом.

Кортландт представляет тональный контур слова следующим образом: ударение приходится на ту просодему слова, которая имеет наиболее высокий тон; тон морфема получает из тона слога, в котором находится. Таким образом, учёный выделяет три типа просодем с точки зрения их тона: L – просодема с низким тоном, H – просодема с высоким тоном (ударный), M – просодема с высоким тоном (безударный), " ' " – отметка акцентного пика (ударения). Долгие гласные отмечаются соответственно (LL, HH и т.д.)

Предполагается, что ударение тяготеет к первому из слогов, имеющих самый высокий тон (как считал Дыбо [Дыбо 1973]); если таковой не находится, акцентный пик просто приходится на первый слог. Применяя эту теорию к древнейшему состоянию греческого языка, Кортландт предполагает, что до действия

закона Уилера тоническая структура исхода древнегреческого слова с дактилическим исходом будет LLH (*ποικιλός). Далее происходят три этапа перемещения ударения:

- 1) LL > LM /ML (до/после высокого тона);
- 2) MLH, HLM > MHH, HHM;
- 3) HHM > HH'M; MHH > MH'H

Подобным перемещением объясняются все греческие акцентные процессы:

- 1) закон "крайней позиции": $\hat{\underline{u}} \underline{\quad} > \underline{\quad} \hat{\underline{u}} \underline{\quad} = H'-L-LL > H'-L-ML > H-H-ML > M-H'-ML;$
- 2) закон "Уилера": $\underline{\quad} \underline{\quad} \hat{\underline{u}} > \underline{\quad} \hat{\underline{u}} \underline{\quad} = LL-L-H' > LM-L-H > LM-H-H > LM-H'-M;$
- 3) закон "σωτήρα": $\underline{\quad} \underline{\quad} \leftrightarrow \hat{\underline{u}} \underline{\quad} : H'M-L \leftrightarrow MH'-ML (< HH-ML < H'L-ML < H'L-LL).$

При этом, как видно, сохраняется общая тенденция акцента: избежать "перегибов" – т.е. по возможности иметь в слове один восходящий или нисходящий акцент и, в крайнем случае, одно плавное повышение и плавное понижение.

Следовательно, древнегреческое слово, имеющее акцентный пик на одной из центральных просодем (здесь – на третьей из пяти), можно представить в виде следующей схемы; она в известной мере соответствует и взглядам А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса [Devine & Stephens 1994: 189]:

$$\underline{\underline{L}} \quad \underline{\underline{M}} \quad \underline{\underline{H}} \quad \underline{\underline{M}} \quad \underline{\underline{L}}$$

Здесь *H* обозначает акцентируемую просодему, *L* неакцентируемую (*gravis*), а *M* – неакцентируемую, но имеющую повышенный тон (лежащую сразу перед или после пика). Далее мы увидим, что такое понимание природы греческого (и возможно, индоевропейского) интонационного контура прямо соотносится и с утверждениями ряда греческих и латинских грамматиков, указывавших, на существ-

зование «среднего тона»: понятно, что имеется в виду относительное повышение тона на вокалической мере (или слоге), лежащей вне акцентного пика.

В связи с разговором об индоевропейских тонах как о вероятном источнике музыкального ударения весьма интересными видятся и следующие идеи Л. Г. Герценберга, изложенные в уже упоминавшейся выше книге «Вопросы реконструкции индоевропейской просодии» [= Герценберг 1981]. Они также помогают пролить свет на вопросы развития акцентных парадигм греческого и латинского языков. По мнению Герценберга, древнейшим предком индоевропейского языка был некий язык слогоморфного типа, имевший только две серии смычных согласных и четыре основных слоговых тона: сильный акут, слабый акут, сильный циркумфлекс, слабый циркумфлекс. Исследователь считает, что подобное представление о языке свидетельствует о восточной локализации индоевропейской прародины, усматривая некоторые связи индоевропейского даже с древнекитайским (вроде слова *гусь*: *ghān-, др. кит. ngan). Для слоговых тонов были важны два различных признака: 1) высота 2) ларингализация. Позднее, одновременно с началом диалектального дробления этого древнего праиндоевропейского языка, первый признак смещался на уровень слова, создавая ударение; второй – на уровень согласных, создавая придыхательные. Эти процессы не могли идти строго сбалансировано: к тому моменту, когда центральной частью в языке стало слово, в одних языках (как в санскрите и греческом) уже развился сложный консонантизм, тогда как в других (как в латинском) гораздо большее влияние приобрела "централизация" (по Шмитту) ударения.

Интересна и попытка Л. Г. Герценберга найти реликты древнейшей тоновой системы уже непосредственно в латинской просодии (синкопа: [Герценберг 1982]). Впрочем, эта гипотеза требует отдельной разработки и пока рядом учёных не принимается (см. например возражения Т. А. Карасёвой [Карасёва 2000]).

2.5.6. Заключение второй части: латинское ударение в диахронии

Итак, проанализированные данные дают основания утверждать, что латинская и греческая акцентные системы – весьма различные явления, имеющие меж-

ду собой не больше общего, чем, к примеру, латинская и литовская. Тональное ударение италийских языков стало приобретать момент динамизма (централизации) ещё до окончательного закрепления его на позиции «начальной интенсивности» – а закрепившись там, оно приобрело ещё большую силовую составляющую. Тем не менее, объяснение известного тонального компонента, который мы видим и в ударении классического периода, надо искать, как кажется, не в греческом влиянии (что делали Кент и Аллен), а в его индоевропейских истоках.

Тон как суперсегментная единица не локализуется в какой-то одной сегментной составляющей слова (морфеме или фонеме); в этом смысле весьма полезно будет вспомнить и о греческом придыхании, которое сохраняет черты своей суперсегментности, установленной для праиндоевропейского состояния Герценбергом, и в классическом греческом языке. Ведь если закон Грассмана допускает объяснение из сегментной фонетики (диссимиляция фонем), то обратный ему «закон сохранения придыхания» объяснить уже довольно проблематично: почему в случае $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega > \acute{\epsilon}\delta\rho\epsilon\psi\alpha$ не происходит нейтрализации по придыхательности (* $\acute{\epsilon}\tau\rho\epsilon\psi\alpha$)? Традиционно для таких слов восстанавливается противоречащая закону Грассмана праформа с двумя придыхательными (* $dhrobh-$: Frisk), не отличимая и для слов с нейтрализацией: $\pi\epsilon\acute{\iota}\theta\omega$ (* $bheidh-$: Frisk) $> \acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\sigma\alpha$. Однако даже такая реконструкция в ряде случаев не позволяет восстановить оба индоевропейских придыхательных (например, для $\theta\rho\acute{\iota}\xi$). С другой стороны, напротив, в перфектных формах на смычный согласный действует нейтрализация в пользу придыхательного: $\beta\acute{\epsilon}\beta\lambda\epsilon\phi\alpha = \gamma\acute{\epsilon}\gamma\rho\alpha\phi\alpha$. Всё это наводит на мысль, что придыхание в этих примерах ведёт себя не как различительный признак фонемы, но, скорее, как некий просодический признак, присущий слову целиком и реализующийся, подобно ударению, в каком-то одном из его сегментов.

Не так давно знаменитый американский лингвист Джон Голдсмит предложил рассматривать сегментную фонетику семитских языков, в частности арабского, в терминах предложенного им автосегментного анализа [Goldsmith 1976; 1990]. Как известно, одним из основных вопросов арабской фонологии является взаимодействие консонантного «костяка» корня и его вокальных

«наполнителей». Особенно остро этот вопрос встаёт при изучении словоизменения, где различные грамматические категории выражаются, по большей части, всяческими изменениями этих гласных. Идея теории Голдсмита заключается в том, что гласным и согласным в арабском языке отводятся разные иерархические уровни, взаимодействие между которыми служит главным фактором формирования словоизменительных парадигм.

Очень вероятно, что применительно и к индоевропейской просодии следует говорить о сочетании и взаимодействии различных просодических уровней, один из которых может занимать тон, другой герценберговская «ларингализация» и т.д, что наблюдается в таких языках, как греческий или санскрит. Конечно, это предположение требует специального и обстоятельного изучения, однако следует признать, что помещение греческого придыхания в особую просодическую нишу позволяет разрешить ряд спорных вопросов – хотя и ставит перед нами новые другие. В частности, выделение особого иерархического уровня для придыхания, позволяет объяснить как греческий «закон сохранения придыхательности» и закон о придыхании в перфекте, так и сам закон Грассмана, сводя недопустимость аспирированных в двух подряд идущих слогах к тем же принципам, что не допускают два идущих подряд акута в слове⁷⁴. Примечательно, что и античные грамматики, труды которых мы рассмотрим далее, говорили примерно о том же, очевидно, не случайно причисляя значки придыхания к «просодиям».

В связи с этим весьма правдоподобным кажется предположение о том, что и в латинском языке в разные периоды его истории тон и интенсивность существовали на двух разных просодических уровнях, то сливаясь воедино, то выступая в виде разных явлений и выполняя различные фонологические функции. В частности, вполне можно увидеть, что тон, являвшийся в доисторический период главным организующим началом в слове, с появлением

⁷⁴ Надо сказать, что принятие такой гипотезы будет требовать и нового рассмотрения вопроса о правоте глоттальной теории Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [Гамкрелидзе & Иванов 1984] в сравнении с традиционной реконструкцией.

латинского динамизма не ушел в никуда, а существовал одно время параллельно с ним: при этом начальное динамическое ударение могло выполнять делимитативную функцию, а тональный акцент удерживать исконную кульминативную⁷⁵. В процессе утраты вокалических мор мелодическая роль его стала подменяться ритмической, он всё более набирал силу, напоминая при этом уже скорее второстепенное ударение. Параллельно шло закрепление за ним определённой позиции, требуемой нужным соотношением ударной и безударной частей слова: так индоевропейское традиционное место ударения сменилось ритмически обусловленным итальянским. Наконец, когда ослабление «начальной интенсивности» сделало это второстепенное ударение главным, оказалось, что оно содержит как тональный, так и динамический компоненты. Это явление как раз соответствует совпадению в ударном слоге центров двух корреляций: ритмической корреляции геминации и кульминативной корреляции ударения. Тональный компонент, возможно, был более заметен в кульминативной функции – как раз в тот период (II в. до Р.Х. – II в. по Р.Х.) его могли наблюдать греческие и римские грамматики; динамический был более важен в ритмическом отношении, из-за чего ударный слог воспринимался как некий ритмический, хотя и слабо выраженный, центр слова. С этого времени тон и сила неизменно сочетались в латинском ударении. При этом, хотя оно занимало весь слог целиком, силы в нём было сравнительно мало, а тона – довольно много; из-за чего даже тогда, когда метрический строй латинского слова постигла необъяснимая катастрофа III в. по Р. Х., латинская поэзия вышла из поздней античности в раннее средневековье как чистая силлабика, а не тоника или силлабо-тоника – тогда как греческая *«христианская поэзия гимнов уже с конца IV в. н. э. переходит на акцентуирующий принцип»* [Тронский 1962: 116; подробнее Dihle 1954]. Более того, даже классический итальянский стих не может быть назван полноправной силлабо-тоникой [Гаспаров 1995: 35 sqq.], а данные романских языков позволяют увидеть в

⁷⁵ Это отчасти напоминает тонально-динамическую теорию Ж. Вандриеса. Впрочем следует сделать оговорку, что такой период продолжался совсем недолго и может относиться лишь к началу действия закона «начальной интенсивности».

них действие особых «слоγοметрических» законов [Hoequist 1983; см. также Bennett 1898].

Всё сказанное позволяет не согласиться со Стёртевантом, утверждавшим, что имеющийся тональный компонент итальянского ударения (почти в квинту [Collier 1991]) сохраняется с римских времен. Не с римских, а с гораздо более древних.

Итак, историю латинского ударения можно кратко обозначить следующими эпохами:

1. Свободное моровое ударение времён начала распада и.-е. общности; происходит выделение греко-арийского и балто-славяно-итало-кельтских акцентных типов.
2. Раскол балто-славянского и итало-кельтского акцентных типов. В первом постепенно начинает идти утрата оппозиции по весу, во втором (с опережением) нарастает динамизм ударения и создаются предпосылки к тенденции утрачивания вокалических мор. Параллельно в греко-арийской общности проходят иные акцентные инновации (в первую очередь дистинктивно-семантические).
3. Раскол итало-кельтского акцентного единства, одновременно распадается греко-арийская просодическая целостность. Латинский язык всё ещё сохраняет (относительно) свободное моровое ударение. Греческий язык в додиалектный период формулирует свои правила ограничения ударения.
4. Итальянский период: появление (ок. 500 г. до Р. Х.) – очевидно, под влиянием субстрата – динамического ударения на первом слоге. Параллельно с ним, но недолго, существует (кульминативное) моровое ударение. Утрата вокалических мор переводит его в статус второстепенного ритмического ударения⁷⁶.

⁷⁶ Не исключено, что в какой-то момент могли появляться и дополнительные второстепенные ударения.

5. Доклассический период (III-II вв. до Р. Х.): динамизм на первом слоге пропадает, появляется централизирующее ударение на 2/3 слоге. Оно становится главным ритмическим центром в слове.
6. Классический период (I в. до Р. Х. и далее): закон 2/3 слога перестаёт действовать и ударение становится традиционным. Тогда оно начинает вызывать синкопу, апокопу, сокращение заударных гласных и т.д.
7. Переходный период III в.: происходит утрата силлабических мор – ударение оказывается *единственным* ритмическим центром слова. Его усиление со временем разрушает и оставшуюся оппозицию долгих и кратких гласных⁷⁷. Так латинское ударение постепенно приобретает тот вид, который мы можем наблюдать в современном итальянском языке.

Таковы основные проблемы, связанные с историей и реконструкцией латинского ударения; к их детальному изучению ещё придётся неоднократно обращаться в будущих акцентологических исследованиях. Сейчас нам необходимо перейти ко второй категории вопросов, возникающих относительно восприятия латинского ударения носителями языка. Их вместе с сопутствующими проблемами циркумфлекса, традиции, источников и их истолкования мы рассмотрим в следующей третьей части.

⁷⁷ Которая на тот момент выражалась не длительностью их, но тембром. Вопрос о различении гласных в безударных слогах по данным императорских грамматиков мы рассмотрим несколько подробнее в [3.2.3] и далее.

Часть III

ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ОПИСАНИЯ

(Теория латинского ударения по данным римских грамматиков)

В последней части работы речь пойдет ещё об одной стороне изучения латинской просодии, явившейся, по сути дела, основной причиной исторического конфликта между приверженцами «динамической» и «тональной» теорий. Вопрос о том, следует ли доверять данным древних учёных, стал подниматься ещё до эпохи гиперкритицизма XIX в, однако ожесточенный спор между сторонниками и противниками античных грамматиков начался уже в XX в., когда успехи сравнительно-исторического языкознания выявили противоречия между античными грамматическими описаниями и реконструируемыми фактами языка.

Выше уже приводилась обширная цитата из И. М. Тронского, весьма наглядно свидетельствующая о не вполне терпимых отношениях сторон; впрочем, стоит добавить, что и представители противоположного лагеря были настроены не менее агрессивно: мы уже видели, к примеру, как У. С. Аллен, весьма недвусмысленно заявляет, что греческие грамматические термины были переведены «рабски» [Allen 1973: 151].

Поскольку свидетельства римских грамматиков иной раз служат главным доводом в пользу той или иной точки зрения, то здесь мы рассмотрим античные источники более подробно и постараемся с большей степенью определенности дать ответы на следующие вопросы:

- 1) можно ли доверять данным античной теории ударений?
- 2) могут ли свидетельства римских грамматиков однозначно разрешить спор о природе латинского акцента (в случае, если ответ на предыдущий вопрос положительный)?
- 3) чем можно объяснить несоответствие античных свидетельств реальности в том случае, если таковые имеются?

С целью поиска ответов на поставленные вопросы были изучены⁷⁸ труды и отдельные свидетельства следующих древних учёных: императорского и позднего времени – Квинтилиана, Авла Геллия, Харисия, Диомеда, Присциана и Псевдо-Присциана, Псевдо-Проба, Доната, Сервия Гонората, [Сергия I], [Сергия II], Кледония, Помпея, Юлиана, Фоки, Евтихида, Мария Викторина, [Викторина] и [Максима Викторина], Донатиана, Клавдия Сакердота, Маллия Теодора, Капра, Беды, Аудакса, Досифея, *Fragmenta Bobiensia*; республиканского времени – Варрона, Нигидия Фигула, Цицерона. Поздние свидетельства поставлены перед ранними ввиду того, что они сохранились лучше и, кроме того, зачастую опираются на более древние или прямо их цитируют, что мы увидим в случаях с Авлом Геллием, Диомедом, Харисием и многими другими. Разумеется, названия источников или имена очевидных последователей тех или иных авторов удастся проследить лишь изредка из-за того, что сохранились далеко не все грамматические тексты. Так, если, для Диомеда совершенно несомненным можно считать знакомство с текстами Варрона и стоических грамматиков, то из его последователей с той же очевидностью установить нельзя никого. Впрочем, вопросы текстологии римских грамматиков и проблемы подлинности текстов и персоналий весьма подробно рассматриваются и самим их издателем Генрихом Кейлем в предисловиях к приведенным текстам, а также некоторыми другими учёными в своих сочинениях; для нас же они не столь важны и будут представлять определенную ценность лишь изредка.

Основным отличием античных грамматических трактатов от трудов нынешних филологов является не только то, что первые могут восприниматься нами написанными носителями языка, а вторые – нет; помимо этого, совершенно необходимо признать для античных текстов актуальность особой проблемы – *проблемы истолкования*. В самом деле, было бы заблуждением прямо перекладывать современные лингвистические взгляды на труды античных грамматиков, а затем проверять, подтверждаются они или нет: как удачно выразился некогда Ф. А. Петров-

⁷⁸ Без непосредственной опоры на весьма устаревший и с известным пристрастием составленный труд Шёлля [Schoell 1876], значимость которого, впрочем, несколько не отрицается.

ский, «само собою разумеется, что мы не вправе предъявлять автору, а тем более античному, требование излагать свои мысли в той последовательности и в той системе, какая представляется нам наиболее целесообразной...» [Петровский 1957]. Поэтому исключительную ценность представляет для нас понимание общесистемных закономерностей в изложении римской грамматики, её целей и задач, взглядов древних учёных на описываемый ими язык. Однако и сами по себе языковедческие взгляды древних также не следует считать абсолютно автономными: источником и фундаментом их, насколько об этом позволяют нам судить имеющиеся древние тексты, послужила античная философия – преимущественно перипатетическая и стоическая.

Именно стоические философские взгляды принимаются в этом исследовании в качестве опоры для истолкования античных грамматических текстов. Основная гипотеза, лежащая в фундаменте такого метода, – это идея о неразрывной связи стоических философских учений, в особенности логики и физики, с двумя основополагающими отделами античной грамматической науки – учением о значении, т.е. с тем, что ныне зовётся семантикой, и учением об означающем, которое ещё в древнюю эпоху получило именование фонетики. В целом влияние стоиков на образование греко-римской грамматической теории общеизвестно [Лосев 1970]; здесь мы попробуем проследить последовательный переход стоической мысли от рассмотрения явлений семантики к фонетике, а затем – от фонетики к акцентологическим описаниям.

Фонетическая часть исследования, разумеется, превалирует над семантической; однако последняя для нашего обзора не просто важна – она обязательно должна быть рассмотрена, причём в самом его начале, поскольку в противном случае мы рискуем потерять то звено, которое окажется переходным между философией и грамматикой.

3.1. СТОИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И АНТИЧНАЯ ГРАММАТИКА

(семантика и фонетика)

3.1.1. Обзор стоической семантики

Стоики одними из первых провозгласили активное участие субъекта в познавательной деятельности. Учение о познании стоит у них в тесной связи и с физикой, поскольку сам акт познания представляет собой взаимодействие различных физических сущностей, в первую очередь – души (*ψυχή*) и духа (*πνεῦμα*)⁷⁹. Душа, сущность, имеющая воздушную природу, разлита по телу человека. Ей имманентно присущ дух, огненной природы, являющийся частью мирового божественного огня (*πῦρ τεχνικόν*). Центральная часть духа-пневмы, оказываемая тем самым и руководящим центром души-псюхэ, называется *ἡγεμονικόν*; стоики традиционно помещали её в сердце, очевидно, по аналогии к строению живого организма [*Chrys. fr. 837-841 SVF*], хотя свидетельство Аэция указывает и на голову [*fr. 826 SVF*]. По этому образцу выделялся и *ἡγεμονικόν* в мире [*fr. 644 SVF*], правда, единого мнения о том, что им является – Солнце (Клеанф), или небо (Посидоний), или чистый эфир (Хрисипп), – не было. Мир, по мнению стоиков, воспринимается субъектом посредством органов чувств, к каждому из которых пневма *протягивается* (*διατείνειν*) из *ἡγεμονικόν*: так, видит пневма глаза, слышит – уха и т.д. [*fr. 826, 911 SVF*].

Процесс познания может быть двух видов, в каждом из которых оно происходит при активном участии субъекта: это *πρόληψις* и *κατάληψις*. Первый – рационалистического свойства, данный до какого-либо опыта; считалось, что определённые понятия («предвосхищения») даются людям от рождения: так, если все согласны друг с другом, что боги существуют, то это свидетельствует об их реальном существовании. Второй – скорее эмпирический, в котором участвует и субъект и объект познания (*ὑπάρχον*). Здесь акт познания уподоблялся физиче-

⁷⁹ Впрочем, существует мнение, согласно которому *ψυχή* есть нетерминологический вариант *пневмы*.

скому акту отпечатывания одного тела в другом: как при погружении печати в воск на нём поступает узор её поверхности, так и объект, отражаясь в душе человека, определённым образом видоизменяет её, создавая в ней свой оттиск, именуемый *φαντασία* [D. L., VII, 46]. Изменения в душе уже фиксируются пневмой и тем самым воспринимаются.

Здесь особенно важны три момента:

- 1) постижение происходит от наличного объекта;
- 2) *φαντασία*, отпечаток в материальной душе, есть тем самым тоже материальный объект;
- 3) восприятие всегда требует «согласия» на него субъекта.

Стоики различали несколько видов душевных отпечатков, однако истинным признавался лишь тот из них, за которым стоит реально существующий *ὑπάρχων* и который сформирован сообразно с ним. Такая фантазия называлась *постигающей* (*καταληπτική*). Противоположность ей, *ἡ ἀκαταληπτική φαντασία*, строилась либо без объекта референта – тогда это или *φανταστόν* (*воображаемое*), или *φανταστικόν* (*фантазия в нашем смысле*), или *φάντασμα* (*призрачное представление, рождающееся в бреду или исступлении*) [fr. 54-55 SVF]. Вопрос об истинности и ложности восприятия сводился к вопросу о критерии восприятия, который стоики решали следующим образом: человеку всегда дано различить подлинную фантазию от прочих ложных образов. Эта способность, данная каждому, требует развития личности, поскольку познание есть волевой акт, зависящий от нравственной природы человека [Cicero, Luc. 17].

Таким образом, человек всегда способен отличить подлинную фантазию от ложного фантазма. От фантазии познающий субъект восходит к понятиям (*ἔννοιαι*), которые уже образуются при помощи накопления в процессе опытного познания этих фантазий и подвергаются логическому осмыслению. Так получается, что формирование понятий есть уже более высокая ступень познания, нежели

чем простое сенсуалистическое восприятие, поскольку включает в себя ещё и логическое постижение. При помощи него субъект способен перейти от того, что более очевидно, к тому, что менее: такое логическое действие называется ἀπόδειξις (фактически – доказательство). Ἀπόδειξις строится на основе силлогизма, логосы которого также могут состоять из двух частей: посылки (λήμμα) и вывода (ἐπιφορά). Например: *вода обычно не проходит сквозь камни; камни обычно не пропускают воду; этот камень пропускает воду – значит, в нём внутри есть поры.*

До этого момента речь шла о непосредственном восприятии мира через органы чувств. Как же быть в той ситуации, когда познание осуществляется через язык, в котором материальный носитель информации – звук – не является тождественным самому объекту восприятия?

Стоики решали это затруднение при помощи теории лектона (λεκτόν), основанной на идее о неразрывной связи звука и значения внутри логоса. Здесь источником может служить знаменитый фрагмент Секста Эмпирика:

καὶ δὴ τῆς μὲν πρώτης δόξης προεστήκασιν οἱ ἀπὸ τῆς Στοᾶς, τρία φάμενοι συζυγεῖν ἀλλήλοις, τό τε σημαίνόμενον καὶ τὸ σημαῖνον καὶ τὸ τυγχάνον, ὧν σημαῖνον μὲν εἶναι τὴν φωνήν, οἷον τὴν Δίων, σημαίνόμενον δὲ αὐτὸ τὸ πράγμα τὸ ὑπ' αὐτῆς δηλούμενον καὶ οὗ ἡμεῖς μὲν ἀντιλαμβανόμεθα τῇ ἡμετέρᾳ παρυσισταμένῳ διανοίᾳ, οἱ δὲ βάρβαροι οὐκ ἐπαῖουσι καίπερ τῆς φωνῆς ἀκούοντες, τυγχάνον δὲ τὸ ἐκτὸς ὑποκείμενον, ὥσπερ αὐτὸς ὁ Δίων. τούτων δὲ δύο μὲν εἶναι σώματα, καθάπερ τὴν φωνήν καὶ τὸ τυγχάνον, ἐν δὲ ἀσώματον, ὥσπερ τὸ σημαίνόμενον πράγμα, καὶ λεκτόν, ὅπερ ἀληθές τε γίνεται ἢ ψεῦδος

[Sextus Empir., *Adu. math.* VIII, 11-12].

... Первая точка зрения определённо представляется стоиками, утверждающими, что три элемента соединяются друг с другом: означаемое (σημαίνόμενον), означающее (σημαῖνον) и предмет (τυγχάνον), из которых означающее есть звук, как, например, "Дион", означаемое – сам предмет речи выявляемый им, который мы воспринимаем как присутствующий в нашем сознании, тогда как варвары не понимают, хотя и слышат тот же звук, а предмет – нечто лежащее вне, как сам Дион. Из них два суть тела (т.е. звук и предмет), а одно – бестелесно (т.е. означаемое) и [при этом] способно быть словесно выражено (λεκτόν) как истинное или ложное.

[Секст Эмпирик].

Как видно, стоическая теория значения поразительно похожа на современный семантический треугольник Стерна: «символ правильно символизирует мысль и истинным образом обозначает объект или референт, тогда как мысль адекватно соотносится с объектом» [Ogden & Richards 1930: 11]. Разница заключается лишь в том, что стоики приписывают всякому означающему словесно выраженное содержание. Здесь мы видим совершенно ту же картину, которая была видна до этого в образах материи и мирового логоса в физике, души и пневмы в науке о чувственном восприятии. *Лектон* – это знаково оформленное понятие или представление, специфика которого заключается в том, что он не существует без своего материального носителя (он ему, так сказать, «имманентно присущ»), но при этом само слово не способно существовать без лектона, так как оказывается пустым звуком [Богомолов 1985: 270]; лектон не материален, не идеален, не истинен, не ложен, о нём даже нельзя сказать, что он существует: это *чистый смысл*, «словесная предметность» [Лосев 1979: 106]. По мнению Лосева, лектон у стоиков – одна из основных онтологических категорий. Что же касается стоической теории языкового знака, то на такое понимание его структуры, очевидно, оказала огромное влияние теория особой метафизической зависимости («от природы», *φύσει*) между означающим и означаемым, бытовавшая ещё задолго до стоиков.

Из монистического характера стоической физики становится понятной двусторонняя сущность логоса, который помимо значимой мысли включает в себя ещё и её носитель – некое материальное тело. Это соображение обладает решающим значением: переходя к рассмотрению этой стороны логоса, мы убедимся, сколь важную роль оно сыграет в создании античных фонетических описаний.

3.1.2. Обзор стоической фонетики

Та часть стоической диалектики, которая занималась изучением формальных элементов языка, включала в себя как науки фонетического толка, так и теорию музыки, что ещё более сближало стоиков с пифагорейцами. Основным критерием для совмещения этих двух дисциплин было, вероятно, не то, что обе они изучают звуки, а то, что и музыкальное произведение, и человеческая речь члено-

раздельны (*ἔμμελος*) – т.е. способны члениться на конечное число простейших элементов, называемых стойками традиционно *στοιχεῖα* [D.L. VII, 44]. На этом же основании, очевидно, стойки, если верить Диогену, объединяют написанное слово и произносимое в категорию *ἡ ἐγγράμματος φωνή*: и то, и другое равно членится на элементы, но одни из них пишутся, а другие слышатся. Вообще же идея первоначал для слов языка, видимо, была столь же древней, сколь и идея соотношения слова и числа.

Звук считается стойками материальным телом: это или приведённый в движение воздух, или, как пишет Диоген Вавилонский, само чувство, отвечающее слуховому восприятию [D. L. VII, 55]. Звуки, издаваемые человеком, в отличие от животных, отличаются членораздельностью, поскольку вызываются непосредственно из сознания. Таким образом, звуки делятся на нечленораздельные природные (*ἦχος*) и членораздельные (*ἡ ἐγγράμματος φωνή*): первые существуют в природе (как звон, шум), вторые – лишь в речи людей. Они, в свою очередь, разделяются на *λόγος* и *λέξις*: первый всегда проникнут мыслью (двусторонняя сущность!), второй – нет. Диоген приводит пример «слова» *βλίτυρι*, которое является пустым набором звуков.

Далее рассматриваются "буквы" (*γράμματα*), имеющие три характеристики: это упоминавшийся выше элемент (*στοιχεῖον*), начертание "буквы" (*χαρακτήρ*) и её название (*ὄνομα*, например, «альфа»). Очень важное замечание: на элементы делится не логос, а *λέξις* – т.е. фонетическое слово; таким образом, получается, что элемент у стоиков – это нечто весьма сходное с современной фонемой (в некоторых теориях): конечным набором абстрактных звуковых комплексов, на которые членится слово. Благодаря удачному соотношению звукового и графического обликов слова в греческом языке (способ написания там был фонетическим) оказалось удобным соотнесение элемента с графическим знаком, из-за чего он попадает в тройственную структуру, именуемую *γράμμα*.

Различие между фонетической и семантической сторонами логоса в понимании стоиков побуждают их к проведению ещё одного очень важного разделения:

Διαφέρει δὲ καὶ τὸ λέγειν τοῦ προφέρεσθαι· προφέρονται μὲν γὰρ αἱ φωναί, λέγεται δὲ τὰ πράγματα, ἃ δὴ καὶ λεκτὰ τυγχάνει

[D.L. VII, 57].

Различаются также понятия «говорить» и «произносить»: «произносятся» звуки, а «говорятся» вещи, которые и оказываются способными быть выраженными (т.е. лектá)

[Диоген Лаэций].

Так стоиками выявляется противопоставление между языком и речью, вновь сформулированное лишь в начале XX в. Фердинандом де Соссюром. Стоическое объяснение этому явлению, очевидно, можно найти в одной из двух цитат, сохранившихся среди фрагментов Хрисиппа: одна из них принадлежит Галену [fr. 135 SVF], который говорит, что, по мнению стоиков, у человека существуют два логоса: один «внешний, устный» (*προφορικός*), выявляющийся при разговоре, а второй «внутренний», свойственный человеку как мыслящему существу; этот логос называется *ἐνδιάθετος* (буквально «внутриположный»⁸⁰). Далее (там же) следует фрагмент из Секста Эмпирика:

Φασὶν ὅτι ἄνθρωπος οὐχὶ τῷ προφορικῷ λόγῳ διαφέρει τῶν ἀλόγων ζῴων (καὶ γὰρ κόρακες καὶ ψιττακοὶ καὶ κίτται ἐνάρθρους προφέρονται φωνάς) ἀλλὰ τῷ ἐνδιαθέτῳ...

[Sextus Empir., *Adv. math.* VIII 275].

Говорят, что человек не внешним («произносительным») логосом отличается от бессловесных тварей (ведь и вороны, и попугаи, и сороки произносят членораздельные звуки), но внутренним...

[Секст Эмпирик].

Далее следуют уже хорошо знакомые нам рассуждения о фантазиях и силлогизмах. Так, различия в понимании стоиков между речевой и языковой сторонами логоса только подтверждаются. Очевидно, этим соображением и объясняет-

⁸⁰ См. [Sextus Emp. *Pyrr.* I, 65]. Возможные возражения о том, что 1) оппозиция не стоическая и 2) *προφορικός* значит «членораздельный», очевидно, не стоит принимать во внимание: Секст откровенно приписывает её стоикам, что позволяет думать, по крайней мере, об использовании такого противоположения в стоических кругах, а рассматриваемые ниже цитаты не дают оснований поставить знак равенства между *προφορικός* и *ἐνάρθρος*.

ся, почему животные обыкновенно не издают членораздельных звуков или почему варвары не понимают, что значит *Дион*, хотя и слышат само это имя: у первых вообще нет внутреннего логоса, чтобы говорить, а у вторых он, видимо, по-другому устроен. (Здесь стоик, возможно, уточнил бы: не «по-другому», а *неправильно*, ибо именно этот внутрисловообразующий логос, полноценно данный от природы, и делает человека человеком, а не зверем, господином, а не рабом, эллином, а не варваром. См. также [Богомолов 1985: 280].)

Установив это различие между формальной и содержательной сторонами стоического логоса, мы уже совершенно не удивляемся, почему «части речи» (*μέρη τοῦ λόγου*) стоики относили к формальной грамматике, почему далее Диоген Лаэртский рассказывает о различных добродетелях и пороках речи, о ритмике поэзии, о категориях *ποίημα* и *ποίησις* и др. В таком виде это учение входит и в грамматическую традицию позднейших эпох.

3.1.3. Стоики и римские грамматические описания

а. Общее

Выше уже кратко говорилось о двух главных грамматических школах античности – перипатетической александрийской и стоической пергамской. У нас есть некоторое число текстов александрийских грамматиков, позволяющих судить о принципах языковых описаний, принятых в этой школе; к сожалению, мы практически не можем судить о языковых (фонетических) изысканиях деятелей пергамской школы, ввиду практически полной утраты текстов. Однако выход из этого затруднения есть: для этого нам следует взглянуть на дальнейшую судьбу и той, и другой традиции уже на римской почве, где значительно большее число сохранившихся текстов позволяют судить о стоическом влиянии.

Стоическая грамматическая теория с незначительными изменениями проникла благодаря пергамскому стоику Кратету в Рим, где и стала вместе с последующей александрийской системой одной из ведущих грамматических концепций. Последнюю ввел, как считается, в I в. по Р.Х. Квинт Реммий Палемон. К III в. по Р.Х. весь имеющийся материал был собран воедино, из чего впоследствии воз-

никли два крупнейших грамматических извода IV в.: Харисия и Доната; контаминация обоих представлена уже цитировавшимся сочинением Диомеда (конец IV в.). Дальнейшее развитие римской грамматики базируется как на сочинениях указанных авторов, так и частично на более ранних (как Сергий на Варроне), а также на вновь появившихся греческих трактатах: в первую очередь, – это труды по синтаксису Аполлония Дискола (II в. по Р.Х.) и просодии его сына Геродиана. Применение метода сочетаемости частей речи, созданного Аполлонием Дисколом, к латинскому языку и составляет основной объем грамматики Присциана (начало VI в. по Р.Х.). Сейчас сохранившиеся из грамматик императорского времени представлены в семитомном издании Генриха Кейля («Grammatici Latini ex recensione Henrici Keilii») и в собрании фрагментов «Grammaticae Romanae fragmenta aetatis Caesareae» Антонио Мадзарино. Поскольку ни одной полной грамматики республиканского периода до нас не дошло, то здесь нам приходится довольствоваться фрагментами, собранными предшественником А. Мадзарино, Джинджи Фунайоли («Grammaticae Romanae fragmenta»). Подробнее об этих сборниках речь будет идти далее.

b. Языковая иерархия

Общий взгляд на античную грамматику, её структуру, цели и задачи, был очень метко сформулирован учёным IV-V вв. Диомедом:

Grammaticae initia ab elementis surgunt, elementa figurantur in litteras, litterae in syllabas coguntur, syllabis comprehenditur dictio, dictiones coguntur in partes orationis, partibus orationis consummatur oratio, oratione uirtus ornatur, uirtus ad euitanda uitia exercetur

[Diomedes K I, 424].

Основы грамматики происходят из элементов, элементы отображаются буквами, буквы сводятся в слоги, слогами охватывается слово, слова объединяются в части речи, из частей речи составляется речь, речью укрепляется мужество⁸¹, мужество развивается для избежания пороков

[Диомед].

⁸¹ Слово это переведено здесь весьма условно. На деле *мужество* (и просто *добродетель*) есть *terminus technicus* (перевод греческого *ἀρετή*), связанный с другим важным понятием *ars*, который, согласно традиционной этимологии, *ἀπὸ τῆς ἀρετῆς dicta*. См. также: [Seruius K IV, 405].

Даже не выясняя точного значения терминов *elementum*, *littera*, *dictio*, *pars orationis* и *oratio*, мы видим, что языковая действительность – а заодно и структура грамматики – представляется древнему автору так же, как и нам, т. е. иерархично. Кардинальное же различие можно заметить в следующем: современная грамматика видит язык *двусторонней* структурой, соответствующей привычной нам дихотомии язык ↔ речь: одна часть этой структуры – лестница знаков, отражающая языковую действительность (*фонема*, *морфема*, *лексема* и т.д.), вторая – речевую (*звук*, *слог*, *такт* и т.д.). Античная лингвистика, как могло бы показаться на первый взгляд, изображает язык-речь структурой *односторонней* с традиционной триадой "буква" ... "слог" ... "часть речи" ("слово").

Однако от этого заблуждения нас спасают два положения. Первое – сопоставительное: в тексте грамматики встречаются прямые ссылки на стоиков, особенно – применительно к фонетическому описанию, которое излагается строго в соответствии с вышеизложенной теорией (у Диомеда – [К I, 420]). Второе – филологическое: если присмотреться внимательно, мы увидим в латинских терминах Диомеда кальку с греческих стоических аналогов: *littera* = *γράμμα*, *elementum* = *στοιχεῖον*, *dictio* = *λέξις*, *pars orationis* = *μέρος τοῦ λόγου*, *oratio* = *λόγος*. В результате получается иерархия, наподобие той, которую мы только что видели у Диогена Лаэртция; даже добродетели, упоминающиеся у Диомеда, очевидно, тоже стоические: ведь логика была у стоиков нравственной категорией, в связи с чем *правильно говорить*, *правильно мыслить* и *правильно поступать* были для них весьма близкими понятиями.

Давайте посмотрим теперь, применимо ли к иерархии Диомеда разделение формальной и функциональной сторон логоса. Выше было установлено, сколь существенным для стоиков было различие внешнего и внутреннего логоса; если допустить, что иерархия Диомеда стоическая, значит на каждом её уровне ("буква" → "слог" → "часть речи" ("слово")) должно отражаться различие понятий "язык" и "речь".

Для начала посмотрим в середину иерархии – на понятие слога. Общеизвестно, что в античную эпоху, помимо привычного нам, бытовало ещё и особое пра-

вило слогораздела, согласно которому прикрытый слог может начинаться только с такой группы согласных, с которой может начинаться и целое слово. Многие современные учёные, в числе которых и И. М. Тронский, критически относятся к такому способу слогаделения:

Вышеприведенные правила [современного слогаделения – А. Б.] расходятся с учением римских грамматиков, будто бы группы согласных, которые могут стоять в начале слова (напр. sp, st, str, gn), также и в середине слова, относятся к последующему слогу. Искусственность этого учения, заимствованного римлянами у греческих грамматиков, особенно резко проявляется в том, что они включают в этот ряд даже группы, встречающиеся только в заимствованных словах, и устанавливают, например, слоговую границу i-pse на том основании, что группа ps возможна в начале слова psallō...

[Тронский 2001: §86]

Действительно, это учение значительно расходится с теми данными греко-латинской силлабификации, которыми мы владеем; однако несоответствие теории фонетической реальности ещё не обязательно означает полную обоснованность первой. Впрочем, следует отметить, что весьма многочисленные примеры «искусственного» слогаделения засвидетельствованы в ряде древнегреческих надписей [Devine & Stephens 1994: 36-43], что само по себе уже составляет значимую научную проблему. Но даже если не принимать этих контрпримеров и категорично заявлять, что такое слогаделение, действительно, не отражает реальности, всё равно было бы справедливо поставить вопрос о причинах возникновения этого учения. Кажется вполне правдоподобным, что этот случай есть как раз (редкий) пример того, когда у античных грамматиков теория не служит средством объяснения фактов, но наоборот, оказывается имеющей самостоятельную ценность.

Так, если, как мы допустили, каждый иерархический уровень языка представлял собою некий синкретизм понятий *язык* ↔ *речь* (две стороны логоса), то именно «концепт» слога должен был восприниматься античными грамматиками не только в формальном, но и в функциональном значении – как строительный материал для более высоких единиц, т.е. слов. А потому последние, ввиду отсутствия *морфем* в грамматическом описании языка, должны были делиться на слоги

так, чтобы из них можно было составить и другие похожие слова. Например, если поделить слово *cōstructiō* современным методом [kōⁿs.truk.ti.ō], то первые две «части» слова не будут ассоциироваться у римлянина ни с чем родственным, тогда как в привычном для себя делении con/struc/ti/o он усмотрел бы и «префикс» как в *cōficiō*, и «корень» как в *structūra*. Именно стремление видеть обе стороны (формальную и функциональную) в каждом иерархическом уровне и создаёт ту систему, которую современные учёные порой жёстко критикуют. Действительно, пример со словом *ipse* демонстрирует чрезмерную крайность и несовершенство этой теории в отдельных случаях, но это не означает, что она есть исключительно продукт заблуждения древних учёных. Интересным был бы и вопрос о том, насколько эта теория слога-морфемы обязана своим происхождением именно грамматическому синкретизму стоиков; к сожалению, недостаточность данных не позволяет говорить об этом со сколь бы то ни было значительной степенью определённости.

Примеры подчинения фактов теории у античных учёных можно найти и в других грамматических отделах. Например, четвертью века ранее написания своей «Исторической грамматики» в уже цитировавшемся предисловии к изданию «Античных теорий языка и стиля», И. М. Тронский даёт совершенно верное и при этом сходное нашему объяснение тому, почему греческие грамматики, понимая двойную природу букв ξ и ψ, считали их всё равно одним, хотя и двойным, «элементом». Дело в том, что эти буквы – единственные комбинации согласных, возможные в конце слова; а потому, относя их к «полугласным», противопоставленным «немым» согласным, греки сохраняли основной принцип классификации, по которому «немые» могли быть только в начале слога [Тронский 1996]. Очевидно, что такая классификация согласных находится в теснейшей связи с описанными выше правилами словораздела, ибо только при таком слогоразделе можно иной раз сохранить немую в начале слога: ἄ-να-κτος (т.к. κτάομαι).

Теперь рассмотрим вершину иерархии. Относительно последнего понятия: древние учёные (в отличие от Диомеда) не вполне чётко разграничивали понятия "слово" (λέξις, *dictio*) и часть речи (μέρος τοῦ λόγου, *pars orationis*). Оба термина,

бывало, путались: последний термин, означая первоначально нечто, вроде нашей *словоформы* (т.е. того, из чего непосредственно состоит логос), и будучи синонимом "слова", затем приобрел привычное нам категориальное значение и стал употребляться в том смысле, как описано выше. Обычно это связывают с уже относительно поздним этапом античного языкознания, когда отчетливо намечается существенная смена его приоритетов: если раньше исследование языка было направлено на описание его как родного, то теперь (к концу IV – началу V в.) возникает необходимость преподавания и изучения его, причём и как иностранного (см. также [Мажуга 2000] о сопоставлении Харисия и Диомеда); в результате грамматика из преимущественно *описывающей* становится *предписывающей*, что ведет к её категоризации и систематизации. Однако это не объясняет, почему Диомед называет *dictiō* подчинённым *pars orationis*. Применив же стоическое объяснение, мы видим, что если у каждого логоса две стороны, то *dictiō* как фонетическая реальность будет ровно половинкою «части речи», имеющей и функцию означаемого. Что же касается предыдущего аргумента, то он остаётся совершенно необходимым для объяснения того, почему эта система так прижилась. Поэтому Диомед в приведенной выше цитате и разграничивает совершенно чётко эти два понятия: для старого значения он использует термин *dictio*, для нового – *pars orationis*.

Ср.:

Λέξις ἐστὶ μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου

[*Dion. Thrax, 1, 1, 22*].

Слово есть наименьшая часть логоса (речи) при его членении

[*Дионисий Фракийец*].

(Александрийский грамматик термины не разграничивает.)

Dictio est uox articulata cum aliqua significatione, ex qua instruitur oratio et in quam resoluitur

[*Diomedes. K I, 436*].

Слово есть членораздельный звук с некоторым значением, из которого строится речь (предложение) и на который она разлагается

[*Диомед*].

(Введен термин *dictio*.)

Наконец, сходным образом можно ответить на вопрос, что есть *elementum* у Диомеда. Нет никакого сомнения, что это перевод греческого *στοιχεῖον*, однако если у александрийских греков термины *στοιχεῖον* и *γράμμα*, как правило, тождественны (ср. [Dion. Thrax. 1, 1, 9]), то у Диомеда мы видим подчинение первого второму. Здесь это можно объяснить исключительно лишь стоическим описанием фонетики, на что, впрочем, открыто указывает и сам Диомед.

Надо сказать, что и не все римские грамматики традиционно не различают эти понятия. Это хорошо видно из стихотворного трактата Теренциана Мавра [Ст. 85, К VI] и других грамматиков. Существенные отличия имеют лишь свидетельства Диомеда и Псевдо-Присциана.

Elementum est indiuisibilis materia uocis articulatae uel uniuscuiusque rei initium, a quo sumitur incrementum et in quod resoluitur. Huius figura littera uocatur. Et sunt omnes figurae litterarum numero XXIII. Sed harum potestates, quas elementa nominamus, plurimae intelliguntur

[Diomedes K I, 421].

Элемент – это неделимая основа членораздельной речи, можно сказать, начало всякой вещи, от которого она берет приращение и на которое разлагается. Его изображение зовётся буквой. И число всех букв – 23, но их значений (свойств), которых-то мы и называем элементами, гораздо больше

[Диомед].

Далее автор пишет, что древние называли и сами буквы элементами, однако это не совсем верно; элемент – это сущность буквы и её значение, тогда как сама буква – лишь графическое изображение: *elementum intellegitur, littera scibitur*. Тем не менее, далее Диомед говорит только о классификации букв, а не элементов.

Псевдо-Присциан (совсем поздний текст, [К III, 519]) также рассматривает различные теории соотношения буквы и элемента. Сам он склоняется к мысли о чрезвычайной близости этих двух понятий, уклончиво избегая при этом как полного отождествления, так и чёткого разграничения, хотя и отмечает следующее: *nam aliud est littera quae uidetur, aliud quod per eam colligitur* (одно дело – буква как она видится (= изображается), другое – то, что посредством неё объединяется). Учитывая «двустороннее» понимание каждого языкового уровня, мы, вероятно, могли бы

трактовать термин *elementum* в стоическом смысле как "звук". Таким образом, с первого взгляда представляется вполне справедливым допустить членимость термина *littera* и перевести слово *potestas* как "значение" или даже "вариант". А если так, то возникает и желание рассматривать термин *littera* как некий инвариант элемента, сродни нашей фонеме, тем более что она составляет в дальнейшем «слог», способный трактоваться и как «морфема» (об этом выше).

Необходимо, однако, добавить, что другие римские грамматики воспринимали «букву» и как графический знак, и как звук, не членя её, как правило, далее, но и не путая их: *littera est uox quae scribi potest indiuidua* [Prisc. К II, 6]⁸². – Буква – это звук, который может быть записан как не членимый. Термин *potestas* – (не совсем точный) перевод греческого слова *δύναμις*, которое в философском языке могло переводиться не только как 'значение', но и как 'свойство', что было гораздо частотнее. Очевидно, это прямое влияние аристотелевской традиции на александрийскую грамматику, продолжателем которой, по сути, был Присциан. Однако принципы фонетического описания, как видно, остаются сходными.

Впрочем, следует сказать, что и сам термин *potestas litterarum* у разных грамматиков может употребляться по-разному.

Один вариант (*potestas* $\cong$ *elementum*):

Potestas autem ipsa pronuntiatio propter quam et figurae et nomina facta sunt; quidam addunt etiam ordinem, sed pars est potestatis litterarum

[Priscianus. К II, 9].

Свойство же – само произношение [«буквы»], на основании которого и создаются и изображения [«букв»], и их имена; некоторые добавляют [помимо имени и изображения] ещё и порядок, однако это тоже есть часть свойств букв.

[Присциан].

Другой вариант (*potestas* = *δύναμις*):

⁸² Хотя у него же и на той же странице: *littera igitur est nota elementi...*

Nam accidunt uni cuique litterae nomen figura potestas. Nomen est quo appellatur, figura qua notatur, potestas qua ualet

[*Marius Vict. K VI, 6*].

У каждой буквы имеются имя, изображение и свойство. Имя – каковым она называется, изображение – каковым обозначается, свойство – каковым она отличается

[*Марий Викторин*].

Далее речь идет о том, что "свойство" бывает гласным или согласным и т.д. Так что первый вариант выглядит гораздо более стоическим, чем второй.

Таким образом, общие выводы из этой главы могут быть следующими:

- 1) античная теория языковой структуры была, по большей части, весьма строгой и логически организованной;
- 2) на каждом уровне языковой иерархии видно противопоставление формального и функционального значения у каждого элемента;
- 3) античная языковая теория могла меняться в зависимости от времени, целей и задач изучения языка;
- 4) частично могут обнаруживаться весьма значительные расхождения между различными авторами в сходные эпохи (как, например, между Диомедом и Марием Викторинном).

Теперь, рассмотрев основные принципы грамматического изложения и убедившись, что даже на таком простом примере, как звуки и буквы, можно проследить прямую зависимость грамматических описаний и философских идей, обратимся к собственно акцентологическим изысканиям древних и постараемся ответить на те вопросы, которые были поставлены в начале раздела.

3.2. ГРАММАТИКИ ЭПОХИ ИМПЕРИИ

3.2.1. Введение

Несмотря на то, что римские грамматические трактаты могли излагаться у различных авторов в различной последовательности, описанию ударений латинского языка отводилось как правило вполне определенное место – в конце раздела о «фонетике и графике», после изложения теории букв и слогов. Раздел об ударениях часто закрывала маленькая главка о знаках препинания (*De posituris*), после чего следовали разделы о словах, тропах, речевых ошибках и т.д. Кроме того, необходимо добавить, что раздел об ударениях латинского языка, очевидно, не почитался у римских грамматиков как особо важный. Ему обыкновенно уделяется значительно менее места, чем, скажем, теории слогов или классификации букв. Более того, он зачастую отсутствует вообще даже в тех трактатах, в которых весьма подробно излагаются другие фонетические явления – например, у таких крупных авторов, как, например, Харисий или Присциан. Это, конечно, создает объективные трудности для исследования, хотя представляет, вероятно, и определенные удобства.

Основной недостаток наших сведений об учёных того времени заключается в том, что мы не всегда можем точно датировать время создания их трудов. Даже если имеются вполне достоверные данные о жизни, например, Проба, то этого нельзя сказать о его пособиях, без сомнения не являющихся подлинными и значительно более поздними. Именно поэтому мы будем рассматривать тексты не по хронологии жизни их авторов, а в том порядке, который дается в издании Г. Кейля. Исключение мы составим лишь для Присциана, автора, несомненно, позднего, который будет изучен нами после Доната и его комментаторов.

Все свидетельства античных учёных о латинском ударении можно поделить на три группы:

I. Описания, заимствованные из грамматик императорского времени. Это наиболее обширный корпус текстов, представленный в семитомном издании Генриха Кейля («*Grammatici Latini ex recensione Henrici Keilii*». Leipzig, 1858-

1880) и фрагменты, собранные в книгу «Grammaticae Romanae fragmenta aetatis Caesareae», изданную в 1955 г. Антонио Мадзарино.

II. Описания, сделанные римскими грамматиками республиканского периода. Но поскольку ни одной полной грамматики до нас не дошло, нам приходится руководствоваться фрагментами, собранными предшественником Мадзарино, Джинджи Фунайоли («Grammaticae Romanae fragmenta», Stuttgartiae, 1903). Самих этих фрагментов, надо сказать, не очень много, и они по большей части вычитываются из тех же грамматиков императорской эпохи. Кроме того, ряд цитаций встречается и у других авторов, таких как Авл Геллий, которые, хотя и не были грамматиками, все равно сохранили для нас эти сведения. Все места и отсылки также имеются у Фунайоли.

III. Свидетельства, попутно данные другими авторами (не грамматиками) как республиканской, так и императорской эпохи. Первую нам представляет Цицерон, вторую – Квинтилиан. Последние авторы, действительно, имеют для нас особое значение, так как, с одной стороны, они жили в эпоху, когда тональный акцент, хотя бы теоретически, мог существовать, а, с другой стороны, они не были грамматиками, из-за чего не стремились свести свои наблюдения в непротиворечивую систему.

Рассмотрение данных, полученных от античных учёных, я предлагаю проводить именно в том порядке, какой описан выше: начиная от наиболее подробных, но поздних трактатов и переходя к отрывочным, но зато ранним свидетельствам. Так мы, с одной стороны, не запутаемся в системе изложения, а с другой, – не позволим себе приписать грамматикам то, чего в исследуемых текстах нет.

3.2.2. Диомед

Не раз упоминавшийся нами Диомед оставил в своем трактате «Ars grammatica» вполне убедительную теорию ударения. Сам трактат представляет собой весьма обширную компиляцию различных современных ему латинских грамматик, стоические источники, тексты республиканского периода (Варрон). По традиционному представлению Диомед считается младшим современником и эпи-

гоном грамматика Харисия, однако в настоящее время, напротив, утвердилось мнение, что Диомед является старшим современником и, возможно, даже учителем Харисия [Мажуга 2000]. Время жизни последнего довольно точно относится к третьей четверти IV в. на основании имеющегося в его труде упоминания об императоре Юлиане [Мажуга 1998_a]; тем самым жизнь Диомеда можно определять серединой того же IV в. Это значительно увеличивает для нас ценность Диомеда как источника, поскольку тогда его труд не только оказывается несколько древнее, но и приобретает больше самостоятельности (см. также [Мажуга 1998_b]).

Определение акценту Диомед дает следующее [K I, 230 sqq.]:

Accentus est acutus uel grauis uel inflexa elatio uocisue intentio uel inclinatio acuto aut inflexo sono regens uerba. Nam ut nulla uox sine uocali est, ita sine accentu nulla est; id est accentus, ut quidam recte putauerunt, uelut anima uocis. Accentus dicitur ab accinendo quod sit quasi syllabae cantus. Apud Graecos quoque ideo προσῳδία dicitur, quia προσάδεται ταῖς συλλαβαῖς. Accentus quidam fastigia uocauerunt quod in capitibus litterarum ponerentur; alii tenores uel sonos appellant; nonnulli cacumina retinere malunt. Sunt uero tres acutus grauis et qui ex duobus constat circumflexus

[Diomedes K I 430-431].

Акцент бывает или акут, или гравис, или огибающее поднятие или напряжение голоса или его склонение, управляющее словами посредством высокого (острого) или огибающего звука. И как никакое слово не может быть без гласного звука, так нет ни одного и без акцента; то есть акцент, как некоторые правильно определили, – это словно душа слова. Термин 'акцент' происходит от 'припевания', поскольку он, вроде бы, как пение слога. У греков он таким же образом называется προσῳδία, потому что προσάδεται ταῖς συλλαβαῖς. Одни называли акценты наклонами, наверно, потому, что они ставятся у верхних частей букв; иные тонами (напряжениями голоса) или призвуками; некоторые предпочитают термин "вершины". Ну а всего их три: акут, гравис и состоящий из этих двух циркумфлекс

[Диомед].

Нельзя сказать, чтобы всё, что написал здесь Диомед, было лёгким для понимания. Так, неясно, говорит ли он в определении об ударении вообще, или об

ударении греческом, или о латинском⁸³; весьма запутано соотношение понятий «подъём», «склонение», «напряжение», «тон» и «призвук». Наконец, очень интересно было бы узнать, кто такие эти «некоторые».

Тем не менее, становятся очевидными некоторые факты: что ко времени Диомеда уже сложились акцентные термины; что речь идет не только о произношении ударения, но и о его графических знаках; что Диомед согласен с представлением ударения как «души» – некой организующей и объединяющей структуры. Скорее всего, это надо рассматривать именно как реликт описанных выше стоических представлений.

Далее Диомед переходит к объяснению постановки ударения в различных словах. Носителем ударения (т.е. его позицией) он называет слог (а, например, не его часть). Однако вид ударения зависит не только от метрической структуры слова, но и от того, является ли слог «долгим» или «кратким» по «положению» или «природе». Различные варианты сочетания этих явлений разбираются по порядку. Получается, что любое слово, имеющее ударение на слоге с кратким гласным (вне зависимости от его веса) будет иметь акут: *píx, níx, mēl, fēl, árs, párs, sóllers, cítus, róntus, Catúllus*; слог, имеющий под ударением долгий гласный, будет иметь циркумфлекс, но только в том случае, если последний слог слова не будет "долг по природе": *spēs, lûx, flôs, lûnă, Rômă*; в противном случае будет также ставиться акут: *Rómánī, Thébae, Athénae*. Слова с ударением на третьем слоге от конца имеют акут всегда: *Sérgius*. Как видно, подобные правила отчетливо отражают греческую традицию.

Но есть и заметные отличия. На странице 433 приводится следующее соображение: *Sane Graeca uerba Graecis accentibus efferimus, si ísdem litteris pronuntiauerimus.* – Конечно, мы будем воспроизводить греческие слова с греческими акцентами, если будем произносить их с греческими звуками (или по греческим буквам). Впрочем, поскольку далее следует соображение о постановке акута на последнем слоге, то ос-

⁸³ Сам я согласен с первой точкой зрения, поскольку, как покажут дальнейшие описания, римские ученые вообще не проводили особых структурных различий между латинским и греческим ударениями. (Другой вопрос – это различались ли они на самом деле.)

тается непонятным, то ли отличие греческого от латинского ударения заключается только в этом, то ли в чём-то ещё. Но есть и другие особенности. Из соответствующего текста на той же странице делается вполне однозначный вывод о постановке грависа в безударной позиции слов *pròdúco* и *dèdúco* – чтобы префикс не путался с предлогом. Сходный вывод делается и из цитаты на предыдущей странице, согласно которой слово *ípsius* из поэтического текста будет иметь акут на первом слове, тогда как прозаическое *ìpsîus* – циркумфлекс на втором и гравис на первом. Таким образом, напрашивается вывод, что Диомед считает необходимой постановку грависа в безударных слогах, по крайней мере, на предупредном. Имеется также интересное замечание, что предлог *pone* в отличие от формы императива имеет акут на последнем слове. Есть и весьма странное соображение, что предлог *ergō* имеет циркумфлекс (*ergô*), тогда как наречие акут (*érgō*). Подробно описываются энклитики *-que*, *-ne* и *-ue*, которые теряют свою «вершину» (*casimen*) и передают её предыдущему слогу. Однако остается неясным, имеет ли учёный в виду высоту тона или силу голоса: приведенный пример *lîminaque laurûsque deî* [Verg. *Aen.* III, 91] только запутывает всё дело. В композитах, пишет Диомед, один акцент (*malêsânus*). Особенно поучительно замечание, что правил постановки ударения в «варварских» словах не существует.

Русскому термину «ставится (ударение)» у Диомеда соответствуют глаголы *acuitur* или *flectitur* при подлежащем *syllaba*. Про гравис говорится *syllaba grauis est*.

На странице 434 описываются графические знаки акцентов: / – для акута, \ – для грависа, ^ – для циркумфлекса⁸⁴. К ним примыкают и другие значки, именуемые Диомедом также акцентами: *hyphen* – соединение ('^'), *diastolē* – разрыв (',') и придыхание ('* и ' ') ; к ним примыкают и знаки количества гласного (' - ' и ' ^ '). Примеры на первые два знака даются, на последний нет: сообщается, что в латинском языке вместо них используется буква *H*. Мы видим, что в понятие «графических акцентов», входили совершенно разные знаки.

⁸⁴ Отсюда становится непонятным: когда Диомед выше говорил о том, что циркумфлекс состоит из двух других акцентов, то он имел в виду знак или сам тон?

3.2.3. (Псевдо-)Проб

Проб, известный нам как Марк Валерий Проб, происходил из города Берита (Berytus, ныне Бейрут) и жил, по данным Светония [*Suet. Gramm.* 24], во время правления династии Флавиев. Он прославился как грамматик, исправивший многочисленные «ошибки» в текстах древних поэтов и разметивший их посредством многочисленных критических знаков. Сам он оставил по себе два небольших грамматических трактата, которые не сохранились, и нескольких учеников, знакомством с которыми весьма гордился Авл Геллий [*III, 1; IV, 7*]. В указанном месте четвертой книги он приводит свидетельство, что Пробом был написано некое сочинение об ударении в ряде финикийских слов («*Epistula Valerii Probi grammatici ad Marcellum scripta super accentu nominum quorundam Poenicorum*»).

Имя Проба, по-видимому, было столь авторитетно, что сохранившиеся поздние трактаты были приписаны именно ему: *Catholica* [*K IV 3-43*]; *Instituta artium* [*ibid.*: 47-192]; *Appendix* [*ibid.*: 193-204]; *De nomine* [*ibid.*: 207-16] (есть и издание Пассалаквы 1984 г.); *De ultimis syllabis* [*ibid.*: 219-64], Комментарий к «Эклогам» и «Георгикам» Вергилия. Мы будем называть о них как о сочинениях Псевдо-Проба. Несмотря на то, что в указанных трактатах нет никаких специальных описаний ударений, нам все же будет интересно следующее свидетельство [*K IV, 222*], затрагивающее проблему ритмической структуры латинского слова:

Natura syllabarum breuium atque longarum in nominibus ceterisque orationis partibus per ordinem nulla potest ratione artis comprehendere, sed sola auctoritate inuestigare potest. Neque enim omnium nominum Graecorum atque nostrorum possumus numerum comprehendere diuersorum. Ergo licet profunda sit atque difficilis ratio syllabarum naturalium uim qualitatemque monstrare, tamen de postremis syllabis regulariter disputabo

[*Ps.-Probus K IV, 222*].

Природа «кратких» и «долгих» слогов в именах и прочих частях речи не может быть постигнута никаким научным методом, но может быть исследована только на основании авторитета. Потому что мы можем установить размер (количество?) не всех различных греческих и наших слов. Так что, хотя получается, что определить (отметить?) силу и качество слогов «долгих по природе» – это нелёгкое и запутанное дело, тем не менее, о последних слогах [каждого слова] я расскажу в должном порядке

[*Псевдо-Проб*].

Приведенная цитата может допускать различное толкование, одно из которых способно позволить сделать вывод о том, что ко времени написания этого труда (т.е. тоже примерно к V в.) количество гласных в безударных слогах стало уже трудно определимо. Традиционно считается, что причиной подобных количественных изменений гласных может быть только резкое усиление динамического акцента [Бурсье 2004: 125-128; Sturtevant 1940] – и сам грамматический текст может, как считается, восприниматься доказательством этому. Однако внимательный анализ не позволяет безоговорочно принять такое предположение: если мы вспомним все вышеприведённые рассуждения об описывающем и переписывающем назначении грамматической науки, то поймём, что речь здесь может идти не столько об устном языке, сколько о письменном. А это будет означать, что в таких цитатах имеется в виду не неразличимость центральных слогов на слух, но принципиальная невозможность определить из текста вес первого слога в слове типа *LEVIS* (*lēuis/lěuis?*).

Вместе с тем, мысль о нарушениях правил долготы в безударной позиции подтверждается рядом косвенных свидетельств из других источников: Августин [*Aug. Doctr., IV, 24*] говорит о сокращении первого гласного в слове *ōrātor*, Консенций [*K V, 392*] – о *pīper* с долгим *ī* («*uitium Afrorum familiare*»; см. также [Leumann & Hofmann 1963: 180 sqq.]). Имеется и ряд метрических ошибок у поздних поэтов, где нарушается долгота гласных в безударной позиции: например, *ēdere* у Драконция [*Drac. Romul. VIII, 413*]. Можно думать, что и методичное изложение правил долготы гласных в последних слогах вполне можно расценивать как свидетельство неразличения их долготы: всё-таки, хотя и здесь бывают омографические формы (*ROMA: Rōmā/Rōmā*), частота повторяемости тех или иных окончаний должна была бы приводить к определению долготы из аналогии, если бы различие по долготе было. Вообще, весьма достоверным кажется вывод, что необходимость написания сочинения о «количестве» последних слогов происходит из-за полного отсутствия различия в звучании этого «количества» – с тем же мы сталкиваемся и сейчас, когда нам приходится выучивать «долготу гласных во флексиях».

Это соображение хорошо иллюстрируется и следующей цитатой:

Illic enim est quaerenda positio, ubi longitudo naturae defecerit, ut quod natum non fuerit excludatur

[Ps.-Probus K IV, 222].

Ведь позицию надо определять там, где природное количество отсутствует, чтобы отличить то, что не было создано по природе [Псевдо-Проб] – т.е. понятие «долготы по природе» и «по положению» настолько не имеют реального фонетического различия, что их надо ещё уметь отличить.

Всё же текст сочинения (Псевдо-)Проба оставляет ещё и нерешенные загадки. Так, совершенно непонятно, что автор понимает под термином *uis syllabae* и какое отношение она имеет к немного более понятному слову *qualitas*. Также можно оспаривать и то, употреблено ли слово *numerus* в значении 'метрическая структура слова' или нет. Так или иначе, приведенное сочинение свидетельствует о серьезных различиях между теорией и практикой в грамматических учениях поздней античности.

3.2.4. Донат

Под именем Доната нам известны два позднеантичных грамматика. Первый – это Элий Донат, автор IV в., создатель двух авторитетнейших для потомков античных грамматик (*Ars Minor* и *Ars Maior*) и двух схолий к Теренцию и Вергилию, из которых одна сохранилась плохо, а вторая – ещё хуже. Второй – это, очевидно, его младший современник с царственным именем Тиберий Клавдий Донат (IV-V в.), автор малоценных комментариев к «Энеиде», изданных в двухтомном собрании *Interpretationes Vergilianaе* (ed. H. Georgius, 2 vols., 1905–6). Нам как акцентологический источник будет интересен именно первый Элий Донат, две грамматики которого приводятся в IV томе Генриха Кейля (имеется ещё издание, выполненное Л. Гольцем в 1981 г.).

Учение Доната об акцентах [*De tonis*, K IV, 371] мало отличается от Диомедова – разве что в сторону меньшего объёма. Он также выделяет три типа акцентов, сообщая нам и об их графических знаках (/ – для акута, \ – для грависа, ʌ – для циркумфлекса), сходным образом, – т.е. на основании метрических соответствий

слов, – объясняются правила постановки ударения: ни у Диомеда, и у Доната нет какого-либо привычного для нас логического объяснения того, как выбирать позицию для акцента.

Из новых особенно ценно следующее замечание Доната о грависе, трактуемом им как безударность слога:

Grauis in eadem dictione uel cum acuto, uel cum circumflexo poni potest et hoc illi non est communis cum ceteris

[Donatus K IV, 371].

Гравис может ставиться в одном и том же слове вместе с акутом или циркумфлексом, и это его отличает от остальных акцентов

[Донат].

Правила употребления глаголов со значением ‘ставить ударение’ ничем не отличается от Диомедовых. Имеется также сходное с Диомедовым замечание, что *composita* «имеют одно ударение, не иначе как и прочие части речи». За разделом об ударениях идет глава *De posituris*. В целом учение Доната не имеет никаких серьёзных отличий от прочих.

3.2.5. Сервий

Сервий, известный нам как Мавр (или Марий) Сервий Гонорат, был одним из крупнейших римских грамматиков, творивших на рубеже IV-V вв. Относительно точно время его жизни мы можем определить, в частности, благодаря "Сатурналиям" Амвросия Теодора Макробия, в которых Сервий выведен одним из участников беседы. П. В. Дэвис установил, что время действия описываемых событий относится к 383-384 гг., а Сервий описан там как очень молодой человек [Davies 1969]. Сервий – автор знаменитейших схолий к Вергилию, основанных на утраченных комментариях Элия Доната; помимо этого он создал и другие грамматические трактаты: *Explanatio in artem Donati*, *De finalibus*, *De centum metris*, и *De metris Horatii*, включённые в корпус Г. Кейля; *Glossae Servii grammatici*, – бесспорно, позднейшая компиляция, – изданы в корпусе Г. Гётца [Goetz II, 507-533], знаменитого издателя Варрона. Первый труд и представляет для нас особую ценность.

Раздел об акцентах следует у Сервия на привычном месте после изложения учения о звуках и буквах. В нем для нас также имеется интересная информация:

...plane quoniam difficilis est deprehensio circa syllabas naturaliter longas; idcirco primum debemus considerare, quem ad modum naturaliter proferantur. Deinde inflectiones considerare debemus

[Seruius K IV, 423].

... потому что, действительно, трудно установить что-либо относительно слогов, «долгих по природе»; поэтому вначале мы должны поразмыслить над тем, до какой степени «долгими по природе» они произносятся, а затем уже надо изучать их изменения

[Сервий].

Как видно, приведённая цитата очень подобна вышеуказанному месту из Проба и её, вероятно, также можно интерпретировать так, что различение гласных в безударной позиции было затруднительным. К тому же, выше на той же странице имеется сходная мысль о том, что первый гласный слова *fācilitas* проверяется словом *fācit*. Тем не менее, выше в разделе произношения имеется заявление другого типа: долгий гласный произносится с широко раскрытым ртом (*Rōta, mēta*), тогда как краткий – с узким его раствором (*rōsa, ēquus*). Возможно, тембровые различия ещё были отчетливы, а возможно, эта информация бралась из какого-то иного источника. Впрочем, более убедительным кажется первое объяснение.

Ещё вполне уместно здесь будет повторно привести цитату о том, что тяжёлый латинский слог не представляет собой ряда последовательно членимых мор. Её мы находим в рассуждении о стопах:

...arsis dicitur elevatio, thesis positio. quotienscumque contingit ut tres sint syllabae in pede uel quinque, quoniam non licet in diuisione temporum syllabam scindi, sed aut principio adplicatur aut fini, idcirco debemus considerare, media syllaba cui parti coniungi debeat.

[Seruius K IV, 425]

... Арсисом называется поднятие, тесисом – опущение. Поэтому всякий раз, когда в одной стопе оказываются три или пять слогов, мы вынуждены решать, к какой части стопы должен примыкать средний слог – поскольку при

разделении мор слог разрезать нельзя, а он должен примыкать или к началу или к концу стопы

[Сервий]

Особенно интересные свидетельства мы находим у Сервия далее, в самом разделе об акцентах. Само слово *accentus* Сервий, как и его коллеги, возводит к греческому *προσῳδία*, пользуясь здесь обычными объяснениями. Он пишет:

Omnis accentus aut acutus est ' / ', aut circumflexus '^ '. Acutus dicitur accentus, quotiens syllabam cursim proferimus, ut árma... Circumflexus uero, quotiens tractim, ut Mûsa... Nam grauis accentus '\ ' in Latino sermone paene usum non habet, nisi uel cum acuto uel circumflexo. Poni potest in his syllabis, quae supra dictos accentus non habent

[Seruius K IV, 426].

Всякий акцент или акут ' / ', или циркумфлекс '^ '. Акутом акцент называется всякий раз, когда мы произносим слог бегло, как *árma...*, а циркумфлексом – когда протяжно, как *Mûsa...* А гравис '\ ' в латинской речи почти не имеет употребления, кроме как вместе с акутом или циркумфлексом. Он может ставиться на тех слогах, которые не имеют названных выше ударений

[Сервий].

Таким образом, во-первых, подтверждается мысль о постановке грависа в безударной позиции⁸⁵, а, во-вторых и в-главных, – нам становится понятно, что, по крайней мере, в понимании Сервия, за терминами *acutus* и *circumflexus* не стояло тонов: они означали, соответственно, постановку ударения на кратком или долгом гласном. Это подтверждается и другой знаменитой цитатой:

Accentus in ea syllaba est, quae plus sonat. Quam rem deprehendimus, si fingamus nos aliquem longe positum clamare. Inuenimus enim naturali ratione illam syllabam plus sonare, quae retinet accentum, atque usque eodem nisum uocis ascendere

[Seruius K IV, 426].

Акцент стоит на том слоге, который больше звучит. Эту вещь мы поймём, если представим, что мы зовем кого-то далеко от нас отстоящего: мы об-

⁸⁵ Причём, гравис, очевидно, здесь понимается исключительно как знак безударной позиции слова.

наружим этим естественным способом, что тот слог звучит больше, который удерживает акцент и что туда же всякий раз восходит (устремляется) все напряжение (воспарение?) голоса

[Сервий].

Это место традиционно приводится как доказательство того, что природа ударения в латинском языке IV в. подверглась серьёзному изменению в сторону её динамизации [Тронский 2001: §95; Allen 1973: 153]. Однако такое умозаключение следует всё же признать неправильным: особенно это будет отчётливо видно, если сравнить приведённую цитату Сервия с точно такой же мыслью его последователя Помпея:

Sunt plerique qui naturaliter non habent acutas aures ad capiendos hos accentus, et t̄inducitur hac arte ... ut puta finge tibi aliquem illo loco contra stare et clama ad ipsum. Cum coeperis clamare, naturalis ratio exigit ut unam syllabam plus dicas a reliquis illius uerbi; et quam uideris plus sonare a ceteris, ipsa habet accentum. ... ergo necesse est ut illa syllaba habet accentum, quae plus sonat a reliquis, quando clamorem fingimus

[Pompeius K V, 127].

Многие имеют слух недостаточно острый для восприятия ударений, и они t̄наставляются таким приемом: ... к примеру, представь, что кто-то стоит в отдалённом месте напротив, и кричи ему что-нибудь; когда ты станешь кричать, то естественным образом выйдет так, что ты один слог выскажешь в большей степени, чем остальные слоги этого слова, – и тот слог, который, как ты заметишь, звучит больше остальных, как раз и имеет ударение... Стало быть, необходимо, чтобы тот слог имел ударение (знак ударения?), который звучит больше остальных, когда мы изображаем⁸⁶ крик

[Помпей].

Мы видим, что гораздо правильнее понимать эти цитаты так, что многие люди не знают, как определить, какой слог в слове ударный, – при том, что место ударения им интуитивно известно. Поэтому об *изменении* характера латинского ударения ни та, ни другая мысль свидетельствовать не могут. С другой стороны, вовсе не обязательно понимать затруднения, связанные с определением места ударения, так, что оно было очень слабо выражено (как предлагает А. Е. Кузне-

⁸⁶ Здесь надо отметить, что различие в толковании глагола *fingere* ('изобразить' или 'представлять') будет заметно менять смысл фразы: в первом случае, речь будет идти о реальном эксперименте (как это нередко делают и у нас в начальной школе), во втором – лишь только о мысленном анализе слова. Избрана была первая трактовка.

цов); гораздо правдоподобнее кажется, что речь тут идёт просто о недостаточно осмысленном отношении человека к языку: например, в числе учащихся мне попадались некоторые школьники и порой даже студенты, неспособные определить место ударения в русских словах, при том, что произносили они эти слова правильно. Однако всё-таки следует признать, что предложенный Сервием и Помпеем эксперимент будет обеспечивать положительный результат лишь в том случае, если ударный слог имеет известную интенсивную составляющую – только тогда возможно его усиление как при крике, так и при шёпote⁸⁷. Поэтому приходится утверждать, что, хотя приведённые фрагменты и не доказывают революционных изменений в латинском ударении, они косвенно подтверждают его динамический характер, поскольку место тонального ударения ни криком, ни шёпотом определить невозможно.

В этом смысле особенно примечательно, что далее у Сервия следует объяснение постановки ударения в различных случаях, которое мало чем отличается от предшествующих – те же примеры (слово в слово), те же правила (исходя из силлабической структуры слова), те же «акут» и «циркумфлекс». Возникает кажущееся противоречие: если ударение динамическое, то в чем тогда разница, что в слове *Rōtānus* стоит циркумфлекс, а в слове *Rōtānī* – акут? Этот вопрос Сервий оставляет без внимания. Я же могу дать только такое объяснение: речь здесь идет вовсе не о каких-то непонятных тонах, в чём мы уже убедились, а о постановке графического знака; а он-то как раз будет иметь особое значение для грамматика эпохи Сервия, поскольку правила его постановки зависят от теоретического знания количества слогов – а значит, из конфигурации и позиции правильно поставленного знака можно определить «количество» последнего слога слова, так как ударные гласные ещё различаются по количеству, а безударные – уже, вероятно, не особо. Поэтому из написания *RÓMA* сразу можно заключить, что речь идёт об аблативе, тогда как *RÔMA* должно пониматься как номинатив или вокатив. Это подтверждается ещё и

⁸⁷ Ср. с похожим местом у Н. С. Трубецкого [Трубецкой 2000: 218]: «точное различие большого числа тонов, хотя бы только с помощью соответствующих качественных нюансов голоса, при шёпote невозможно, а при громкой речи доступно лишь особо музыкальным людям».

тем, что Сервию, равно как и многим другим позднейшим грамматикам, принадлежит уже упоминавшийся труд о «количестве» последних слогов (*De finalibus*). Более того, в указанном сочинении, на странице K 461 мы встречаем:

Medias syllabas tribus modis cognoscimus, positione et diphthongis et accentu. Sed de positione et diphthongis supra tractauimus. «Accentus» autem est quasi «adcaptus» dictus, quod ad cantilenam uocis nos facit agnoscere syllabas. Qui uocis accentus duo sunt ad ea quae tractamus necessarii, correptus et productus

[*Seruius K IV, 451*].

Центральные слоги [на предмет «количества» – А. Б.] мы узнаем тремя способами: на основании позиции, дифтонгов и акцента. Но о позиции и дифтонгах мы уже сказали выше. А «акцент» назван, так сказать, «припевом», потому что он позволяет нам в пении голоса узнавать слоги. Для того, что мы обсуждаем, необходимы два акцента – краткий и долгий

[*Сервий*].

Далее следуют соображения о том, что «долгий акцент» – это произношение гласного с некоторой задержкой (*mora*), например, в слове *natūra*; краткий гласный таковой не имеет: *tabŭla*. Видимо, под термином *акценты* разумеются тоже диакритические знаки (включая «макрон» и «брэвис»). Но, так или иначе, функция «акцента» вообще для разграничения слогов представляется очевидной.

Относительно ударения в прямом смысле Сервий сообщает ещё несколько полезных сведений: энклитики помещают ударение перед собой (*Mūsáque, Mūsáne*); греческое слово имеет греческий акцент тогда, когда склоняется по греческой парадигме (*hōs Árcadēs*, но *hōs Arcádas* – все K IV, 427); в каждом слове – лишь один акцент [K IV, 426].

3.2.6. Псевдо-Сергий (Сергий I и Сергий II)

Под именем Сергия до нас дошло два латинских трактата, озаглавленных *Explanationes in Donatum*. В рукописных текстах наряду с именем *Sergius* встречаются и знакомые нам *Marius Seruius* и *Maurus Seruius (Honoratus)*⁸⁸. Тем не менее, совершенно очевидно, что трактаты, сохраненные под именем Сергия, очень сильно

⁸⁸ Подробнее о проблемах авторства – в предисловиях Генриха Кейля.

отличаются от упомянутого выше сочинения Сервия, равно как и мало похожи друг на друга. Их объединяет одно – название. Будет очень трудно ответить на вопрос, как название трудов соотносится с проблемой их авторства: возможно, одинаковое название породило путаницу имен создателей с авторитетным именем Сервия; возможно, наоборот, сходство имен позволило переписчикам добавить к трудам и Сервиевское заглавие. Не проще ответить и на вопрос, один ли автор Сергей, или два, или больше. Оксфордский классический словарь [= OCD 2000] не дает каких-либо удовлетворительных комментариев по этому поводу. Поэтому здесь для простоты мы примем точку зрения Г. Кейля, считая Сергиев двумя разными авторами, но, описывая их вместе, что, впрочем, не имеет большого значения для наших акцентологических штудий.

Труд **первого Сергия** мало отличается от трудов его предшественников. Но из него мы совершенно точно понимаем [K IV, 482], что под словом *accentus* он понимает всего лишь графический значок; правила постановки совершенно не отличаются от тех, что описали Диомед, Донат и другие учёные. Местами все переписано слово в слово. Из других свидетельств мы узнаем также, что в словах *рôне* (*кладу*) и *ронé* (*возле*) ударения занимают разные позиции. Имеется ещё информация, что греческие слова должны произноситься со своими акцентами: "*Graeca autem suis accentibus pronuntianda esse noscimus*" [Sergius I K IV, 483]. – "А греческие слова, что нам также стоит знать, надо произносить с греческими акцентами". Впрочем, из описания совершенно непонятно, что автор имеет в виду под термином *Graeci accentus*. В целом описание постановки ударений, сделанное этим Сергием, ничего особенно выдающегося собой не представляет.

Второй Сергей, приведенный Генрихом Кейлем вслед за предыдущим, оставил после себя гораздо более интересное сочинение. Здесь привлекает внимание обстоятельство, с которой описываются различные акцентные явления, а также то, что опорой для этого, несомненно, служили ранние грамматики, – в первую очередь, Варрон (это мы увидим далее).

Сергий, так же, как и все, выделяет те же три вида ударений – только вместо «циркумфлекса» он пользуется более старым термином *inflexus* [K IV, 484 sqq.]⁸⁹. Примеры, иллюстрирующие постановку ударения, используются почти те же, что и у предшественников. Далее, однако, следует интересное замечание:

In accentu materia locus et natura prosodiae breuissime comprehensa sunt. Nam materia esse ostenditur uox, et ea quidem, qua uerba possunt sonare, id est scriptilis; locus autem syllaba, quoniam haec propria uerbis pars est, quae recipit accentum. Natura uero prosodiae in eo est, quod aut sursum, aut deorsum: nam in uocis altitudine omnino spectatur, adeo ut, si omnes syllabae pari fastigio uocis enuntientur, prosodia sit nulla

[Sergius II K IV, 525].

Материя, место и природа просодии в сжатом виде представлены в ударении: материей совершенно очевидно является звук, и притом тот, каковым могут звучать слова, т.е. способный быть записанным; место – это слог, поскольку он, собственно, и есть та часть слова, которая принимает акцент. А природа просодии заключается в том, что она [движется?] или вверх, или вниз: ведь и вообще (= исчерпывающим образом) она наблюдается по высоте голоса, причём настолько [явно], что если бы все слоги произносились на равном уровне, то никакой просодии не было бы

[Сергий II].

Это – фрагмент, несомненно, взятый из более раннего текста: его источник – Варрон, на которого имеется специальная ссыла. Однако, поскольку соответствующее место Варрона утрачено, этот фрагмент оставляет больше вопросов, нежели даёт ответов. Так, совершенно неясно, 1) сам ли Варрон написал это, или 2) если цитата взята из другого греческого или римского источника, то из какого; наконец, 3) речь идет об ударении вообще, или в каком-либо одном языке из двух возможных. Но при этом есть и понятные описания, имеющие для нас исключительную важность. Сергий (и, видимо, Варрон) различают понятия 'просодия' и 'акцент'. Просодией, без сомнения, называется само частотное движение голоса

⁸⁹ Само слово *circumflexus* весьма позднее: произведенный тотальный осмотр римской литературы по TLL показал, что вообще первое употребление этого слова засвидетельствовано у Плиния Старшего [NH, II, 1, 2; X, 174, 8]; там оно употреблено в буквальном значении, и речь идёт не об ударении, а просто об изгибе (чего-л.): это даёт основание думать, что термином это слово стало ещё позже.

вверх-вниз, его подъем или опущение, происходящий при произнесении группы слогов (т.е. интонационный контур слова). Акцентом названо нечто, что занимает определенную позицию в слове, – в терминах Сергия ею оказывается какой-то слог. Из приведенной цитаты непонятно, имеется ли в виду определенная точка частотного контура (т.е., например, место самого высокого тона) или графический знак, который занимает эту точку (т.е. ставится над нужным слогом): я сам предполагаю, что речь идет и о том, и о другом. Отметим, что позицией акцента называется *слог, а не его часть*, хотя переоценивать подобного рода свидетельство также не следует.

Далее следуют ещё две бесспорные цитаты из Варрона: первая, что у каждого слова есть длина, высота и толщина (*longitūdō, altitūdō, crassitūdō*), разбор которой не имеет для нас практической ценности, и вторая – знаменитая мысль о тональном движении внутри слова («*Ab altitudine discernunt accentus, cum pars uerbi aut in graue deprimitur, aut sublimatur in acutum*»). Интересно, что в этом примере ничего не сказано о циркумфлексе, тогда как сам Варрон (что будет видно далее) выделял целых четыре вида ударения.

На следующей странице [K IV, 526] приводится ещё одно интересное свидетельство, бесспорно, относящееся к греческому языку (*prosodia circa Graecos* – относительно греческих и латинских акцентов):

In qua re cum plurimum erretur, uia tamen est amouendi erroris breuissime, nisi forte eo demersus ineptiae est, ut in Graeca nostraque lingua toni simul et clinatus discrimen ignoret

[Sergius II K IV, 526].

В каковой вещи [греческих акцентах – А. Б.] хотя по большей части ошибаются, путь, однако, кратчайшего избежания ошибки имеется в том случае, если кто-то ещё не настолько впал в глупость, чтобы не замечать различие тона, равно как и склонения, в греческом и нашем языке

[Сергий II].

Далее следует описание видов и позиций ударений при изменении греческих и латинских имен. Особое внимание уделяется словам с ударениями на конце – *Pallás, Allectó, Mantûs, Orphî*. О последних двух сказано, что они «*flexā ultimā syllabā*

legenda sunt» («должны читаться с огибающим последним слогом»). Сергей добавляет, что греческое ударение в греческих словоформах несет «колорит» (*color*), а греческие слова, изменяющиеся по латинской парадигме, можно акцентировать и по греческим и по латинским правилам. Здесь речь идет, очевидно, о реальном произношении. Другое определение ударения следует на странице 528:

Accentus proprie qualitas syllabarum est, hoc est indicium temporis syllabarum, naturam, positionem significans

[*Sergius II K IV, 528*].

Акцент, собственно, это качество слогов, это – показатель времени слогов, указывающий, где долгота "природная", а где – "позиционная"

[*Сергий II*].

Далее говорится, что «гласная "буква" делает ударение сообразно с порядком слогов любой части речи либо в первой, либо во второй, либо в третьей позиции» [*Ibid.*]. Вероятно, это относится уже к значкам. После фразы «*quot uero sint prosodiae dicendum est*» («а теперь надо сказать, сколько всего просодий») Сергей излагает историю греческой акцентологической науки, вероятно, целиком заимствованную из Варрона [*K IV, 529-531*]; она включает некоторые замечания общего характера, из которых можно установить, в частности, следующее:

- 1) "просодия" – это тональный контур всего слова;
- 2) "акцент" – это либо высшая точка контура, его предел, либо соответствующий графический знак;
- 3) термин *acutus* (ὄξύς), обозначает звук более «тонкий» (*exilior*) и «краткий» (*breuior*), нежели прочие; сам термин происходит из музыки, где струна, воспроизводящая звук наиболее высокой частоты («острый» на слух), самая тонкая и короткая (и острая!);
- 4) некоторые авторы, в том числе и Варрон, выделяли "средний тон" (μέση): им, по всей видимости, называлась высота слогов, меньшая, чем у ударных, и большая, чем при «грависе»; корни этой теории, без сомнения, греческие,

а Варрон был, очевидно, одним из немногих, кто пытался применить её к латинской фонологии;

5) «просодия» – «*imago musicae*».

Имеется интересная цитата:

Sic in loquentium legentiumque uoce, ubi sunt prosodiae uelut quaedam stamina, acuta tenuior est, quam grauis, et breuis adeo, ut non longius, quam per unam syllabam protrahatur; cum grauis, quo uberius et tardior est, diutius in uerbo moretur et cunctim quamuis in multis syllabis residat. Quocirca graues numero sunt plures, pauciores acutae, flexae rarissimae

[*Sergius II K IV, 532*].

Так же [как и в музыке – А.Б.] в голосе говорящих или читающих, где просодии являются как бы некими нитями основы, высокий голос оказывается более тонким, чем низкий, и настолько кратким, что распространяется не далее чем на один слог; тогда как низкий, чем он сочнее и медленнее, тем дольше задерживается на слове и сколь хочешь полно оседает на многих слогах. Из-за этого слогов с грависом числом больше всего, с акутом поменьше, а с циркумфлексом – совсем мало

[*Сергий II*].

Неизвестно, все ли мысли из приведённых принадлежат Варрону или нет, однако совершенно очевидно, что они строятся на основании греческой просодии и греческой музыкальной теории: особенно интересны отдельные размышления о греческих ладах, которые мы здесь рассматривать не станем. Нет никакого сомнения, что речь здесь идет не о знаках, а о реальных тонах (но в каком языке и в какое время, – всё равно непонятно). Следующее замечание, наоборот, относится к знакам:

Ordo in accentibus non attenditur, uerum uarie nunc grauem, nunc acutum, nunquam flexum primum loco poni dubium non recipit

[*Sergius II IV, 532*].

Порядок в акцентах не соблюдается [неграмотным], а по-разному то гравис, то акут, а то иногда и циркумфлекс не усомнится он поставить на первое место

[*Сергий II*].

Несколькими строчками выше, где Сергей заканчивает разговор о среднем тоне, опираясь на Варрона, и не соглашается с ним, он неожиданно вставляет:

Mediae uero, cuius nunc usus non habetur, notam non ponimus, quia neque a maioribus acceperimus, neque fingere possumus [ibid.].

А для среднего тона, который теперь не употребляется, знак мы не ставим, потому что ни от предков мы его не унаследовали, ни представить не можем.

Это утверждение Сергея может показаться странным: нет необходимости ставить знак для «среднего тона», так как сам тон вышел из употребления? Но ведь и это не предполагается и традицией. Почему же надо вообще говорить о «среднем тоне», если нет ни тона, ни знака, и автор не согласен с Варроном?

Видимо, дело здесь в том, что «средний тон» выделялся самим Варроном, а Варрон – основной источник для другой, ценной для Сергея информации. Вообще же получается, что тоны для Сергея существуют тогда, когда есть их материальное воплощение, т.е. графический знак: при этом реальное фонетическое значение такого «акцента» берётся большей частью из книг предшественников, восходящих к греческим источникам. Сергей (как, в общем-то, и другие грамматик) отбирает в первую очередь то, что имеет непосредственное значение для его труда, а к этому присоединяются и другие родственные свидетельства, иной раз противоречащие первым. Отсюда и кажущиеся неточности, которые на деле продиктованы строгим практическим узусом: Сергию, в первую очередь, важно, чтобы его ученики умели правильно ставить диакритические знаки и с их помощью произносить без ошибок слова. Но говорить «без ошибок» для школьного учителя IV-V вв. означает не искусственно интонировать акут и циркумфлекс (которых не было и в языке учителя!⁹⁰), а всего лишь, чтобы ударение стояло на своём месте, и долгота была правильной. Но зато учёное объяснение тому, что «на самом деле»

⁹⁰ Кроме того, возможно ещё и то предположение, что позднеантичная грамматическая школа находилась в ситуации своеобразной диглоссии, которая, с одной стороны, обуславливалась восходящей к классической эпохи книжной традицией, а другой – сильно изменившимся за века живым языком (см. также [Fuchs 1849; Широкова 1995]). Впрочем, вопрос о том, насколько мы можем говорить именно о диглоссии, требует отдельного серьёзного исследования.

значат акуты и циркумфлексы и какими они бывают, можно (и нужно) взять у того или иного авторитета, даже если он жил 400 лет назад.

В результате, абстрагируясь от музыкальных и исторических описаний Сергия, основную идею его взглядов на акцент можно выразить так:

- 1) тон звучания латинского слова меняется (это – «просодия»);
- 2) его наибольшая высота ненадолго достигается в некой точке – просодическом пике слова, именуемом «акцентом»;
- 3) тот слог, где находится эта точка, маркируется знаком ("/", "^", "\");
- 4) есть и другие знаки (также «акценты»), которые отражают различные свойства слогов («природную долготу гласных»);
- 5) знаки надо уметь ставить правильно, чтобы не быть безграмотным человеком.

В дальнейшем мы увидим, что все эти пункты очень важны и нисколько не лишены смысла. Пока же, рассмотрев работы Доната, Диомеда и их комментаторов обратимся к труду знаменитого Присциана.

3.2.7. Присциан и Псевдо-Присциан

Присциан, учёный рубежа V-VI вв., известен нам как авторитетнейший римский грамматик, проведший большую часть жизни в Константинополе и создавший самое крупное из дошедших до нас грамматических сочинений: его *Institutiones Grammaticae* содержат XVIII книг, посвященных различным грамматическим отделам, включая синтаксис (XVII и XVIII книги), и занимают 974 страницы во втором и третьем томах Г. Кейля. Кроме указанного труда ему принадлежат также «*Institutio de nomine et pronomine et verbo*» и «*Praeexercitamina*», имевшие не меньший авторитет.

К сожалению, ни одна из книг Присциана не содержит необходимого нам раздела об ударениях; зато имеется целый трактат «*De accentibus*», также приписанный знаменитому грамматiku, несмотря на его очевидное позднее происхождение и существенно более низкий научный уровень. Его издание размещено по-

следним в корпусе Присциана, в конце третьего тома издания Г. Кейля. Опустив рассмотрение вопроса о времени написания и авторстве (хотя трактат, без сомнения, написан не ранее середины VI в.), будем говорить о его создателе как о Псевдо-Присциане.

Помимо утверждения, что «*буквы бывают или длинные, или круглые, или квадратные*» [К III, 519] указанный текст содержит и немало другой информации, способной заинтересовать современного акцентолога. Так, примечательно определение, даваемое автором акценту:

Accentus namque est certa lex et regula ad eleuandam et deprimendam syllabam uniuscuiusque partis orationis, qui fit ad similitudinem elementorum, litterarum syllabarumque, qui etiam tripertito diuiditur acuto, graui, circumflexo

[Ps.-Priscianus K III, 519].

Акцент, стало быть, есть определенный закон и правило для подъема или «прижатия» (опущения) слога какой угодно части речи, который служит для единообразия элементов, букв и слогов и который также делится на три вида [посредством разграничения] акута, грависа и циркумфлекса

[Псевдо-Присциан].

На следующей странице мы видим объяснение названий различных акцентов: «*acutus acuat siue eleuet syllabam, grauis deprimat uel deponat, circumflexus deprimat et acuat*» [К III, 520]. – «Акут заостряет или поднимает слог, гравис – прижимает или отодвигает, циркумфлекс – прижимает и заостряет». Дальнейшие описания (хотя частично и эти) относятся уже к графическим знакам: к ним, помимо названных, примыкают ещё и *diastolē*, *аностроф* (= трибунал), *dasia* и *psilē*. Описание постановки ударений и их позиций совершенно не отличаются от приводимых большинством грамматиков; даже примеры почти слово в слово повторяются. Но есть и заметные отличия. Так, автор почему-то называет пример переноса ударения в слове *doctúsque* аномалией («*necessitas pronuntiationis regulam corrumpit*» [*ibid.*]), хотя выше им же самым говорилось, что в *composita*'х ударение ставится как в одном слове и

по тем же правилам⁹¹; далее следует ещё одно малопонятное соображение, касающееся тех же энклитик: «*sunt quidem syllabae tres, in quibus accentus producitur que, ne, ue*» [К III, 521]. – «Ещё есть три слога, на которых акцент удлиняется (?) (переносится (?))».

Полезной для нас будет информация о том, что слова с сочетанием *mūta cum liquidā* в речи переносят ударение: *latēbrae, tenēbrae* – это, бесспорно, свидетельствует о позднем состоянии языка, поскольку общеизвестно, что в классическую эпоху на постановку ударения они не влияли. Ещё более любопытным может показаться наблюдение, что понятия 'arsis' и 'thesis' могут быть присущи не только стихотворной стопе, но и произношению слов. Грамматик пишет, что, когда мы произносим какое-то слово, например, *natūra*, все первые слоги, включая ударный, попадают в *arsis*, который продолжается до тех пор, пока звучит ударение («*donec accentus perficiatur*» [ibid.]); затем прочие заударные слоги попадают в *thesis*, который опускает тембр слова настолько, насколько он был поднят при *arsis*: «*quantum suspenditur uox per arsin, tantum deprimitur per thesin*» [ibid.]. При этом слоги, оказавшиеся в *arsis*'е, находятся как бы «внутри» («*intus*»), тогда как попавшие в *thesis* слоги оказываются как бы «снаружи» («*deforis*»). Попытку фонологического истолкования этих свидетельств мы пытались дать выше (с. 99). Что касается акустического впечатления от этого явления, то можно предположить, что сходные наблюдения можем сделать и мы, наблюдая за движениями интонации в словах тех языков, где тональный компонент представлен, наряду с динамическим, в достаточной степени, – например, в итальянском [Collier 1991]: слоги, объединенные динамическим движением голоса, при произнесении ударения частично объединяются и противопоставляются заударным, где динамический диапазон ударения уже исчерпан; одновременно происходит и подъем тона, менее заметный в таких «динамических» языках, как русский.

Из других полезных сведений Псевдо-Присциана, пусть не столь бесспорных, стоит отметить такое, что предлоги имеют ударение всегда на последнем сло-

⁹¹ А если он считает, что приведенное слово – не *compositum*, то тогда зачем говорить об аномалии?

ге (*anté, arúd* – К III, 528), во что, впрочем, также можно поверить, учитывая, что текст очень поздний. Остальная часть трактата посвящена долготам в последних слогах, что свидетельствует о полной неразличимости последних.

3.2.8. Помпей

О грамматике Помпее нам известно лишь то, что происходил он из африканской провинции; время его жизни определяется рубежом V-VI вв. До нас дошли его грамматические комментарии к Донату; возможно, он также – автор одних из имеющихся комментариев к Теренцию и Вергилию.

В своих акцентологических изысканиях Помпей опирается, очевидно, на Сервия. Так же, как и последний, он выделяет три традиционных вида ударения, добавляя при этом, что акут свидетельствует о беглом произношении слога (*cursim*), а циркумфлекс – о протяжном (*tractim*). Все приведенные примеры употребления акута и циркумфлекса свидетельствуют об этом же: акут просто обозначает ударение на кратком гласном, тогда как циркумфлекс – на долгом. Про гравис Помпей пишет, что это – «*nec acutus, nec circumflexus*»; он «*pigrum et minus sonat*» [К V, 126]. («Не акут и не циркумфлекс... звучит лениво и тише».) По-видимому, так же, как и большинство предшественников, он определял гравис как спецзнак для безударных слогов. Определение сущности акцента выглядит, по Помпею, так:

Ipse accentus est quasi anima uocis... Quem ad modum corpus nostrum non potest esse sine anima, nec ullum uerbum, nec ullus sermo sine accentu potest esse. Et quem ad modum anima nostra in toto corpore plus potest, sic etiam illa syllaba plus sonat in toto uerbo, quae accentum habet. Ergo illa syllaba, quae accentum habet, plus sonat, quasi ipsa habet maiorem potestatem

[Pompeius K V, 126].

Сам же акцент – словно душа слова... Как тело наше не может быть без души, так и никакое слово, никакая речь не может быть без акцента. И как душа наша сильна во всем теле, так и тот слог сильнее звучит во всем слове, который имеет акцент. Значит, тот слог, который имеет акцент, звучит сильнее, потому что он, так сказать, имеет большее значение

[Помпей].

Эта мысль не вызывает сомнения в том, что автор описывает слышимый им акцент динамической природы; не вполне понятно только, значит ли слово *accensus* усиление звучания какого-то одного слога или ещё и движение голоса по всему

слову (как *prosodia* у Сергия II) – иначе для чего говорить, что «душа – во *всем* теле». Судя по всему *accentus* здесь и надо понимать как аналог греческого слова *προσῳδία*: в первом случае как движение голоса, а во втором как центр этого движения и графический знак, его обозначающий. Интересным было бы также сопоставление этой «души слова» со стоической *ψυχή*: ко всему прочему, обе они имеют воздушную природу. Помпей придерживается и предложенного Сервием метода определения позиции для ударения (криком); он был описан нами раньше на с. 197.

Грамматик Помпей во многом новатор. Ему единственному из античных учёных, насколько мы можем судить об этом, принадлежит идея ставить ударение не на основе запоминания метрических структур исхода слова, а руководствуясь привычным нам правилами определения веса предпоследнего слога (тем не менее, имеется и традиционный список, но более краткий): нет никакого сомнения, что термины *акут* и *циркумфлекс* означают у него только виды графических знаков.

Интересны и два его замечания: во-первых, что энклитики «*corrumpunt regulam*» («нарушают правило ударений») ⁹² [K V, 131]; во-вторых, что «*ultima nunquam habet [accentum] aut in uersu, aut in prosa*» [ibid.], – «последний слог никогда не имеет акцента – ни в стихе, ни в прозе». Эта фраза соотносится с другой, сказанной прежде [K V, 126]: «*apud Latinos ultima syllaba accentum non habet: non licet*» («у римлян последний слог не имеет акцента: нельзя»).

Свою весьма нестандартную акцентологическую теорию, изложенную оригинальным и не лишенным чувства юмора языком, Помпей заканчивает блестящей по точности мыслью:

Vides, quanta breuitate utantur Latini. Graeci uero chaos fecerunt, totum confuderunt, ut quamuis mille legas tractatus, non te conuenias

[Pompeius K V, 130].

⁹² Однако это совсем не то "правило", о котором говорит Псевдо-Присциан.

Посмотри, сколько у римлян краткости. А греки просто хаос устроили, все перепутали, да так, что хоть тыщу трактатов прочти – всё равно не разберёшься

[Помпей].

3.2.9. Викторин

Под этим именем в корпусе Г. Кейля фигурируют три разных личности. Во-первых, это знаменитый Марий Викторин, учёный IV в., неоплатоник и создатель некоторых христианских сочинений против ариан, собранных в корпусе Миня [PL VIII]. Его латинские переводы Аристотеля, Платона и Порфирия, равно как и комментарий к «Топике» Цицерона, утеряны, однако, наряду с грамматическими трактатами, изданными в шестом томе Кейля, сохранились и комментарии к Цицероновскому сочинению *De inuentione* [RLM 155-304]. Рассказывают, что слава Мария Викторина была столь велика, что ему на форуме Траяна поставили статую [OCD 2000].

Помимо него, в корпусе Кейля имеются ещё два имени: Викторина, автора одноимённого с трудом упомянутого выше грамматика, сочинения *Ars grammatica*; ещё имеются труды некоего Максима Викторина, один из которых посвящён метрике, а второй – «количеству» последних слогов. Сам Г. Кейль разграничивает всех трёх авторов, хотя в настоящее время в науке имеется мнение [Кузнецов (в рук.)], что подлинный текст Викторина занимает лишь первые 31 страницу издания Кейля (до слов *ac per hoc sonum geminantis imitatur*, строка 16), тогда как остальной принадлежит, видимо, Элию Фесту Афтонию (Arthonius), имя которого сохранено в заключении последней книги (explicit). В нашем исследовании было решено сохранить имена в том виде, в каком они представлены в издании Г. Кейля.

Марий Викторин, оставивший весьма ценное учение о слогах, ударение специально не описывает. Однако стоит рассмотреть два его очень любопытных суждения. Во-первых, следующее:

Quibus primae potestatis quinque uocales existunt a e i o u, quae gemina uirtute temporum praeditae, dum corripiuntur aut acuuntur, longas et breues syllabas metris praestant

[Marius Victor. K VI, 31].

Из-за чего существуют пять гласных первого свойства а е і о и, которые наделены обоюдной длительностью: они, когда сокращаются или удлиняются, создают для метров «долгие» и «краткие» слоги

[Марий Викторин].

Из этого примера вполне понятно, что термин *асиі* используется в значении долготы гласного, а не свойства ударения: это кажется отнюдь не удивительным, если предположить, что в указанную эпоху отчетливо различались по долготе лишь ударные гласные. Во-вторых, вот ещё одно интересное свидетельство:

Non solum autem uox sonusue icto aere, ut audimus, exprimitur, sed et omne corpus uerberatum et impulsum sonum confusae uocis dabit, et quidem uarium ac multiplicem pro qualitate plagarum

[Marius Victor. К VI, 32].

Но голос или звук извлекается не только благодаря сотрясению воздуха, как это мы слышим, но и всякое тело производит порождённый ударом и исторгнутый звук нечленораздельного голоса, к тому же различный и разнообразный в зависимости от качества удара

[Марий Викторин].

Конечно, эту мысль можно трактовать по-разному (и даже по-разному атрибутировать слово *uerberatum* то к *corpus*, то к *sonum*), но в любом случае нельзя не сказать, что описание грамматика в значительной степени справедливо и напоминает не только изложенные выше стоические взгляды (с.175, также [D. L. VII, 55]), но и отчасти близко теории Раймонда Стетсона.

В грамматике, изданной под именем **Викторина**, акцентам уделяется сравнительно мало места. Выделяются три стандартных типа акцента – акут, гравис и циркумфлекс; также имеется уже привычное нам суждение, что гравис может ставиться на многих слогах, тогда как акут и циркумфлекс – только на каком-то одном [К VI, 192]. Все правила и примеры стандартные; единственное отличие – новый пример на постановку акута *Horténsius*. Акцентами автор называет те же диакритические знаки, к каковым причисляет и знаки «количества слога».

Труды, отнесённые издателем к **Максиму Викторину**, для нас мало интересны, так как никакой информации об ударении не содержат. Единственное, что стоит отметить, – так это то, что один из трактатов посвящён метрическому

«количеству» последних слогов (*De finalibus metrorum*), т.е. долгота безударных гласных не различалась. Впрочем, это ничего нового для нас не открывает.

3.2.10. Прочие имперские грамматики

Труды прочих грамматиков, менее значимых и менее знаменитых, я счел нужным проанализировать здесь вместе. Несмотря на то, что некоторые из трактатов содержат ряд отдельных интересных замечаний, которые будут рассмотрены особо, в целом они представляют собой одно единое «общее мнение».

Кледоний, константинопольский грамматик V в., принадлежавший также и к числу сенаторов, излагает традиционные взгляды [K V, 32]; интересны его свидетельства, что на всех безударных слогах латинского языка ставится гравис; о том, что термин *accentus* – это «когномен» терминов *tonus* и *tenor*; что в словах анапестического метра ударение ставится на втором слоге: *Ērātō*.

Донатин, излагающий мало отличную от этой концепцию [K VI, 274], соглашается с мыслью о разных терминах для акцентов, добавляя, что *tenor* всё-таки лучше. К числу акцентов он относит не только знаки ударения, но и ещё прочие диакритические символы, список которых стандартен.

Грамматические труды **Консенция** интересны рядом указаний на грамматические ошибки, связанные с ударением. В разделе «О варваризмах» [K V, 392 sqq.] он приводит примеры сокращения гласного в безударной позиции (*ōrātor*) и удлинения его в ударной (*pīper*), называя такую ошибку типичной для африканской латыни («*uitium Afrorum familiare*», «*uitium Afrorum speciale*», cf. [Aug. Doctr., IV, 24]). Интересны и его замечания об ошибках в переносе ударения на первый слог (*ōrator*) или даже его циркумфлексизацию (*ôrator*): «*ut siquis "ōratorem" dicens priorem syllabam circumflexo accentu pronuntiet*» – такой варваризм он называет *detractio accentus*. Все эти данные позволяют говорить не только о полном разрушении правила 2/3 слога, но и о разрушении традиционной постановки ударения, а также о происходящем падении долгот в безударных и ударных позициях.

Досифей, автор грамматики IV в., имеющейся в латинском и греческом варианте и созданной, несомненно, для преподавания латинского языка как ино-

странного [Kaster 1988], излагает обычную теорию ударения, также присоединяя к акцентам и другие диакритики [K VII, 377 sqq.]. От этого сочинения почти ничем не отличаются анонимные **Бобийские фрагменты** [K VII, 539 sqq.].

Про относительно позднего **Юлиана** стоит сказать только то, что ему принадлежит трактат о последних слогах (*De ultimis syllabis* [K V, 320]). Такой же трактат создал и **Евтихид** (*De finalibus*), также изданный в пятом томе Кейля. **Маллий Теодор** (консул 399 по Р.Х.), давая вполне внятное изложение природы слогов [K VI, 586 sqq.], к сожалению, ничего не пишет про акценты. Труд по орфографии, приписываемый знаменитому учёному II в. по Р.Х. **Флавию Капру** и, без сомнения, неподлинный, свидетельствует о неразличении гласных в безударных позициях: *dēscendō / discendō* [K VII, 92]; имеющееся там же свидетельство о том, что правильна форма *clipeus*, а не *clipeus*, заставляет вообще усомниться в его античном происхождении.

Грамматический труд **Беды Достопочтенного**, подобно Помпею, строится, очевидно, на вышеописанных фрагментах Сервия. Ему также присуще понимание циркумфлекса – как акцентного знака над долгим гласным:

...mâter cum dicitur longitudine sui circumflexus tantum temporis bis occupat, quantum pa- semel

[Beda, K VII, 229].

Когда произносится слово mâter, то длительностью своего циркумфлекса она занимает в два раза больше того времени, которое есть в слоге pa- [т.е. в слове pāter – А. Б.]

[Бедя].

На странице 236 следует прямая цитата из Сервия [K IV, 451], приведённая выше. Акцент Беда определяет фактически как долготу гласного. Так, чуть ниже он пишет, что первые безударные гласные слова *āmicissimōrum* проверяются позицией в стихе однокоренного слова: *...nimium dilexit āmicum* [Verg. Aen. IX, 430: исход стиха]. Беда приводит и правила определения долготы последних слогов; приводит примеры совпадения акцента и икта [K VII, 256]. В целом его трактат отличается вдумчивостью и рациональностью изложения.

Аудакс, другой поздний компилятор, опирается в изложении правил акцента, очевидно, на текст Псевдо-Присциана, хотя не цитирует его дословно (впрочем, возможно и обратное). Он постулирует тождественность терминов *акцент* и *просодия*, присоединяя, однако, к числу акцентов, и прочую диакритику. Аудакс отмечает, что гравис ставится на безударных слогах (всё – [K VII, 329]). На странице 357 он пишет, что «акцент – определенное правило для поднятия или прижатия слога», что он подобен музыке («*cantus in musica, accentus in oratione*»). Здесь он выделяет три типа акцента, не присоединяя к ним знаков других символов. О них он пишет:

Ceteri non magis accentus, quam nota grauium, uel longarum syllabarum, adspiratarum et exilium indicantur, quorum nomina sunt breuis longus adspiratio, exilitas... Illi uero accentus, qui humilitatem uel altitudinem syllabarum ostendunt, id est acutus, grauis, circumflexus

[Audax, K VII, 357].

Остальные акценты видятся не более чем отметкой тяжёлых [= лежащих под грависом] или долгих слогов, придыхаемых или тонких [гласных]; по имени они брэвис, макрон, знак густого и тонкого придыхания.... А акценты – это те, которые показывают низкий или высокий тон слогов, т.е. акут, гравис, циркумфлекс

[Аудакс].

Из этого описания непонятно только то, почему автор считает, что знак «брэвис» показывает «тяжесть» слога. Акут, согласно Аудаксу, «*acuat et erigat syllabam*» («заостряет и выпрямляет слог» – наверно: ‘придаёт слогу тонкий и высокий звук’), гравис «*deprimat et deponat*» («прижимает и отодвигает»). Циркумфлекс «восходит и заходит» («*ascendit et descendit*»). Интересно и следующее свидетельство:

Acutus autem et circumflexus similes sunt, nam uterque leuat syllabam. Grauis contrarius uidetur ambobus: semper deprimat syllabam [ibid.].

Акут и циркумфлекс похожи, потому что и тот, и другой поднимают слог. Гравис, несомненно, противопоставлен обоим: он всегда «прижимает» (опускает) слог.

Аудакс не делает никаких упоминаний об арсисе и тесисе в словах, как Псевдо-Присциан, но эту цитату, видимо, лучше истолковать именно в этом смысле. Правила постановки ударений у Аудакса стандартны. Наряду с термином *elevationis* имеется ещё и *fastigium*.

3.2.11. Некоторые итоги

Прежде чем мы перейдём к изучению других грамматических описаний, весьма небесполезным будет для нас составить небольшой свод тех принципов, которые мы смогли уже выявить, проанализировав грамматические описания эпохи империи.

1. Помимо звучания всех «букв» слова имеется ещё нечто, именуемое *προσῳδία* (*accentus*): оно представляет собой некое целостное и организующее движение голоса в слове; как пневма объединяет отдельные члены в один организм [*Chrys. fr 826, 911 SVF*], так и *προσῳδία* выполняет похожую интегрирующую функцию.
2. У просодии есть некий главный центр напряжения, который также может называться *accentus* или (*summus*) *tonus*; в нём *προσῳδία* достигает своей высшей точки, что сопровождается подъёмом тона. (Здесь уместно провести аналогию между таким «акцентом» и стоическим *ἤγεμονικόν*, а также указать на этимологическую связь между просодическим термином *tonus* и стоическим глаголом *διατείνειν* (о пневме)).
3. Место расположения этого центра в слове и особенности движения голоса в нём определяются метрическим исходом слова и природной долготой гласных в слогах. В чём конкретно проявляются эти особенности «голосоведения» – мнения разделяются: 1) в движении тона (Сергий); 2) в длительности (Сервий).
4. Этому центру соответствует и специальный графический знак, который маркирует определённые различия в движении голоса: акут или циркумфлекс; помимо их имеется ещё противопоставленный им

гравис, обозначающий безударность – видимо, самую низкую точку просодического контура.

5. Существуют и другие значки, соответствующие иным просодическим явлениям: придыхания, макрон, брэвис, диастоле и т.д. Их тоже надо уметь ставить⁹³.
6. Расстановки знаков ударения в латинских словах производится по греческой системе, поскольку в этом случае обозначения природной долготы гласного и места ударения увязаны друг с другом, и с долготой гласных в заударных слогах; всё это позволяет экономить знаки и облегчать чтение текста.
7. При этом совершенно не обязательно, чтобы знаки всегда отражали фонетическую реальность: их главная задача – служить пониманию написанного и помогать читать, вслух и громко, без досадных ошибок и с правильной интонацией.

⁹³ Вполне вероятно предположить, что в позднеантичных грамматических школах существовала особая традиция письма, требовавшая последовательную расстановку таких значков. Впрочем, папирусными находками эта гипотеза подтверждается плохо, хотя имеется, к примеру, папирусный фрагмент VII сатуры Ювенала (ст. 149-198) [Cavenaile 1958: 114-117], в котором весьма последовательно расставлены знаки ударения и некоторые (особенно заударные) долготы.

3.3. ГРАММАТИКИ ЭПОХИ РЕСПУБЛИКИ

Из грамматиков республиканской эпохи мы можем выбрать только два свидетельства, относящихся к природе латинского ударения; одно из них принадлежит М. Теренцию Варрону и сохранилось в уже разбиравшемся труде Сергия. Другое восходит к современнику Варрона П. Нигидию Фигулу.

3.3.1. Нигидий Фигул

О Нигидии Фигуле известно, что он был избран претором в 58 г. до Р.Х., был большим другом Цицерона и сторонником партии Помпея. Он прожил до 45 г. до Р.Х. и прославился как учёный, мистик и любитель магии; он был большим поклонником и пропагандистом пифагорейского учения, основателем неопифагорейского кружка в Риме [della Casa 1962; Rawson 1985], деятельность которого впоследствии дала толчок таким знаменитым личностям, как Аполлоний Тианский и Модерат из Гадеа [Thesleff 1961]. Авл Геллий [IV, 9, 1] пишет: «*Nigidius Figulus, homo, ut ego arbitror, iuxta M. Varronem doctissimus*» («Нигидий Фигул – человек, как мне кажется, наряду с М. Варроном учёнейший»). Сам Геллий приводит следующую цитату:

Quas Graeci προσῳδίας dicunt, eas ueteres docti tum 'notas uocum', tum 'moderamenta', tum 'accentiunculas', tum 'uoculationes' appellabant; quod nunc autem 'barbare' quem loqui dicimus, id uitium sermonis non barbarum esse, sed 'rusticum' et cum eo uitio loquentes 'rustice' loqui dictitabant. P. Nigidius in commentariis grammaticis: 'rusticus fit sermo,' inquit 'si adspires perperam

[Figulus apud Gell. [13. 6]. fr. 21 Funaioli⁹⁴].

То, что греки называют «просодиями», это наши древние учёные именовали и словарными знаками, и разметкой, и акцентировкой; то же, что мы сейчас говорим о человеке, когда он изъясняется «по-варварски», – этот порок речи они называли «деревенским», а об отличающемся этим пороком говорили, что он изъясняется «по-деревенски». П. Нигидий в грамматических комментариях также пишет: «речь станет [звучать] по-деревенски, если будешь ошибаться в придыхании»

[Фигул у Геллия].

⁹⁴ Имеется также издание [Swoboda 1889].

Приведенная цитата дает понять, что термин *просодии* понимается как диакритические знаки (включая, очевидно, и придыхания). Однако неясно, принадлежит ли она Геллию или Фигулу. Следующая цитата проясняет эту мысль.

P. Nigidii uerba sunt ex commentariorum grammaticorum uicesimo quarto...: 'Deinde' inquit 'uoculatio qui poterit seruari, si non sciemus in nominibus, ut "Valeri", utrum interrogandi an uocandi sint? Nam interrogandi secunda syllaba superiore tonost quam prima, deinde nouissima deicitur; at in casu uocandi summo tonost prima, deinde gradatim descendunt.' Sic quidem Nigidius dici praecipit. Sed si quis nunc Valerium appellans in casu uocandi secundum id praeceptum Nigidii acuerit primam, non aberit, quin rideatur. 'Summum' autem 'tonum' προσῳδίαν acutam dicit et, quem accentum nos dicimus, 'uoculationem' appellat et 'casum interrogandi' eum dicit, quem nunc nos genetiuum dicimus

[Figulus apud Gell. [13, 26], fr. 9 Funaioli].

Вот слова П. Нигидия из двадцать четвёртой книги грамматических заметок... «Затем, – говорит, – где ещё может помочь акцентировка, так это в именах, как, например "Valeri", если мы не будем знать, вопрошательный ли это падеж или звательный. Ведь у вопрошательного более высокий тон на втором слоге, чем на первом, затем последний слог опускается; а в звательном падеже, наоборот – самый высокий тон на первом слоге, затем слоги, как по ступенькам, идут вниз». Но если кто сейчас, употребляя звательный падеж от Валерия, поставит согласно этому предписанию Нигидия ударение на первый слог, то не может получиться так, чтобы его не осмеяли. А «высшим тоном» Нигидий называл то, что сейчас мы зовем προσῳδία acuta, акцентировкой – акцент, а вопрошательным падежом – генетив

[Фигул у Геллия].

Таким образом, из труда великого Нигидия со всей отчетливостью видно различие понятий 'тон' и 'акцент' (т.е. графический знак). Ещё имеется вполне точное свидетельство того, что тон в эпоху Нигидия отчетливо менялся. И ещё один важный момент: Нигидий создал свое собственное описание латинского ударения, чёткое, ясное и самобытное; других столь наглядных примеров подобного мы не знаем. Оно, однако, не нашло, судя по всему, ни последователей, ни подражателей: Нигидия, подобно великому Гераклиту, прозвали «тёмным», его труды оказались нужными только ближайшему кругу посвящённых, да и то не все. Сам он умер в изгнании.

3.3.2. Варрон

От знаменитейшего Варрона (116-27 до Р.Х.), сведения о котором пересказывать не стоит в виду их обширности, до нас дошло несколько акцентологических свидетельств, сохраненных Сергием. Явное преимущество, которое имеется у нас при изучении его наследия, это то, что мы знаем многие его источники, потому что сам автор открыто ссылается на своих предшественников. (Впрочем, надо сделать оговорку, что поскольку все цитаты берутся из Сергия, то возможны и его собственные интерполяции.)

Из приведённых текстов [K V, 529 sqq., fr. 282{60} Funaioli] мы узнаем и об источниках Варрона: Афинодор (стоик I в. до Р.Х.) выделял два ударения (восходящее и нисходящее), Дионисий Фракиец – три (акут, гравис и циркумфлекс), Тираннион Амисский⁹⁵, «отличавшийся сам качественным из всех произношением тонов», – четыре, добавляя к ним и «средний» тон. Узнаём мы и имена других авторов – предшественников Варрона: Главк с Самоса (учёный V в. до Р.Х., выделявший шесть просодий, из которых сохранились имена лишь пяти), Гермократ Ясийский, Феофраст-перипатетик, Эратосфен, Феодор, Аммоний Александрийский (ученик Аристарха, II в. до Р.Х.), Эфор Кимейский (ок. 405-330, ученик Исократ), Дионисий Олимпийский (III в. до Р.Х.), Эпихарм из Сиракуз (комик V в. до Р.Х.). Сам Варрон присоединяется к мнению Тиранниона (видимо, ближайшего источника) о четырёх тонах и выделяет «средний» тон (*uox media*), который есть известный предел между повышением и понижением тонов, с чем спорит Сергий.

Перед этим приводится его знаменитое высказывание, уже не раз цитировавшееся выше:

Ab altitudine discernunt accentus, cum pars uerbi aut in graue deprimitur, aut sublimatur in acutum

[Varro apud Sergium, K IV, 525 sqq.]

⁹⁵ Который из двух – Феофраст Тираннион с Амиса, философ I в., или его ученик, сын Артемидора и клиент Помпея, – непонятно, но скорее всего, – второй.

Ударения определяют по высоте, когда часть слова или снижается грависом, или поднимается в акут

[Варрон у Сергия].

Мы не имеем ни одного подходящего фрагмента из Варрона, взятого из другого источника, способного объяснить в точности, какие конкретно явления Варрон называл в числе своих четырёх тонов; приведённая цитата говорит нам лишь о двух. Очевидно, дело в том, что, когда Варрон писал о среднем тоне, он имел в виду некий «статический предел» – тон безударного слога, отличный от грависа (как раз в том смысле, что у Кортландта), – тогда как здесь описывается само движение тона. А речь идет, очевидно, именно о тоне. Кроме того, все приведенные выше учёные (кроме, возможно, Тиранниона – если имеется в виду младший) исследовали ударение греческое, тогда как этот фрагмент относится, видимо, к ударению латинскому; как соотносятся эти теории, мы не знаем. Зато теперь становится понятным, что же такое *pars uerbi*: это видно из выше приведенного фрагмента Псевдо-Присциана и других учёных, писавших о грависах в безударных слогах. *Pars uerbi* – это группа слогов слова, отличающихся какими-то общими акцентными свойствами: идущих или на повышение тона, или на понижение; см. также с. 99. Никаких сведений о циркумфлексе как о тоне в латинском языке у Варрона мы не находим, хотя, надо предполагать, они были, раз тонов он называл четыре.

Поскольку у нас нет прямых фрагментов Варрона (или хотя бы чётких ссылок на его теории у ещё каких-либо писателей), относящихся к акцентам, мы не можем в подробностях восстановить его взгляды на латинское ударение. Тем не менее, то, что мы узнаем о существовании двунаправленного движения тона, хорошо согласуется и с описанием Нигидия и с трудами многих других учёных.

3.4. КОСВЕННЫЕ НЕГРАММАТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

3.4.1. Цицерон

То, что относится к природе акцента в восприятии этих двух писателей, видно только из одной цитаты Цицерона и нескольких у Квинтилиана. Они, приводимые И. М. Тронским, Э. Стёртевантом и др., нам уже встречались. Но все же для системы их стоит привести ещё раз.

Volet igitur ille qui eloquentiae principatum petet et contenta uoce atrociter dicere et summissa leniter et inclinata uideri grauis et inflexa miserabilis. mira est enim quaedam natura uocis, cuius quidem e tribus omnino sonis, inflexo acuto graui, tanta sit et tam suauis uarietas perfecta in cantibus. est autem etiam in dicendo quidam cantus obscurior, non hic e Phrygia et Caria rhetorum epilogus paene canticum, sed ille quem significat Demosthenes et Aeschines, cum alter alteri obicit uocis inflexiones; dicit plura etiam Demosthenes illumque saepe praedicat uoce dulci et clara fuisse. in quo illud etiam notandum mihi uidetur ad studium persequendae suauitatis in uocibus: ipsa enim natura, quasi modularetur hominum orationem, in omni uerbo posuit acutam uocem nec una plus nec a postrema syllaba citra tertiam

[Cicero, Orat., 56-58].

Тот, кто будет стремиться к высотам красноречия, захочет [уметь] выражать и ярость заниженным голосом, и нежность ослабленным, захочет, склоняя его, выглядеть важным и, изменяя, несчастным. Вообще, удивительна в определенной мере природа голоса, который, состоя всего из трех звуков – высокого, низкого и меняющегося [из одного в другой], имеет такое и столь приятное разнообразие, достигающее особого совершенства в пении. Но есть также и в человеческой речи некоторая весьма смутная мелодия, не такая, однако, как в финалах речей ораторов из Фригии и Карики (которые у них сами почти как песня), но та, на которую указывали Демосфен и Эсхин, попрекая друг друга за чересчур вычурные движения голоса; но также говорит Демосфен и большее и часто заявляет, что Эсхин отличался голосом и приятным, и громким. И это мне также представляется нужным отметить у него как стремление к особой гладкости речи: ведь и сама природа, как бы устанавливая особый музыкальный строй человеческой речи, поставила в каждом слове «острый» звук, причем только один, и не далее третьего слога от конца

[Цицерон].

Поскольку эта цитата относится к свидетельствам косвенным – т.е. не специально посвящённым ударению, а лишь так или иначе его затрагивающим, то прежде чем делать какие-либо определённые выводы, необходимо принять во

внимание и главную проблему этого фрагмента. Проблема же эта, весьма характерная для античных риторических трактатов, заключалась в том, что ораторская речь, даже самая изошрённая и отличающаяся многочисленными ритмическими изысками, не должна открыто походить на стих или песню (см. также [Cicero Brut. 32]). При этом, как говорит здесь Цицерон, оратору легко впасть в такого рода заблуждение, тем более что сама природа человеческого голоса, имеющего несколько регистров – высокий и низкий – и способного переходить из одного в другой допускает это. Здесь, конечно, речь идёт не об ударении в узком смысле, а о художественном интонировании при произнесении речи: например, неожиданно обращаясь к пониженному регистру, оратор может показаться разгневанным, а «надломив» голос – несчастным. Ораторы-азианисты из Фригии и Карики, как видно, весьма злоупотребляли такими приёмами, из-за чего эпилоги их речей становились похожими на песню; но даже и идейные противники Демосфен с Эхином, критикуя друг друга, не забывали упомянуть, что отдельные места у того или другого отличаются таким «неумеренным азианизмом», причём первый добавляет, что даже голос у Эхина чем-то напоминает певческий.

Из этого понятно, что речь собственно об ударении идет лишь в строках, подчеркнутых линией. Что думал Цицерон о тонах ударения, не вполне ясно, однако «акут» в последнем предложении означает, видимо, частотный пик, высшую точку подъема тона, которая в каждом слове одна, – тогда мысль писателя становится подобной той, что была у Нигидия Фигула. Интересно заметить, что, употребив глагол *modulari*, Цицерон косвенно признаёт, что ударение в языке также способно выступать в определённых ритмико-мелодических чередованиях. Однако непонятно, имеется ли в виду ударение вообще – т.е. и греческое и латинское, – или какое-то одно из них.

3.4.2. Квинтилиан

Далее рассмотрим несколько мест из Квинтилиана. В них как раз всегда понятно, о каком ударении идёт речь, поскольку греческий и латинский языки зачастую сравниваются между собой. В частности, Квинтилиан пишет о том, на-

сколько трудно передать в латинской транскрипции красоту отдельных черт греческой фонетики, таких как придыхание и ударение.

Adhuc difficilior obseruatio est per tenores (quos quidem ab antiquis dictos tonores comperi, uidelicet declinato a Graecis uerbo, qui τόνοϋς dicunt) uel adcentus, quas Graeci προσῳδίαϝ uocant, cum acuta et grauis alia pro alia ponuntur, ut in hoc 'Cámillus', si acuitur prima, aut grauis pro flexa, ut 'Céthequs' (et hic prima acuta; nam sic media mutatur), aut flexa pro graui, ut apice circumducta sequenti, quam ex duabus syllabis in unam cogentes et deinde flectentes dupliciter peccant. Sed id saepius in Graecis nominibus accidit, ut 'Atreus', quem nobis iuuenibus doctissimi senes acuta prima dicere solebant, ut necessario secunda grauis esset, item 'Nerei' 'Terei' que

[Quintilianus 1, 5, 22-24].

Ещё труднее [при передаче греческих слов] уследить за тонами (которые, кстати, как я узнал, древними назывались «tonores», а не «tenores» – очевидно, от слова, которое греки произносят как «τόνοϋς») или акцентами, которые греки называют προσῳδίαϝ, тогда, когда акут или гравис ставятся друг вместо друга (как в случае произношения «Cámillus», когда акут ставится на первом слоге); или когда гравис ставится вместо циркумфлекса, как в слове «Céthequs» (а первый здесь – акут: потому что так изменился средний слог); или когда циркумфлекс стоит вместо [должного] грависа, как бывает в случае, когда слог правильно отмечен апексом, – а те, которые сводят два слога в один и уже после ставят циркумфлекс, ошибаются вдвойне. Но это довольно часто случается лишь в греческих словах, как «Atréus», которое ещё в нашу молодость старики-учёные обыкновенно произносили с акутом на первом слоге, так что гравис по необходимости оказывался на втором, – и также в словах «Néreus» и «Téreus»

[Квинтилиан].

Из этого примера, рассматривающего вопросы нормы в латинском ударении, мы видим, в частности, что во всех позициях, где нет акута, античная традиция предполагает гравис; кроме того, этот фрагмент позволяет весьма точно датировать время перехода латинского ударения из позиционно обусловленного к ставящемуся по традиции: в молодость Квинтилиана ещё находились некоторые учёные старики, которые говорили *Átreus*, а не *Atréus*, – это позволяет видеть, что уже к середине I в. до Р. Х. правило 2/3 слога перестало действовать. Ещё весьма интересна рекомендация Квинтилиана не циркумфлектировать дифтонг в таких словах, что будет ни по-гречески, ни по-латински («*dupliciter peccant*»): при таком ударении слово *Atreus* будет звучать с подъёмом на *e* и падением на *i* (*Atréus*), то-

гда как в оригинале должен звучать акут на *и* и, следовательно, гравис на *е* (*Ἀτρεύς*). Из того, что в этом фрагменте описываются именно распространённые орфоэпические ошибки, можно сделать вывод, что и такое ошибочное произношение было распространено, – а это позволяет предположить, что в данном случае мы имеем дело с косвенным свидетельством против вокалических мор в латинском языке, поскольку получается, что обыкновенное латинское ударение на дифтонге рассматривается как его циркумфлектизация⁹⁶. Впрочем, окончательно быть уверенным в таком понимании этого текста быть нельзя.

Рассмотрим ещё один интересный фрагмент. В тексте, предшествовавшем ему, речь шла о том, насколько звучание греческого языка, по мнению Квинтилиана, красивее латинского, поскольку в том имеются буквы, вроде *υ* и придыхательных, которых в латинском языке или не было.

Sed accentus quoque cum rigore quodam, tum similitudine ipsa minus suaues habemus, quia ultima syllaba nec acuta umquam excitatur nec flexa circumducitur, sed in grauem uel duas grauis cadit semper

[Quintilianus 12, 10, 33].

Но и ударения у нас также менее красивые – как из-за некоторой негибкости, так и из-за самого их однообразия, поскольку последний слог никогда не повышается акутом, не охватывается циркумфлексом, а всегда падает то в один гравис, а то и в два

[Квинтилиан].

О правилах постановки акута Квинтилиан пишет следующее:

In omni uoce acuta intra numerum trium syllabarum continetur, siue eae sunt in uerbo solae siue ultimae, et in iis aut proxima extremae aut ab ea tertia. Trium porro de quibus loquor media longa aut acuta aut flexa erit, eodem loco breuis utique grauem habebit sonum ideoque positam ante se, id est ab ultima tertiam, acuet. Est autem in omni uoce utique acuta, sed numquam plus una nec umquam ultima, ideoque in disyllabis prior. Praeterea numquam in eadem flexa et acuta, tqui in eadem flexa et acutat; itaque

⁹⁶ Что весьма неплохо сочетается с мыслями поздних грамматиков о двойном (греческом и латинском) чтении греческих заимствований и в особенности имён собственных [Diomedes K I, 433; Sergius I K IV, 483].

neutra cludet uocem Latinam. Ea uero quae sunt syllabae unius erunt acuta aut flexa, ne sit aliqua uox sine acuta

[Quintilianus, *Inst. Or.* 1, 5, 30].

В любом слове слог, имеющий акут, содержится в числе трех последних слогов, без различия, только они ли имеются в слове или являются последними в нём, и среди них он или предпоследний, или стоит на третьем месте от конца. Далее, из трех, о которых я говорю, средний слог, если он «долог», может иметь или акут или циркумфлекс, а «краткий» слог, находящийся на том же месте, всегда будет иметь низкий звук и тем самым повышать тон того слога, который стоит перед ним, т.е. третьего от конца. Но в любом случае, в каждом слове всегда есть акут, однако не более чем один, и не на последнем слоге; в двусложных словах, стало быть, он стоит на первом. Кроме того, никогда в одном слове не могут быть одновременно акут и циркумфлекс, сколько бы подходящих для этого слогов в слове не было [?]; и как уже сказано, ни тот, ни другой тон не может быть на последнем слоге. Каждый же акцентуемый слог должен быть или с акутом, или с циркумфлексом, чтобы не было ни одного слова без ударения

[Квинтилиан].

Мы видим, что хотя Квинтилиан пишет, что бывают и акуты и циркумфлексы, он не излагает четких принципов их разграничения. Речь здесь идет, несомненно, о произношении слов, а не о диакритических знаках. Отсюда можно заключить, что явления акута и циркумфлекса в латинском языке – это явления одного порядка: краткий гласный, имеющий ударение, несет акут, а долгий гласный – циркумфлекс. Именно поэтому Квинтилиан и пишет, "*ne sit aliqua uox sine acuta*", где *syllaba acuta* – просто 'слог с ударением'. В чем же дело?

3.5. АНАЛИЗ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные о латинском ударении, полученные нами от античных грамматиков, имеют и противоречия и сходства, из которых первых всё же меньше, чем последних. Основное противоречие *общего характера* – следующее: грамматик-современники иной раз пишут о природе латинского ударения различные вещи: Помпей совершенно (на первый взгляд) противоречит Сергию, а Сервий – Псевдо-Присциану. Основные сходства *общего характера* следующие:

- 1) носителем ударения в латинском языке является слог;
- 2) в латинском языке наблюдается движение тона;

- 3) безударные слоги имеют гравис;
- 4) существуют (особенно в позднее время) специальные правила «постановки ударений» – диакритических знаков.

В пользу какой теории мы можем трактовать данные античных грамматиков? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует понять, что понимали сами римские грамматикологи под термином *accentus* – отчасти мы это уже затрагивали в [3.2.11], однако сейчас следует всё равно ещё раз обобщить сделанные наблюдения.

Из главы о звуках и буквах в представлении римских грамматиков мы узнали, что языковые уровни были составлены строго систематично и сочетали в себе две стороны – формальную и функциональную. Если *littera* – это и знак и языковая реальность, слог – и группа *littetārum* и языковое явление второго порядка, то вполне вероятно, что и *accentus* в понимании античных грамматиков мог иметь эти же две стороны. Подобная мысль не находит противоречия ни у одного из приведенных нами свидетельств, зато подтверждается очень многими (Сергием, Помпеем, Сервием, Псевдо-Присцианом и др.). Причём гораздо больше системы именно в сочинениях поздних грамматиков, людей той эпохи, когда основной задачей науки о языке стало не исследование его, а преподавание и, зачастую, – как иностранного. Здесь-то как раз мы и видим полное и последовательное воплощение первой стороны акцента – его графического изображения. Совершенно неправ У. Аллен и другие учёные, утверждавшие, что римляне заимствовали у греков термины; нет, заимствована была целиком система графической разметки текстов, включавшая в себя и термины, и знаки (*προσῳδίαι*), и способы их расстановки.

Эти символы, естественно, имели свои имена (*ὀξεῖα, βαρεῖα, περισπωμένη*), которые переводились на латинский язык; интересно, что окончательно латинская терминология устоялась тогда, когда в римскую систему образования вошли указанные знаки: это видно, в частности, из позднего появления термина *circumflexus*, употребление которого идет в одном ряду со знаком макрона, но никогда с апексом; вошли же они окончательно в употребление только тогда, когда стали необходимы. А необходимы они стали лишь в относительно позднюю эпоху, характе-

ризующуюся в первую очередь частичной, а потом и полной потерей количественных отношений гласных в безударных слогах. При этом, чем более деструктивные изменения происходили в фонетике, тем с большей скрупулёзностью знаки употреблялись в римской и греческой образовательной системе. Юный римлянин V в. всё равно не смог бы произнести ударение, значок которого он увидел в тексте, иначе, чем он произносил его каждый день в обычной речи; но благодаря знаку он мог увидеть и место ударения, и (теоретическое) «количество» ударяемого гласного, и количество безударного, мог отличить форму RÔMA, от RÓMA и т.д.⁹⁷ А фонетическая реальность этих обозначений бралась преимущественно из авторитетных изданий – сочинений древних авторов (вроде Варрона), которые не всегда соответствовали самой реальности. В последнем случае, когда поздний грамматик задумывался о несоответствии графического знака реальной действительности, в литературу иной раз и попадали сведения о том, что ударный слог звучит сильнее, а циркумфлекс означает долготу. Иной раз этого не происходило – оттого существовали в поздней античности противоречащие друг другу акцентологические описания.

Наблюдались, конечно, и другие различия, но если различия произношения безударных гласных были сразу заметны из метрики, то возможные различия ударения игнорировались, поскольку для чтения стихов в школе было совершенно неважно, с каким ударением их читать, – как в старой нашей гимназической традиции совершенно не обсуждался германский способ чтения стихов или произношении буквы С. Поэтому неправильно говорить, что античные грамматики были совершенно «несамостоятельны»: вся их грамматическая система строилась на совершенно логичных и разумных основаниях, определявшихся, однако, вполне конкретными целями и задачами. Можно сказать, что их учение в подавляющем

⁹⁷ Здесь поучителен пример новогреческого языка, в котором диакритические знаки – придыханий, тупого и облечённого ударений – были отменены лишь двадцать лет назад, когда стали неудобны в некоторых отраслях нашей технократической цивилизации – например, на телевидении. Уместно здесь было бы и сравнение со старо- и церковнославянскими диакритическими знаками.

большинстве случаев отражает истину, однако истина эта – не всегда одна и та же. Поэтому античным грамматикам верить можно, хотя и с известными оговорками.

Теперь, подойдя к вопросу о «несамостоятельности» античных учёных, обратимся к другой, не менее важной проблеме: действительно ли римские теоретики языка заимствовали эту графико-терминологическую систему «рабски», как утверждает У. Аллен, и был ли на самом деле в латинском языке тон. Иными словами, мы рассматриваем теперь другую сторону понятия *accentus* – его реальную фонетическую природу. Можем ли мы на основании данных античных грамматиков делать определённые выводы о тональности латинского ударения?

Термин *accentus*, как было неоднократно сказано выше, действительно калька с греческого слова *προσῳδία*. Из рассмотренных весьма авторитетных источников, особенно Сергия, опиравшегося, как выяснилось, прямо или косвенно на целый ряд предшественников, становится отчетливо ясно, что это греческое слово имеет (минимум) два значения:

- 1) *формальное*: графический знак (ударения и иногда др.);
- 2) *фактическое*: интонационный контур слова (т.е. его частотный облик), а также (иногда) главный центр напряжения этого контура.

Понимая этот термин во втором значении, мы понимаем его реальный смысл: само произношение слова – это совокупность звучания каждой «из его букв»; однако помимо этого у него есть ещё один оттенок звучания, частотный, – изменение тембра голоса по всей длине слова. Из русских аналогов слову *προσῳδία*, хорошо подошло бы что-то вроде «подвывания». И в этом смысле удачей переводом термина на латинский язык видится забытое слово *ioculatio*, предложенное Нигидием Фигулом, которое у него тоже означает и частотный облик слова, и графический знак его верхушки.

Понимая таким образом слово *προσῳδία*, мы понимаем и смысл терминов *ὀξεῖα* и *περισπωμένη*. Острая просодия – это такое движение тона, верхушка которого имеет «толщину» в один краткий гласный (1 вокалическую мору); и тогда слово *ὀξεῖα* (*острая*) передает идею не *высоты*, как это часто думают, а *тол-*

щины: как у острого меча толщина лезвия невелика, как самая тонкая струна лиры рождает резкий высокий звук⁹⁸, создающий впечатление своей остроты, так и словесный тон, поднимаясь к высшей точке, производя короткую задержку на вершине и затем ниспадая, создает впечатление, что слово звучит *остро* (или что у него один слог заострѐн). Между прочим, это видно и из удачного латинского перевода: *acutus*, а не *acer*, который означал бы лишь ‘резкий’, но никак не ‘тонкий’, тогда как *acutus* имеет ещё, например, и значение ‘тонкий, остроумный (человек)’ и ‘пронзительная (стужа)’. *Περὶσπωμένῃ* требует одну мору на восхождение к пику и ещё одну на сход с него; оттого толщина этого пика получается равной двум вокалическим морам – одному долгому гласному; отсюда берется идея того, что верхушка слова «закруглена», «не остра, но и не тупа». Латинские переводные термины *flexus*, *inflexus*, *circumflexus* это значение затемняют – как затемняет значение оригинала, например, и другой термин *genitiuus*, которое должно было бы означать не непонятный «родительный» падеж, а вполне логичный «родовой» (*ἡ γενικῆ πᾶσις*) – т.е. падеж определения-принадлежности⁹⁹.

Таким образом, для фонологического разграничения акута и циркумфлекса требуется не только, чтобы ударение было моросчитающим, но и чтобы его вершина занимала одну из *вокалических* мор акцентуемого слога – как в греческом, литовском, ведийском языках. Ни одно из описаний античных грамматиков, рассмотренных мною, этого не подтверждает: наоборот же, описание слияния «частей слова» у Варрона или слогов у Псевдо-Присциана, заявления Сервия о невозможности членить слог на части и т.д. совершенно напротив подтверждают ту мысль, что носителем латинского ударения (или его пика) был слог; и это соображение помимо указанных свидетельств открыто высказывается чуть ли не каждым грамматиком, описывавшим ударение. Эта мысль совершенно естественным образом согласуется и с теми языковыми данными, которые были подробно описа-

⁹⁸ Поэтому и Сергей приводит различные мысли о толщине струн музыкальных инструментов и звуков, извлекаемых ими.

⁹⁹ [Тронский 1996 (1936): 30] Интересно, что Нигидий Фигул пытался модернизировать и этот термин (см. [fr. 9 Funaioli]).

ны во второй части этой работы. Интересно, что И. М. Тронский и другие учёные-«музыкалисты», пытавшиеся увидеть в латинском ударении чистый тон, приписывая акценту несуществующую вокалическую мору, построили свою теорию гораздо более «тональной», чем это сделали античные учёные. А на деле, любое ударение, охватывающее весь слог, требует, как это было наглядно показано не только Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким, но и упоминавшимися выше учёными-физиологами речи, вполне значительного динамического компонента: количество затрачиваемой на произношение силы и «толщина» акцентного пика являются, словно двумя сторонами одной медали – чем выше сила ударения, тем на большее пространство («матрицу») оно распространяется, и наоборот – чем больше величина «матрицы», тем более ярко выраженного динамического компонента в ударении она требует. Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксом: чем больше упоминаний о якобы чисто тональном акценте мы получаем от античных грамматиков, тем более отчётливо проявляется наличие силового компонента в ударении.

Тем не менее, остаётся нерешённым вопрос о тоне и циркумфлексе у римских грамматиков. Следует ли признать эти данные ложными? Очевидно, нет. Выше уже было довольно сказано о взаимосвязи тонального и динамического компонента ударения – мы видели, что имеется огромное число языков, в которых весьма сильный тональный компонент может существовать наряду с фонологически выраженной динамикой ударения, – включая итальянский [Collier 1991] и новогреческий; в известной степени тон присущ и русскому, и немецкому произношению [Златоустова et. al 1997: 319-339; Sommer 1914: 95]. Современный тон итальянского языка – весьма вероятное индоевропейское наследие, полученное от латинского [Sturtevant 1940; см. также с. 166]. Очень вероятно, что латинское ударение содержало в себе значительный тональный компонент; было ли в латинском языке больше тона, чем в современном итальянском, ответить вряд ли удастся, но для различения высоты достаточно было бы и того, что мы имеем сейчас.

У современных преподавателей РКИ (русский как иностранный) существует понятие «фонологического сита», хорошо описанное ещё Н. С. Трубецким [Тру-

бецкой 2000: 57-60]. Суть этого явления заключается в том, что фонемы чужого языка расцениваются слушателем на основании представлений о своём собственном, что приводит к ошибкам в речи. Например, кореец, говорящий по-русски, имеет обыкновение путать звуки [p] и [л] – но не потому, что не может их правильно произнести, а оттого, что в его родном языке они – комбинаторные варианты одной фонемы. В случае с латинским циркумфлексом нам, очевидно, также, придётся говорить о «сите», но не фонологическом, а «просодическом». Если принять, что латинское ударение, имевшее весьма много тона, отличалось характером 'diminuendo' (т.е. резким повышением как тона, так и интенсивности в начале ударного слога и относительно плавным понижением его вслед за пиком [Allen 1969]), то очень вероятно предполагать, что ударение на слоге с кратким гласным должно было заставить первых латинских грамматиков – а ими были преимущественно этнические греки (Кратет, Тираннион и др.), – увидеть в нём проявление акута, тогда как слог с долгим гласным под ударением должен был вызывать неизбежные мысли о циркумфлексе¹⁰⁰. Такое соображение подтверждается и данными Геродиана, у которого латинскому ударению в некоторых заимствованных именах соответствует греческий циркумфлекс, если оно стоит на слоге с долгим гласным: *Σαβῖνα* (*Sabīna*), *Φαυστῖνα* (*Faustīna*), *Ἰουστῖνα* (*Iustīna*), *Κωνσταντῖνα* (*Cōnstantīna*), *Πλωτῖνα* (*Plōtīna*) [Herod. *De prosodia cath.* 3, 1, 258 Lenz], *Ἀντωνῖνα* [Herod. *De orth.* 3, 2, 455 Lenz] (ср. с предлагавшимися римскими грамматиками латинскими «аналогами» *dōs*, *Mūsa* и т.д., также со свидетельством Консенция [K V, 392] об ошибочном облечённом ударении на 3-м от конца слоге в слове *ōrator*). И хотя в латинском

¹⁰⁰ Отзывы некоторых специалистов РКИ («русский как иностранный») свидетельствуют об их знакомстве со сходными явлениями в своей практике. К примеру, русское ударение однозначно воспринимается китайцами как 4-й (нисходящий) тон, что заставляет говорящего по-китайски русского быть осмотрительным, чтобы случайно не сбиться с воспроизведения тонов на ударение, свойственное русскому языку. Так, к примеру, слово 犁 *lí* ('плуг') при некачественном произношении будет воспринято как 立 *lì* ('стоять'), а 文体 *wénti* ('стиль') как 问题 *wènti* ('проблема'). Регулярно встречаются и примеры наложения русских интонационных конструкций (ИК) на китайскую тоновую систему. Например, русский спрашивает у китайца, как по-китайски 'лошадь'. «*mǎ* (马)», – отвечает тот. «*mǎ?*», – переспрашивает русский (ИК-3, вопрос). «Нет, *mǎ* (麻)– это 'конопля'!». (Отдельную благодарность за предоставленные факты я хотел бы выразить здесь А. А. Коростелёвой, преподавателю кафедры РКИ для естественных факультетов МГУ.)

языке за греческими терминами стояли, как мы уже выяснили, не фонологические явления, это не должно было иметь решающего значения, так как и сами римляне по причине того же самого «просодического сита» не должны были замечать серьёзного различия в устройстве латинского и греческого ударений. (Ср. высказывание Квинтилиана [12, 10, 33] выше на с. 225.)

Взгляды первых грамматиков, надо полагать, быстро распространились в Риме, а терминологическая путаница усилилась ещё более благодаря заимствованию описанных выше систем графической разметки текстов – хотя, если задаться вопросом, весьма непросто будет сказать, что́ было принесено вначале, а что́ потом. Наконец, когда в имперские времена традиция постановки ударения распалась, а школьные грамматические нормы, напротив, ужесточились, вопрос о природе ударения запутался окончательно.

Кроме того, не следует забывать и о том, что ударный слог в латинском языке из-за описанных выше (с. 99) причин имел, вероятно, более видное положение, чем в греческом: из приведённых трудов, как относительно поздних грамматиков (тот же Сергей), так и комментария Авла Геллия к Фигулу, мы видим, что за термином *accentus* постепенно закрепляется новое значение ‘просодической вершины’ слова, размывающее исконный смысл термина *προσῳδία*. Так, вполне адекватное выражение Нигидия Фигула *summus tonus* Авл Геллий понимает как *prosodia acuta* – и делает это неправильно, так как последний термин должен означать не ‘тональный пик’, а ‘острый просодический контур (всего) слова’. Конечно, этот термин придумал не сам Авл Геллий: он был скалькирован, как мы уже поняли, с названия соответствующего графического знака, которым обозначалась верхушка тона в греческом и латинском языках.

Итак, получается, что система акцентологических описаний латинского языка представляет собой чрезвычайно сложную контаминацию многочисленных культурно-исторических пластов – теорий стоиков, системы александрийских графических знаков, психологических особенностей восприятия ударения в чужом языке и в своём, особенностей педагогической традиции и т.д. – мы видим, что причины применения греческих «тональных» терминов к латинскому ударе-

нию оказываются несколько более тонкими, чем примитивное «рабское» подражание, предлагавшееся учёными от Ф. Эббота до У. Аллена. Поэтому любой однозначный вывод о том, что латинское ударение по данным такого-то учёного было таким, а не иным, требует гораздо более тщательного анализа, чем это иной раз представляется непосвящённому: в самом деле, надо не перепутать описания графических знаков с описанием явления, понять, идёт ли речь о фонологии или фонетике, о греческом языке или о латинском. Причём с трудностями подобного рода сталкиваемся не только мы – они, как было видно, представлялись таковыми уже и античным людям¹⁰¹. Однако у тех не было ни учёния об исторической фонетике, ни сравнительной акцентологии – наук, в которых излишняя метафизичность терминов и описаний (особенно при отсутствии их реального предмета) способна скорее запутать учёного, нежели наставить его; а для прочих целей римские термины и знаки, если и не идеально подходили, то уж точно никак не мешали. Единственным отрицательным последствием принятия такой системы была некая неудовлетворённость отдельных римских авторов звучанием своего языка, по-своему богатого и красивого, но не соответствовавшего в их понимании греческому речевому эталону: пример этому мы видели у Квинтилиана.

Итак, на поставленные в начале раздела вопросы ответить можно следующим образом:

- 1) Свидетельства античных грамматиков заслуживают доверия, хотя и с известными оговорками;
- 2) Данных античных грамматиков недостаточно для объективного суждения о латинской просодии; лишь комплексный анализ, в котором адекватно учитываются эти данные, помогает нам прийти к объективному результату;
- 3) Причины отдельных расхождений были указаны выше.

¹⁰¹ См. соответствующие места работы о *θέσει μακρά*, о *prosodia acuta* у Геллия, о тонах Сергия.

Заключение

I. Проведённое исследование позволяет говорить об уникальной истории латинской просодической системы и её особом месте как в индоевропейской семье, так и на типологической карте языков мира. Восходящая к индоевропейскому языковому состоянию, латинская просодическая система, как и многие другие, унаследовала от него обе индоевропейские просодические корреляции – кульминативную корреляцию геминации (фонологический вес) и кульминативную мелодическую корреляцию (морвое ударение), выразившиеся двумя типами оппозиций арифметической кратности. Однако если другие языки или стремились к сохранению обоих видов корреляций (как греческий), или даже упразднили корреляцию веса в пользу тонального ударения (как балто-славянские), то итальянские языки ещё в глубокой древности пошли по совсем иному пути, предпочитая мелодической корреляции корреляцию фонологического веса. Если принять теорию Л. Г. Герценберга, то можно утверждать, что первые шаги в этом направлении были сделаны ещё в праиндоевропейский период, когда в слогоморфном языке-предке действовали оба различительных просодических признака – высота тона и ларингализация: одни диалекты избрали «восточный» путь развития с сильно развитыми тональными и придыхательными компонентами, другие – «западный» с меньшим числом серий согласных и более высоким моментом динамики в ударении. В этом смысле итальянская просодическая система отличается глубокой архаичностью и её сопоставления с системами таких индоевропейских языков, как греческий или ведийский, будут корректными лишь отчасти, тогда как с просодией арабского языка (для которой актуальны многие из тех же проблем, что и для латинской) она обнаруживает известные сходства.

II. При всей архаичности итальянской просодии многочисленные культурно-исторические перипетии привели к тому, что за свою долгую историю она под-

верглась ряду изменений, многие из которых можно называть кардинальными. Они предопределили и характер латинского ударения классической эпохи, его место и ритмическую роль в слове. Поэтому, помимо указанной выше общей тенденции латинской просодии к усилению динамизма за счёт постепенного упразднения вокалических мор, к особенностям латинского ударения следует отнести:

- 1) *его диахроническую мобильность и изменчивость* – быстрый переход от свободного (пра)италийского ударения к делимитативному силовому на первом слоге в эпоху начальной интенсивности, последующий перенос его на позицию 2/3 слога с заменой делимитативной функции на кульминативную и, наконец, его преобразование в ударение, ставящееся по традиции (без опоры на метрические правила), явившееся его последним состоянием и фактически просуществовавшее до наших дней в итальянском языке.
- 2) *его специфический тип*, который можно считать восходящим к ритмическим явлениям второго порядка, – т.е. существующий как функция от общей моровой корреляции в слове;
- 3) *его позицию* как место некоего ритмического перелома между предударной и заударной частями слова; последнее определяет величину (в морях) его отнесения от конца слова;
- 4) *его функцию в слове* как точку соединения некульминативной корреляции геминации и кульминативной корреляции интенсивности.

Для эпохи III-II вв. до Р. Х. (начиная со времени действия правила 2/3 слога) следует говорить, что латинский язык отличался ударением динамического характера с заметным тональным компонентом, место которого определялось счётом мор, но которое приходилось на весь слог сразу. Невозможность фонологически значимого тонального перепада объясняется из окончательной утраты вокаличе-

ских мор, произошедшей ещё до этого в эпоху начальной интенсивности под действием делимитативного ударения на первом слоге. С начала I в. до Р.Х. правило 2/3 слога перестаёт действовать и ударение начинает ставиться по традиции.

При этом отмеченные особенности позволяют с уверенностью говорить, что реконструируемое динамическое ударение не находится в противоречии со структурой латинской стихотворной системы: будучи ритмическим явлением второго порядка, оно было неспособно вызывать нарушения стиха, тогда как некульминативная корреляция геминации, являвшаяся основой ритмики латинского слова и своеобразным фундаментом для ударения, было одновременно главным и единственным фактором построения стихотворного ритма.

III. Началом постепенного разрушения латинской просодической системы, следует признать, вероятно, уже первую четверть I в. до Р. Х., когда латинское ударение перестало подчиняться правилам 2/3 слога и перешло к постановке по традиции. Дальнейшие изменения, которым стала подвергаться просодия латинского языка, следует, скорее, рассматривать не как разрушительное воздействие усиливавшегося динамизма ударения, но как самостоятельный ритмический процесс, связанный с постепенной утратой уже второй моровой корреляции – фонологического веса; этот процесс, стремительно произошедший в III в. по Р.Х., фактически уничтожил латинское метрическое стихосложение. Тем не менее противопоставления по фонологической долготе/краткости (связанные акустически ещё и с противопоставлениями по тембру) существовали ещё какое-то время в условиях безморовой корреляции, постепенно уходя сначала из безударных, а потом и из ударной позиции.

IV. Особым и чрезвычайно важным вопросом при реконструкции латинского ударения оказывается истолкование античных грамматических трактатов и описаний отдельных просодических явлений, сделанных древнеримскими авторами. Проведённое исследование показало, что эти тексты невозможно интерпретировать в отрыве от как от античных культурных реалий, так и философских тео-

рий, оказавших особое влияние на формирование исследуемых грамматических теорий. В частности, специфической проблемой представляется разграничение у древних теоретиков терминов для графического знака и соответствующего ему реального языкового явления, что зачастую попросту игнорируется современными исследователями. При этом понимание отдельных «описаний» ударения как инструкции по расстановке таких графических обозначений (а не как отображение реальных фактов языка) позволяет избежать очень многих кажущихся недоразумений. Те же сведения, которые представляют собой бесспорные описания прощических явлений латинского языка, как удалось установить, всё равно не только не противоречат данным реконструкции, но и находят совершенно логичное объяснение, если к ним применить теорию «фонологического сита», восходящую ещё к наблюдениям Н. С. Трубецкого. Так или иначе, данные античных грамматиков об ударении следует признать заслуживающими доверия современной науки. К их особенностям следует отнести:

- 1) чёткую системную организацию, ориентированную, однако, не столько на факты языка, сколько на принятую теорию;
- 2) главенство предписывающей функции над описывающей, характерное для античной науки позднего периода;
- 3) теснейшая связь учения об ударении с общим учением о звуках и буквах и породившими его философскими теориями.
- 4) многочисленные несоответствия между отдельными грамматическими описаниями, связанные как с многообразием источников более раннего периода, так и постепенным расшатыванием языковой нормы в поздний период.

V. Такие особенности ударения в латинском языке требуют принятия иного понимания природы латинских слогов, основанном на особых комбинаторных взаимодействиях силлабических и вокалических мор слогов, имевших место в различные эпохи, тогда как «количественные» (в традиционном понимании) соотно-

шения слогов следует во многом считать условными. Эта теория требует и в общем случае более строгого разграничения моровых отношений, наблюдаемых как в диахронической, так и в типологической перспективе. В частности, предлагаемые уточнения к моровой теории позволяют построить для древнегреческого языка более компактный способ описания ударения, а для латинского – лучше описать ещё и такие явления, как редукцию, провести ряд типологических сопоставлений, по-новому объяснить феномен циркумфлекса у античных грамматиков.

* * *

Мы видим, что изучение латинского ударения связано не только с чисто теоретическими проблемами, но и помогает объяснить и восстановить те факты языка, которые не находили до сих пор удовлетворительного объяснения иными способами. Более того, оно находится в неразрывной связи и с вопросами общего характера, такими как стихосложение, развитие индоевропейских языков, проблемы античной грамматической науки и многими другими. Исследование просодии классических языков представляет, очевидно, одну из приоритетнейших задач современной классической филологии и лингвистической науки. Особенности просодии и интонации латинского слова, предложения и стиха, их структуры и ритмики, несомненно, должны стать составной частью проблематики дальнейших исследований.

Библиография

I. FONTES

Основные грамматические источники:

Grammatici Latini ex recensione Henrici Kelii:

1. 1856 = Vol. 1, Fasc. 1. = Flavii Sosipatri Charisii Artis Grammaticae libri V.
2. 1857 = Vol. 1, Fasc. 2. = Diomedis Artis Grammaticae libri III ex Charisii Arte Gramatica excerpta.
3. 1858 = Vol. 2, Fasc. 1-2 = Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum Grammaticarum libri XVIII ex recensione Martini Hertzii. Vol. 1. Libri I-XII.
4. 1859 = Vol. 3, Fasc. 1. = Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum Grammaticarum libri XVIII ex recensione Martini Hertzii. Vol. 2. Libri XIII-XVIII.
5. 1860 = Vol. 3, Fasc. 2. = Prisciani grammatici Caesariensis opuscula: Continet opuscula Prisciani: De figuris numerorum, De metris Terentii, De praeexercitamentis rhetoricis libri, Institutio de nomine et pronomine et verbo, Partitiones duodecim versuum Aeneidos principalium. Accedit Prisciani qui dicitur liber De accentibus.
6. 1862 = Vol. 4, Fasc. 1. = Probi Catholica, Instituta artium, De nomine excerpta, De ultimis syllabis ad Caelestinum. Notarum laterculi / ed.Th. Mommsen.
7. 1864 = Vol. 4, Fasc. 2. = Donati Ars Grammatica. Marii Servii Honorati Commentarius in artem Donati, De finalibus, De centum metris, De metris Horatianis. Sergii opuscula: Continet opuscula Sergii: De littera, De syllaba, De pedibus, De accentibus, De distinctione commentarius, Explicationes in artem Donati, De idiomatibus.
8. 1867 = Vol. 5, Fasc. 1. = Cledonii Ars, Pompeii comment. Artis Donati, Iuliani excerpta ex commentariis in Donatum.
9. 1868 = Vol. 5, Fasc. 2. = Consentius, Phocas, Eutyches, Augustinus, Palaemon, Asper, De nomine et pronomine fragmentum Bobiense, De dubiis nominibus, Macrobbii excerpta.
10. 1871 = Vol. 6, Fasc. 1. = Scriptores artis metricae: Marius Victorinus, Maximus Victorinus, Caesius Bassus, Atilius Fortunatianus.
11. 1874 = Vol. 6, Fasc. 2. = Scriptores artis metricae: Terentianus Maurus, Marius Plotius Sacerdos, Rufinus, Mallius Theodorus, Fragmenta et excerpta metrica: continet fragmenta Bobiensia: De versibus, De finalibus syllabis, De metris, De structuris.
12. 1878 = Vol. 7, Fasc. 1. = Scriptores de orthographia: Terentius Scaurus, Velius Longus, Caper, Agroecius, Cassiodorus, Martyrius, Beda, Albinus .
13. 1880 = Vol. 7, Fasc. 2. = Scriptores de orthographia: Audacis de Scauri et Palladii libris excerpta, Dosithei Ars Grammatica, Arusiani Messii Exempla elocutionum, Cornelii Frontonis liber De differentiis, fragmenta grammatica. Index scriptorum continet fragmenta Bobiensia: De accentibus, De littera, De nomine, De propriis nominibus, In varios Vergilii, Horatii, Lucani, Iuvenalis, Sallustii locos
14. Grammaticae Romanae fragmenta. Ed. G. Funaioli. Stuttgartiae, 1903.
15. Grammaticae Romanae fragmenta aetatis Caesareae. Ed. A. Mazzarino. In aed. Loescheri, 1955.

Прочие тексты:

16. Ammonius. In Aristotelis librum de interpretatione commentarius, ed. A. Busse // *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Berlin, 1897.
17. Aristoteles. *Topica*, ed. W. D. Ross // *Aristotelis topica et sophistici elenchi*. Oxford, 1958.
18. Cicero. *De Archia poeta* // *M. Tulli Ciceronis Orationes*. Vol. 6, ed. A. C. Clark. Oxford, 1911.
19. Cicero. *De Oratore* // *M. Tulli Ciceronis Rhetorica*. Vol.1, ed. A. S. Wilkins. Oxford, 1902.
20. Cicero. *Lucullus* // *M. Tulli Ciceronis Scripta Quae Manserunt Omnia*. Fasc. 42, ed. O. Plasberg. Leipzig, 1922.
21. Democritus. *Fragmenta*, ed. H. Diels and W. Kranz, // *Die Fragmente der Vorsokratiker*, vol. 2. Berlin, 1952.
22. Demosthenes. *Contra Phormionem* // *Demosthenis orationes*, ed. W. Rennie. Vol. 2.2. Oxford, 1921.
23. Diodorus Siculus. *Bibliotheca historica* (lib. 1-20), ed. F. Vogel and K.T. Fischer (post I. Bekker & L. Dindorf). Leipzig, 1888-1906.
24. Diogenes Laertius. *Vitae philosophorum*, ed. C. G. Cobet. Paris, 1862 // Lat. transl.
25. Diogenes Laertius. *Vitae philosophorum*, ed. H.S. Long, *Diogenis Laertii vitae philosophorum*, 2 vols. Oxford, 1964 (repr. 1966).
26. Ennius. *Annales* = *The Annals of Q. Ennius*, ed. O. Skutsch. Oxford, 1985.
27. Figulus = Swoboda A. P. *Nigidii Figuli operum reliquiae*. Wien, 1889.
28. Gellius // *A. Gelli Noctes Atticae*. Vols. 1-2, ed. K. Marshall. Oxford, 1968.
29. Gorgias. *Fragmenta*, ed. H. Diels and W. Kranz // *Die Fragmente der Vorsokratiker*, vol. 2, 6th edn. Berlin, 1952.
30. Herodotus. *Historiae*, ed. Ph.-E. Legrand, *Hérodote. Histoires*, 9 vols. 3rd edn. Paris, 1960.
31. Homerus // *Homeri Ilias*, ed. T. W. Allen. Oxford, 1931
32. Iamblichus. *De vita Pythagorica*, ed. U. Klein (post L. Deubner), *Iamblichi de vita Pythagorica liber*. Leipzig, 1937 (repr. Stuttgart: 1975).
33. Lentz // *Grammatici Graeci* ed. A. Lentz. Leipzig: 1867 (repr. Hildesheim, 1965).
34. Plautus // *Plauti Comoediae*, ed. F. Leo. Berlin, 1895.
35. Quintilianus // *M. Fabi Quintiliani Institutionis Oratoriae Libri Duodecim*. Vols. 1-2, ed. M. Winterbottom. Oxford, 1970.
36. *Rhetores Latini Minores*, ed. K. Halm. Leipzig, 1863.
37. Sextus Empiricus. *Adversus mathematicos*, ed. H. Mutschmann and J. Mau // *Sexti Empirici opera*, vols. 2 & 3 (2nd edn.). Leipzig, 1914.
38. SVF // *Stoicorum veterum fragmenta*, ed. J. von Arnim. Leipzig, 1903.
39. Terentius // *P. Terenti Afri Comoediae*, ed. R. Kauer; W. M. Lindsay; O. Skutsch. Oxford, 1958.
40. Vitruvius Pollio. *De Architectura*, ed. F. Krohn. Leipzig, 1912.
41. Vergilius // *P. Vergili Maronis Opera*, ed. R. A. B. Mynors. Oxford, 1972.

II. OPERA CITATA

На русском языке:

1. Бенвенист 1956 – Бенвенист, Э. *Индоевропейское именное словообразование*. М., 1956.
2. Блинов 1996 – Блинов, А. *Общение. Звуки. Смысл*. М., 1996.
3. Богомолов 1985 – Богомолов, А. С. *Античная философия*. М., 1985.
4. Бурсье 2004 – Бурсье, Э. *Основы романского языкознания*. М., 2004.
5. Гамкрелидзе & Иванов 1984 – Гамкрелидзе, Т. В. Иванов, В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тб., 1984.
6. Гаспаров 1968 – Гаспаров, М. Л. *Русский трёхударный дольник XX в // Теория стиха*. Л., 1968.
7. Гаспаров 1974 – Гаспаров, М. Л. *Современный русский стих: метрика и ритмика*. М., 1974.
8. Гаспаров 1995 – Гаспаров, М. Л. *Избранные статьи. (О стихе. О стихах. О поэтах)*. М., 1995.
9. Гаспаров 2000 – Гаспаров, М. Л. *Поэзия и проза – поэтика и риторика // Об античной поэзии*. М., 2000.
10. Герценберг 1981 – Герценберг, Л. Г. *Вопросы реконструкции индоевропейской просодики*. Л., 1981.
11. Герценберг 1982 – Герценберг, Л. Г. *О следах индоевропейской просодики в латинском // Вопросы языкознания 5 (1982)*.
12. Дыбо 1961 – Дыбо, В. А. *Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской акцентуации. // Вопросы славянского языкознания*. М., 1961.
13. Дыбо 1963 – Дыбо В. А. *Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии // Балтославянские исследования*. М., 1963.
14. Дыбо 1973 – Дыбо, В. А. *Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. // Кузнецовские чтения*. М., 1973.
15. Дыбо 2003 – Дыбо, В. А. *Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянские языки. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации*. М., 2003: 131-162.
16. Дынников & Лопатина 1998 – Дынников, А. Н. Лопатина, М. Г. *Народная латынь*. М., 1998.
17. Зелинский 1997 – Зелинский, Ф. Ф. *Древний мир и мы*. СПб., 1997 // в ней: "Древний мир и мы". "Характер античной религии в сравнении с христианской".
18. Златоустова & Лавриченко 1996 – Златоустова, Л. В. Лавриченко, Н. В. *Ритм. Синтаксис. Интонация // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика*. М., 1996: 89-99.
19. Златоустова et al. 1997 – Златоустова, Л. В. и др. *Общая и прикладная фонетика*. М., 1997.
20. Иллич-Свитыч 1959 – Иллич-Свитыч, В. *О некоторых рефлексах и.-е. «ларингальных» в праславянском. // Вопросы языкознания 1 (1959)*.
21. Карасёва 1987 – Карасёва, Т. А. *Историческая фонетика латинского языка*. М., 1987.
22. Карасёва 2000 – Карасёва Т. А. *Латинское ударение и Ф. Ф. Фортунатов // Colloquia classica et indoeuropeica II. Классическая филология и индоевропейское языкознание*. СПб, 2000.
23. Касевич 1997 – Касевич, В. Б. *Типологический взгляд на древнегреческое ударение // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сб. статей по материалам чтений, посвящённых памяти И. М. Тронского*. СПб, 1997.
24. Касевич 1998 – Касевич, В. Б. *Акцентология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. 2-е изд. М., 1998.
25. Красухин 2004 – Красухин, К. Г. *Аспекты индоевропейской реконструкции*. М., 2004.

26. Кузнецов (в рук.).– Кузнецов, А. Е. Введение в латинскую метрику (в рукописи).
27. Кузнецов 1997 – «Закон редукции» // Мирошенкова, В. И. Фёдоров, Н. А. *Учебник латинского языка*. М., 1997: 17-18.
28. Лепская 1997 – Лепская, Н. И. *Язык ребёнка. (Онтогенез речевой коммуникации)*. М., 1997.
29. Лосев 1970 – Лосев, А. Ф. Стоицизм. // *Философская энциклопедия*. М., 1970.
30. Лосев 1979 – Лосев, А. Ф. *История античной эстетики. Ранний эллинизм*. М., 1979.
31. Лубоцкий 1991 – Лубоцкий, А. Ведийская именная акцентуация и проблема индоевропейских тонов. // *Вопросы языкознания* 1 (1991).
32. Мажуга 1998_а – Мажуга, В. И. Когда жил и творил грамматик Диомед? // *Hyperboreus*, vol. 4, fasc. 1 (1998).
33. Мажуга 1998_б – Мажуга, В. И. О труде грамматика Фоки *Ars de nomine et verbo* как источнике учебника Диомеда и о творческом методе Диомеда // *Классические языки и индоевропейское языкознание. Сб. статей по материалам чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения профессора И. М. Тронского*. СПб, 1998.
34. Мажуга 2000 – Мажуга, В. И. Диомед и Харизий о лексической норме // *Colloquia classica et indoeuropeica II. Классическая филология и индоевропейское языкознание*. СПб, 2000.
35. Мейе 1938 – Мейе, А. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М.-Л., 1938.
36. Нахтигал 1963 – Нахтигал, Р. *Славянские языки*. М., 1963.
37. Нидерман 2001 – Нидерман, М. *Историческая фонетика латинского языка*. М., 2001.
38. Николаева 1996 – Николаева, Т. М. *Просодия Балкан*. М., 1996.
39. Откупщиков 1967 – Откупщиков, Ю. В. *Из истории индоевропейского словообразования*. Л., 1967.
40. Откупщиков 2001 – Откупщиков, Ю. В. О склонности латинского языка к чётному числу мор // *Opera philologica minora*. СПб, 2001.
41. Панфилов 1973 – Панфилов, Е. Д. *Фонологические слогги классической латыни (Исследование списка)*. Ч. 1. *Односложные словоформы*. Л., 1973.
42. Петровский 1957 – Петровский Ф. А. *Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве*. // *Аристотель. Об искусстве поэзии*. М., 1957.
43. Ранке 1903 – Ранке, И. *Человек*. Пер. с нем. СПб, 1903.
44. Савченко 1974 – Савченко, А. Н. *Сравнительная грамматика индоевропейских языков*. М, 1974.
45. Семереньи 1980 – Семереньи, О. *Введение в сравнительное языкознание*. М., 1980.
46. Степанов 1966 – Степанов, Ю. С. *Основы языкознания*. М., 1966.
47. Степанов 1997 – Степанов, Ю. С. Непарадигматические передвижения ударения в индоевропейском // *Вопросы языкознания* 4 (1997): 5-26.
48. Томашевский 1929 – Томашевский, Б. В. *О стихе*. Л., 1929.
49. Тронский (Троцкий) 1996 (= 1936) – Троцкий, И. М. Проблема языка в античной науке // *Античные теории языка и стиля*. СПб., 1996: 9-32.
50. Тронский 1951 – Тронский, И. М. К вопросу о латинском ударении. // *Памяти академика Льва Владимировича Щербы*. Л., 1951
51. Тронский 1953 – Тронский, И. М. *Очерки из истории латинского языка*. М.-Л., 1953.
52. Тронский 1962 – Тронский, И. М. *Древнегреческое ударение*. М.-Л., 1962.
53. Тронский 1966 – Тронский, И. М. К вопросу о месте древнегреческого ударения // *Язык и стиль античных писателей*. Л., 1966.
54. Тронский 2001 – Тронский, И. М. *Историческая грамматика латинского языка*. 2-е изд. М., 2001 (1-е изд.: М.-Л., 1960).
55. Трубецкой 2000 – Трубецкой, Н. С. *Основы фонологии*. 2-е изд. М., 2000.
56. Фортунатов 1895 – Фортунатов, Ф. Ф. Об ударении и долготе в балтийских языках // *Русский филологический вестник* 38 (1895): 252-297.
57. Шагаль et al. 1983 – Шагаль, В. Э. Мерекин, М. Н. Забиров, Ф. С. *Арабский язык*. М., 1983.
58. Широков 1983 – Широков, О. С. *История греческого языка*. М., 1983.
59. Широкова 1995 – Широкова, А. В. *От латыни к романским языкам*. М., 1995.

60. Якобсон 1985 – Якобсон, Р. О. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985.

На иностранных языках:

61. Abbot 1902 – Abbot, Frank Frost. The Accent in Vulgar and Formal Latin // *Classical Philology*, 2 (1902), 444-460.
62. Allen 1964 – Allen, W. S. On Quantity and Quantitative Verse. // *In Honour of Daniel Johnes*: 3-15. London, 1964.
63. Allen 1965 – Allen, W. S. *Vox Latina. A Guide to the Pronunciation of Classical Latin*. Cambridge, 1965.
64. Allen 1969 – Allen, W. S. The Latin Accent: a Restatement. // *Journal of Linguistics*, 5 (1969): 193-203.
65. Allen 1973 – Allen, W. S. *Accent and Rhyme*. Cambridge University Press, 1973.
66. Baldi 1999 – Baldi, P. *The Foundations of Latin*. Berlin – N.Y., 1999.
67. Barker 1964 – Barker, M. A. R. *Klamath Grammar*. Berkeley, 1964.
68. Barth 1946 – Barth, P. *Die Stoa*. 6 Auf. Stuttgart, 1946.
69. Bell 1970 – Bell, A. E. *A State Process Approach to Syllabicity and Syllable Structure*. Ph.D. Dissertation. Stanford, 1970.
70. Bennett 1898 – Bennett, Ch. E. What Was Ictus in Latin Prosody // *American Journal of Philology* 19 (1898), 361-383.
71. Bentleius 1846 – Bentleius, R. De metris Terentianis $\sigma\chi\epsilon\delta\acute{\iota}\alpha\sigma\mu\alpha$ // *P. Terenti Afri Comoediae*. rec. R. Bentleius. Parisiis – Kiliae, 1846: XXXIV-LII.
72. Boldrini 1988 – Boldrini, S. 'Correptio iambica', sequenze di brevi, norme metriche // *Metrica classica e linguistica*. Atti del colloquio, Urbino 3-6 ottobre 1988.
73. Borg 1973 – Borg, A. The Segmental Phonemes of Maltese // *Linguistics* 109 (1973). P. 5.
74. Bright 1957 – Bright, A. *The Karok Language*. Berkeley, 1957.
75. Bright 1965 – Bright, W. Luiseño phonemics // *International Journal of American Linguistics* 31 (1965). P. 342.
76. Buck 1904 – Buck, C. D. *A Grammar of Oscan and Umbrian*. Boston, 1904.
77. Capell et al. 1970 – Capell, A. Hinch, H. E. *Maung Grammar*. The Hague, 1970.
78. Cavenaile 1958 – Cavenaile, R. *Corpus papyrorum Latinarum*. Wiesbaden, 1958.
79. Chomsky & Halle 1968 – Chomsky, N. & Halle, M. *The Sound Pattern of English*. NY, 1968.
80. Collier 1991 – Collier, R. Multilanguage intonation synthesis // *Journal of Phonetics* 19 (1991). P. 61.
81. Davies 1969 – Davies, P. V. *Macrobius, The Saturnalia*. N. Y., 1969.
82. della Casa 1962 – della Casa, A. *Nigidio Figulo*. Roma, 1962.
83. Devine & Stephens 1980 – Devine, A. M. Stephens, L. D. Latin Prosody and Meter: Brevis Brevians // *Classical Philology*. Vol. 75, 2 (April 1980), 142-157.
84. Devine & Stephens 1981 – Devine, A. M. Stephens, L. D. A New Aspect of the Evolution of the Trimeter in Euripides // *TAPA* 111 (1981), 43-64.
85. Devine & Stephens 1982 – Devine, A. M. Stephens, L. D. Towards a New Theory of Greek Prosody: The Suprasyllabic Rules // *TAPA* 112 (1982), 33-63.
86. Devine & Stephens 1985 – Devine, A. M. Stephens, L. D. Stress in Greek? // *TAPA* 115 (1985), 125-152.
87. Devine & Stephens 1993 – Devine, A. M. Stephens, L. D. Evidence from Experimental Psychology for the Rhythm and Metre of Greek Verse // *TAPA* 123 (1993), 379-403.
88. Devine & Stephens 1994 – Devine, A. M. Stephens, L. D. *The Prosody of Greek Speech*. Oxford, 1994.
89. Dihle 1954 – Dihle, A. Die Anfänge der griechischen akzentuirenden Verskunst // *Hermes* 82 (1954): 182-199.
90. Drexler 1964 – Drexler, H. Prokeleusmatische Wörter bei Plautus und Terenz // *Bollettino del Comitato per la preparazione della edizione nazionale dei classici greci e latini*. Fasc XII (1964): 3-32.

91. Eliason & Davis 1939 – Eliason, N. E. & Davis, R. C. The Effect of Stress upon Quantity in Dissyllables: An Experimental and Historical Study // *Indiana University Publishers, Science Ser.* #8. Bloomington, 1939.
92. Essens et al. 1985 – Essens, P. J. Povel, D.-J. Metrical and Nonmetrical Representation of Temporal Patterns // *Perceptions and Psychophysics* 37 (1985), 1-7.
93. Fraenkel 1928 – Fraenkel, E. *Iktus und Akzent im lateinischen Sprechverse*. Berlin, 1928.
94. Fraise 1946 – Fraise, P. Movements rythmiques et arythmiques // *L'Année Psychologiques* 47-48 (1946-1947).
95. Fraise 1956 – Fraise, P. *Les structures rythmiques: Étude psychologique*. Louvain, 1956.
96. Fuchs 1849 – Fuchs, A. *Die romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen*. Halle, 1849.
97. Goetz – Goetz G. *Corpus Glossariorum Latinarum*. Leipzig, 1889-1923.
98. Goldsmith 1976 – Goldsmith, J. An overview of autosegmental phonology // *Linguistic Analyses* 2 (1976): 23-68.
99. Goldsmith 1990 – Goldsmith, J. *Autosegmental and Metrical Phonology*. Oxford, 1990.
100. Grice 1989 – Grice, P. *Meaning*. London, 1989.
101. Hadley 1869-1870 – Hadley, J. On the Nature and Theory of the Greek Accent // *TAPA* 1 (1869), 2 (1870).
102. Han 1962 – Han, M. S. *Japanese Phonology*. Tokyo, 1962.
103. Harkness 1907 – Harkness, A. G. The Relation of the Accent to the Pyrrhic Latin Verse // *Classical Philology* 2 (1907), 51-78.
104. Harkness 1908 – Harkness, A. G. The Word-Group Accent in Latin Hexameter // *Classical Philology* 3 (1908), 39-58.
105. Hayes 1981 – Hayes, B. A. *Metrical Theory of Stress Rules*. Bloomington, 1981.
106. Hiersche 1957 – Hiersche, R. Herkunft und Sinn des Terminus «positione longa». *Forschungen und Fortschritte* 31 (1957).
107. Hoequist 1983 – Hoequist, C. E. Syllable Duration in Stress-, Syllable- and Mora-Timed Languages // *Phonetica* 40 (1983).
108. Hoequist 1985 – Hoequist, C. E. *A Comparative Study of Linguistic Rhythm*. Ph.D. Dissertation, Yale University, 1985.
109. Holm 2000 – Holm, H. The New Approach to the Glottochronology: The Separation Base Method. // *Journal of Quantitative Linguistics* 4 (2000).
110. Hoshiko 1960 – Hoshiko, M. S. Sequence of Action of Breathing Muscles during Speech // *Journal of Speech and Hearing Research*, #3. P. 291.
111. Hyman 1977 – Hyman, L. M. On the Nature of Linguistic Stress // *Studies in Stress and Accent*, ed. L. M. Hyman. LA, 1977.
112. Hyman 1985 – Hyman L. M. *A Theory of Phonological Weight*. Dordrecht, 1985.
113. Ingram 1978 – Ingram, D. The Role of Syllable in Phonological Development // *Syllables and Segments*, ed. A. Bell and J. B. Hooper. Amsterdam, 1978.
114. Jakobson 1931 – Jakobson, R. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie // *TCLP* 4 (1931).
115. Jakobson 1937/1962 – Jakobson, R. On ancient Greek prosody (1937) // *Selected Writings*. Vol 1. Phonological Studies. 's-Gravenhage, 1962.
116. Jespersen 1904 – Jespersen, O. *Lehrbuch der Phonetik*. Leipzig, 1904.
117. Juret 1921 – Juret, A.-C. *Manuel de phonétique latine*. Paris, 1921.
118. Juret 1938 – Juret, A.-C. *La phonétique latine*. Paris, 1938.
119. Kaster 1988 – Kaster, R. A. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley, 1988.
120. Keele & Ivry 1987 – Keele, S. W. Ivry, R. I. Modular Analysis of Timing in Motor Skill // *The Psychology of Learning and Motivation* 21 (1987): 183-228.
121. Kent 1946 – Kent, R. G. *The Sounds of Latin*. Baltimore, 1946.
122. Kiss 1972 – Kiss, S. Les transformations de la structure syllabique en latin tardif // *Studia Romanica Universitatis Debrecensis de Ludovico Kossuth nominatae / Series linguistica*. Fasc. II, 1972.

123. Kortlandt 1986 – Kortlandt, F. H. Proto-Indo-European Tones. // *Journal of Indo-European Studies* 5 (1986): 141-142.
124. Koster 1936 – Koster, W. J. W. *Traité de métrique grécque*. Leyde, 1936.
125. Kuryłowicz 1958 – Kuryłowicz, J. *L'accentuation des langues Indoeuropéennes*. Krakow, 1958.
126. Ladefoged et al. 1958 – Ladefoged, P. Draper, M. H., Whitteridge, D. Syllables and Stress. // *Miscellanea Phonetica* 3 (1958): 1-14.
127. Laidlaw 1938 – Laidlaw, W. A. *The Prosody of Terence. A Relational Study*. Oxford, 1938.
128. Larsen et al. 1949 – Larsen, R. S. Pike, E. V. Huasteco Intonations and Phonemes // *Language* 25 (1949). P. 268.
129. Lehiste & Ivič 1978 – Lehiste, I. Ivič, P. Interrelationship between Word Tone and Sentence Intonation in Serbocroatian // *Elements of Tone, Stress and Intonation*. Washington, 1978. P. 100.
130. Leo 1895 – Leo, F. *Plautinische Forschungen*. Berlin, 1895.
131. Leppermann 1890 – Leppermann, H. *De correptione vocabulorum iambicorum, quae apud Plautum in senariis atque septenariis iambicis ac trochaicis invenitur*. Münster, 1890
132. Leumann & Hofmann 1963 – Lateinische Grammatik von M. Leumann und J. Hofmann. *Erster Band: Lateinische Laut- und Formenlehre*. München, 1963.
133. Lindsay 1922 – Lindsay, W. M. *Early Latin Verse*. Oxford, 1922.
134. Luick 1898 – Luick, K. Die Quantitätsveränderungen im Laufe der englischen Sprachentwicklung // *Anglia* 20 (1898). P. 335.
135. Mańczak 1968 – Mańczak, W. Iambenkürzung im Lateinischen // *Glotta* 46 (1968), 137-143.
136. McCarthy & Prince 1995 – McCarty, J. Prince, A. Faithfulness and Reduplicative Identity // *Papers in Optimality Theory*. UMass., 1995: 249-384.
137. McCarthy & Prince 1998 – McCarty, J. Prince, A. Prosodic Morphology // *Handbook of Morphology*, ed. by A. Spencer and A. Zwicky. Oxford, 1998: 283-305.
138. Meillet & Vendryès 1948 – Meillet, A. Vendryès, J. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris, 1948.
139. Nagano-Madsen 1988 – Nagano-Madsen, Y. Phonetic Reality of the Mora in Eskimo // *Working Papers in General Linguistics and Phonetics, Lund university* 34 (1988). P. 79.
140. Nagano-Madsen 1990 – Nagano-Madsen, Y. Quantity Manifestation and Mora in West Greenlandic Eskimo: Preliminary Analysis // *Working Papers in General Linguistics and Phonetics, Lund university* 36 (1990). P. 123.
141. Niedermann 1945 – Niedermann, M. *Précis de phonétique historique du latin*. Paris, 1945.
142. OCD 2000 – Oxford Classical Dictionary 3rd ed. 1996-2000.
143. Ogden & Richards 1930 – Ogden, C. A., Richards, I. A. *The Meaning of Meaning*. London, 1930.
144. Oller 1980 – Oller, D. K. The Emergence of the Sounds of Speech in Infancy // *Child Phonology* I. NY, 1980.
145. Pence 1966 – Pence, A. Kunimaipa Phonology: Hierarchical Levels // *Pacific Linguistics* 1966. P. 49.
146. Port et al. 1987 – Port, R. F. Dalby, J. O'Dell, M. Evidence for Mora Timing in Japanese // *Journal of the Acoustical Society of America* 84 (1987). P. 1574.
147. Pulgram 1970 – Pulgram, E. *Syllable. Word. Nexus. Cursus*. The Hague, 1970.
148. Pulgram 1975 – Pulgram, E. *Latin-Romance Phonology: Prosody and Metrics*. Ars Grammatica vol. 4. München, 1975.
149. Radford 1904 – Radford, R. S. On the Recession of Latin Accent in Connection with Monosyllabic Words // *American Journal of Philology* 25 (1904): 147-162, 256-273, 406-427.
150. Radford 1906 – Radford, R. S. The Prosody of Ille // *American Journal of Philology* 27 (1906): 418-437; 28 (1907) 11-33.
151. Radford 1908 – Radford, R. S. Notes on Latin Synizesis // *Classical Philology* 3 (1908), 153-168.
152. Rawson 1985 – Rawson, E. *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. Baltimore, 1985.
153. Schiffman & Bobko 1974 – Schiffman, H. R. Bobko, D. J. Effects of Stimulus Complexity on the Perception of Brief Temporal Intervals // *Journal of Experimental Psychology* 103 (1974). P. 156.

154. Schiffman & Bobko 1977 – Schiffman, H. R. Bobko, D. J. The Role of Number and Familiarity of Stimuli in the Perception of Brief Temporal Intervals // *American Journal of Psychology* 90 (1977). P. 85.
155. Schmitt 1924 – Schmitt, A. *Untersuchungen zur allgemeinen Akzentlehre*. Heidelberg, 1924.
156. Schmitt 1935 – Schmitt, A. Zum Verständnis der Positionslänge // *Glotta* 23 (1935).
157. Schoell 1876 – Schoell, F. *De accentu linguae Latinae* // *Acta societatis philologiae Lipsiensis*. Lipsiae, 1876.
158. Sievers 1901 – Sievers, E. *Grundzüge der Phonetik*. Leipzig, 1901.
159. Sihler – Sihler, A. L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. N.-Y. – Oxford, 1995.
160. Sköld 1927 – Sköld, H. Zur Akzentzurückziehung auf Akutsilben // *Zeitschrift für Slavische Philologie* 4 (1927).
161. Skutch 1892 – Skutch, F. *Forshungen zur lateinischen Grammatik und Metrik*, 1892.
162. Smith 1991 – Smith, C. L. The Timing of Vowel and Consonant Gestures in Italian and Japanese // *Proceedings of the XIIth International Congress of Phonetic Sciences*. Vol. IV. P. 234.
163. Sommer 1914 – Sommer, F. *Lateinische Laut- und Formenlehre*. Heideilberg, 1914.
164. Стойков 2002 – Стойков, С. *Българска диалектология*. София, 2002.
165. Stetson – Stetson R. H. *Motor Phonetics*. Amsterdam (North-Holland), 1951.
166. Stolz 1894 – *Historische Grammatik der Lateinischen Sprache*. Vol. 1. 1894. Рецензия М. М. Покровского: *Журнал министерства народного просвещения* №4, 1907.
167. Sturtevant 1919_a – Sturtevant E. H. The Coincidence of Accent and Ictus in Plautus and Terence // *Classical Philology* 14 (1919), 373-85.
168. Sturtevant 1919_b – Sturtevant E. H. The Coincidence of Accent and Ictus in the Roman Dactylic Poets // *Classical Philology* 14 (1919), 234-244.
169. Sturtevant 1921 – Sturtevant E. H. The Character of Latin Accent. // *TAPA* 52 (1921), 5-16.
170. Sturtevant 1922_a – Sturtevant E. H. Syllabification and Syllabic Quantity of Greek and Latin // *TAPA* 53 (1922), 35-51.
171. Sturtevant 1922_b – Sturtevant E. H. The Ictus of Classical Verse // *American Journal of Philology* 43 (1922).
172. Sturtevant 1922_c – Sturtevant E. H. Accent and Ictus in the Latin Elegiac Distich. // *TAPA* 53 (1922).
173. Sturtevant 1923 – Sturtevant E. H. Harmony and Clash of Accent and Ictus in the Latin Hexameter // *TAPA* 54 (1923), 51-73.
174. Sturtevant 1929 – Sturtevant E. H. {Review of: [Fraenkel 1928]} // *Journal of Philology*, 1 (1929).
175. Sturtevant 1940 – Sturtevant, E. *The Pronunciation of Greek and Latin*. 2nd ed. Baltimore, 1940.
176. Thesleff 1961 – Thesleff, A. *An Introduction to the Pythagorean Writings of the Hellenistic Period*. Åbo, 1961.
177. Trubezkoy 1939 – Trubezkoy N. S. *Grundzüge der Phonologie*. Praha, 1939.
178. Vendryès 1945 (1902) – Vendryès, J. *Traité d'accentuation grecque*. Paris, 1945 (1902).
179. West 1982 – West, M. L. *Greek Metre*. Oxford, 1982.
180. Whitney 1973 – Whitney, W. D. *A Sanskrit Grammar*. Delhi, 1973.
181. Willett 1982 – Willett, E. Reduplication and Accent in Southeastern Tepehuan // *International Journal of American Linguistics* 48 (1982). P. 168.
182. Zieliński 1925 – Zieliński, T. *Tragōdōumenōn libri tres*. Krakow, 1925.

Приложение

КРАТКИЙ СЛОВАРИК ОСНОВНЫХ ПРОСОДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Вес фонологический. Просодическая корреляция, определяющая в ряде языков просодическое тождество открытых слогов с долгим гласным ($C\bar{a}$) закрытым слогам с кратким гласным ($C\check{a}$) и их противопоставление открытым слогам с кратким гласным ($C\check{a}$): $C\bar{a} = C\check{a}C \neq C\check{a}$. Первые два вида слогов рассматриваются как тяжёлые, слоги последнего вида – как лёгкие. В некоторых языках (как арабский) особый фонологический статус имеют ещё перегруженные слоги ($C\bar{a}C$). Фонологический вес, составляющий важнейшую просодическую корреляцию в латинском, греческом, арабском, санскрите и др. языках, соответствует понятию некульминативной корреляции геминации в терминах Н. С. Трубецкого (см. *Просодическая корреляция*). Противопоставление слогов по весу описывается *силлабическими морями*: тяжёлые слоги двуморны, лёгкие – одноморны; в греческом и латинском языках вес определяет ритмику слова и эксплуатируется в метрическом стихе.

В традиционной терминологии вес не вполне корректно именовался долготой слога, тяжёлые слоги назывались долгими, а лёгкие – краткими.

Вокалические моря. Частный случай *силлабических морей*, предполагающие последовательную членимость двуморного слога во времени. К примеру, в древнегреческом языке вокалические моря обслуживали фонологическое противопоставление острого и облечённого ударений ($\phi\acute{\omega}\varsigma$ [phóos] / $\phi\acute{\omega}\varsigma$ [phoós]). Для латинского языка классической эпохи существование вокалических морей не подтверждается.

Мора. Единица противопоставления слогов по критерию фонологической двусоставности/односоставности. В работе различаются абстрактные *силлабические моря* и их частный случай – более конкретные *вокалические моря*.

Морометрические языки (англ. *mora-timed languages*). Языки, в которых не наблюдается серьёзного различия между противопоставлением по силлабическим и вокалическим морям; в них все силлабические моря вокаличны, а все вокалические – силлабичны, при этом такие языки стремятся к выделению равных временных интервалов для воспроизведения каждой моры слова. К М. я. относится японский, эскимосские и ряд других языков; есть основания думать, что подобным свойством отличались языки средиземноморского субстрата.

Моросиллабические языки. Языки, в которых моровая оппозиция реализуется только силлабическими морями, приобретая тем самым наибольшую абстрактность. К таким языкам, лишённым оппозиции вокалических морей, следует относить латинский язык классической эпохи и такие языки, как арабский.

Просодема. «Под просодемой мы понимаем минимальную единицу данного языка, иными словами, слог в слогосчитающих языках и мору в моросчитающих» [Трубецкой 2000: 211].

Просодическая корреляция. Способ фонологического противопоставления просодем языка. По Н. С. Трубецкому, П. к. делятся на кульминативные (вершинообразующие) и некульминативные. В первом случае одна просодема превалирует над прочими в слове, во втором – нет.

К кульминативным П. к. относятся:

- 1) корреляция ударения (кульминативная корреляция интенсивности для языков с ударением, занимающим слог, – как в русском или латинском);
- 2) мелодическая корреляция для моросчитающих языков, в которых (музыкальное) ударение занимает одну мору, – как в литовском или древнегреческом.

К некульминативным П. к. относятся:

- 3) регистровая корреляция, при которой каждая просодема слова может иметь свой регистр тона (один из двух или трёх), что характерно для ряда азиатских и африканских языков (например, для языка иббо) [Трубецкой 2000: 212].
- 4) некульминативная корреляция геминации (двусоставности) для моросчитающих языков, при которой каждый слог в слове может быть двуморным или одноморным; в общем виде она тождественна категории фонологического веса и составляет основную просодическую корреляцию для древнегреческого и латинского языков. Встречается также в датском, арабском, ведийском, японском и др. языках.
- 5) некульминативная корреляция интенсивности для слогосчитающих языков, при которой каждый слог слова может быть или не быть интенсивным, например, чешск. *říkání*, *lopata* или *kabátek* [Трубецкой 2000: 211].

Таким образом, в русском языке имеется только (кульминативная) корреляция ударения, в древнегреческом – кульминативная мелодическая корреляция и некульминативная корреляция геминации, в латинском I в. до Р. Х. – некульминативная корреляция геминации и (кульминативная) корреляция ударения.

Силлабические моры. Система абстрактных фонологических единиц, описывающих противопоставление двусоставных и односоставных слогов, но не предполагающих обязательной членимости двуморного слога во времени. В терминах силлабических мор в греческом и латинском языках описывается противопоставление слогов по *весу*: $S\bar{a} = S\grave{a}S \neq S\acute{a}$. Как частный случай силлабических в работе рассматриваются *вокалические моры*.